

ЧЕТКИ

4
2011

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

Ренат Беккин. Хава-ля (Роман) • Наталья Хмелевская. Африка в жизни и творчестве Н.С. Гумилева • Сомалийские сказки • Николай Косухин. Советско-сомалийская научная экспедиция: как все начиналось • Николай Косухин, Александр Никифоров, Евгений Шерр. Сомали, которого больше нет (Отрывки из рабочего дневника советско-сомалийской научной экспедиции) • Ренат Беккин. «Деревня сомалийцев» в Санкт-Петербурге • Анна Мильто. Нуруддин Фара — писатель-изгнанник и кризис идентичности в Сомали • Мария Тииликайнен. Сомалиленд: лечение «чистым исламом»

ЧѐТКИ

ЧЕТКИ

Четки 4 (14) 2011

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор: *Беккин Ренат Ирикович*
Заведующий отделом литературы стран Зарубежного Востока:
Башарин Павел Викторович
Редактор: *Орлова Ольга Юрьевна*
Корректор: *Конькова Александра Александровна*
Разработка серийного оформления:
Кагаров Эркин Медатович
Верстка: *Чеботарев Сергей Николаевич*

ИДЕЯ Льва Николаевича Толстого

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Издательский дом Марджани»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

117997, г. Москва, ул. Вавилова, д. 69.
Тел.: +7(495) 234-04-79
e-mail: chetky@mardjani.ru
www.mardjani.com

ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИЯ: www.chetky.ru

Журнал «Четки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-28954
ISSN 2070-2205

Редакция не предоставляет справочной информации и не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Рекламуемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Четки», а также на сайте www.chetky.ru, допускается только с письменного разрешения редакции.

Продажа по подписке.

Тираж: 300 экз.

Цена свободная.

© ООО «Издательский дом Марджани»

В номере использованы изображения:

Обложка: в центре композиции вертикально расположен текст: «Достаточно свидетельства Аллаха о том, что Мухаммад является его пророком». Крупный элемент — слово «Мухаммад». *Стр. 6:* Курильница. Восточный Иран, XI в. Бронза, литье, прорезной узор, гравировка. *Стр. 99:* Крышка чернильницы. Иран, 2-я пол. XI в. Лагунь, литье, гравировка, инкрустация серебром и медью. Благопожелание: «Чести, удачи, могущества, здоровья, благополучия, победы обладателя сего». *Стр. 121:* Сосуд. Сирия или Египет, конец XIV в. Медь, чеканка, гравировка. *Стр. 145:* Чаша-ковш. Золотая Орда, XIV в. Бронза, литье. *Стр. 183:* Астролябия. Иран, XVI–XVIII вв. Бронза, гравировка, эмаль.

© Suleiman Collection

Фонд Марджани

Содержание

- 4 **ОТ РЕДАКЦИИ**
-
- 6 **ПИЩА СЕРДЕЦ**
7 *Ренат Беккин. Хава-ля (Роман)*
-
- 99 **БЕСЕДА ПТИЦ**
100 *Наталья Хмелевская. Африка в жизни и творчестве Н.С. Гумилева*
-
- 121 **ПОСЛАНИЯ МУДРОСТИ**
122 Сомалийские сказки
Перевод с сомалийского *Георгия Капчица, Александра Жолковского*
-
- 145 **ДУНОВЕНИЕ ДРУЖБЫ**
146 *Николай Косухин. Советско-сомалийская научная экспедиция: как все начиналось*
154 *Николай Косухин, Александр Никифоров, Евгений Шерр*
Сомали, которого больше нет (Отрывки из рабочего дневника Советско-сомалийской научной экспедиции)
-
- 183 **ЧУДЕСА СТРАН**
184 *Ренат Беккин. «Деревня сомалийцев» в Санкт-Петербурге*
187 *Анна Мильто. Нуруддин Фара — писатель-изгнанник и кризис идентичности в Сомали*
198 *Мария Тишликайнен. Сомалиленд: лечение «чистым исламом»*
Перевод с английского *Анны Сырейщиковой*
-

ОТ РЕДАКЦИИ

Драгоценный читатель!

Этот номер «Четок» целиком посвящен Сомали. Не столько государству Сомали, которое прекратило свое существование ровно двадцать лет назад, сколько Сомали — как особому состоянию души, которое, вне всякого сомнения, шире любых этнических и клановых границ. Для того чтобы жить в этом экстерриториальном Сомали, совершенно необязательно быть сомалийцем по рождению. Не случайно герой романа «Хава-ля» москвич Ренат слышит от одного сомалийца в Харгейсе такие слова: «Ты такой же сомалиец, как мы, только белый».

То, что любые государственные границы — не более чем условность, доказывает пример Нуруддина Фараха (или Фары), о мировосприятии которого рассказывается в статье африканиста Анны Мильто «Нуруддин Фара — писатель-изгнанник и кризис идентичности в Сомали». Самый известный в мире сомалийский писатель живет в США и ЮАР, а свои произведения сочиняет на английском языке. Но это не мешает ему быть для многих людей в мире полномочным представителем сомалийского народа, выразителем его, не всегда понятной западному человеку, души.

Пожалуй, не будет преувеличением назвать сомалийцем и Николая Степановича Гумилева, посетившего в ходе своих поездок в Африку священный для каждого, в ком течет сомалийская кровь, город Харар, находившийся тогда, как и сейчас, на территории Эфиопии (Абиссинии). Без Африки, куда Гумилев ездил в общей сложности пять раз, Россия могла потерять поэта на десятилетие раньше. Африка дала ему новую жизнь. Об этом пишет в своей статье специалист по творчеству Гумилева Наталия Хмелевская.

Гумилев путешествовал по Восточной Африке в самый разгар восстания под предводительством шейха Мохаммеда Абдилле Хасана, продлившегося без малого двадцать лет. Тогда, перед лицом колонизаторов, сомалийцы впервые в истории почувствовали себя не представителями отдельных враждующих кланов и племен, а единым народом — пусть ненадолго, пусть не до конца отдавая себе самим в этом отчет. В этом — главная заслуга Мохаммеда Абдилле, прозванного так и не сумевшими сломить его англичанами Бешеным муллой.

По следам восстания, возглавляемого шейхом Хасаном, спустя пятьдесят лет после его смерти отправились ученые — сотрудники Института Африки АН СССР, чтобы увидеть и поговорить с теми, кто был знаком с ним, его единомышленниками и

противниками. Наиболее примечательные отрывки из «Рабочего дневника Советско-сомалийской экспедиции» 1971 года мы публикуем на страницах нашего журнала.

Мы назвали этот материал: «Сомали, которого больше нет». Поначалу мы хотели дать такое грустное название всему номеру, но вовремя спохватились. Разве исчезло куда-то Сомали, воспетое Гумилевым или Нуруддином Фарахом? Нет, это Сомали будет продолжать свою жизнь, независимо от того, какое столетие на дворе. Оно не нуждается ни в армии, чтобы его охранять, ни в чиновниках, чтобы им управлять. Единственно, кто ему нужен, — это умный и добрый читатель... Такой, как у «Чётков».

Ренат Беккин

Пицца сердцец

ХАВА-ЛЯ

Ренат Беккин*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

В твоих руках роман. Роман о любви. О любви к странствиям, побуждающей оставлять обжитые места ради неизведанных. О любви к женщине, делающей далекие страны близкими, а близкие — далекими. О любви к своему делу, превращающей обладателя кабинетной профессии в настоящего героя.

С тех пор как я возвратился из Харгейсы — столицы Сомалиленда, — прошло три с половиной года. Какие-то детали того славного путешествия уже не вспомнить, как ни пытайся. Но самое главное, что не смогло отнять у меня время, — это воспоминания о тех дивных людях, которые встречались мне в этой поездке.

Я заслуживал бы звания самого бесчестного злодея на Земле, если бы позволил себе не упомянуть здесь имя одного достойнейшего человека — профессора Пальцева, которого без всякого преувеличения можно назвать соавтором романа. Поэтому взял на себя смелость включить в сочинение фрагменты неопубликованных работ профессора, которые тот успел передать мне незадолго до своей трагической гибели. Выдержки из работ, написанных Пальцевым, отмечены в тексте курсивом. Они, на мой взгляд, стали органичной частью романа и позволяют лучше узнать быт, нрав и историю сомалийцев. Там, где этого требовали задачи сюжета, автор взял на себя смелость и подверг текст профессора небольшой литературной обработке.

Автор выражает безграничную благодарность послу Сомалийской Республики в Российской Федерации господину Мохаммеду Мохамуду Хандуле, оказавшему максимальное содействие в организации его поездки в Сомалиленд. Ни в сомалийском, ни в русском языке не найдется достаточно теплых слов, чтобы отблагодарить координатора международной неправительственной организации «Interpeace» в Харгейсе Саида Мохамуда, ставшего мне верным помощником при сборе сведений о хавале в Сомалиленде. Отдельное спасибо — Георгию Капчицу — составителю и переводчику двух замечательных сборников: сомалийских пословиц и поговорок и сомалийских сказок. Эти две книги послужили подлинным источником вдохновения для автора при работе

* Ренат Ирикович Беккин (р. 1979) – прозаик, публицист. Литературные публикации в журналах «Бельские просторы», «День и ночь», «Литературные незнакомцы», «Гипертекст», «Новая Юность» и др.

над романом. А еще хочется пожелать процветания государству Сомалиленд и его замечательным жителям. Поистине, это — благословенное место на Земле! Люди здесь счастливы лишь потому, что нет войны.

Надеюсь, что читатель проявит снисходительность к автору за некоторый невинный вымысел, присутствующий в романе. Заранее приношу извинения, если фантазия сочинителя кого-нибудь задела. И пусть упреком написавшему эти строки станут слова: «Сомалиец может соврать, но вранье никогда не станет пословицей».

Двадцатилетию распада Сомали
и Советского Союза посвящается

ХАВА

«Тот, кто не знает льва, может отнять у него овцу»

(Сомалийская пословица)

В детстве один папин друг привез мне из Эфиопии двух кукол — мальчика и девочку. На мальчике были казенные фиолетовые трусы, на девочке — коротенькое пестрое платьице, пластмассовые, как и ее нежно баклажановое тело, похожие на белые гомеопатические таблетки от глистов, которыми меня потчевали в детсадовском возрасте, бусы и незатейливая — того же цвета, что и платье, — косынка на голове. Я быстро придумал им имена. Мальчика с нарисованными белой краской серьгами в ушах прозвал Томом — как обитателя хижины из романа Бичер-Стоу и несчастного негритенка из стихотворения Барто, которому не давали проходу расисты в Америке:

Живет мальчишка в городке,
Он черен до того —
В сарае, в темном уголке,
И не найдешь его...

Зовут мальчишку Томом,
С утра, часов с семи,
Играет перед домом
Он с младшими детьми.

Он нянчит черных, голых
Братишек и сестер,

Смеется во весь голос,
Поет им всякий вздор...

Девочку назвал Евой. Это ветхозаветное имя досталось моей диковинной кукле от девочки-армянки из нашей группы в детском саду. Наша детсадовская Ева была черная, почти как негритянка, и очень нравилась мне тогда — до того злополучного дня, когда она отлупила меня из-за какой-то ерунды на глазах у воспитательницы и ребят. Я не вынес такого к себе отношения: о том, чтобы любить Еву дальше, не могло быть и речи.

Ее тезке из Эфиопии повезло больше. Кукла Ева стала первой в моей жизни женщиной, которую я обнажил. Дерзко, не думая о последствиях и не испытывая ничего, кроме невероятного любопытства. Как и всякому нормальному ребенку, мне хотелось узнать, что скрывается под пестрым облачением необычной игрушки. Начал я с головы. Под платком оказалась обыкновенная вата... и совершенно лысая, круглая, как мой детский кулачок, голова. Я спросил у мамы: почему девочка лысая? Лысых мальчиков я видел, а вот девочек — еще нет.

— Потому что в Африке жарко, — отвечала мама.

— А почему тогда у мальчика волосики есть? — не отставал я, тыкая пальцем в ласковый мох кудряшек на голове Тома.

— Ну, значит, девочка болела, вот ее и подстригли. У нее, наверное, лишай был, — вмешался в разговор папа.

— А кто такой — лишай?

— Это если будешь киску незнакомую гладить — тоже заболеешь, и придется тебе тоже волосики сбрить, — сказал папа и ушел на работу.

Я испугался лишая, вообразив его кровожадным кусачим чудовищем, обитающим на кисках, но все-таки не бросил Еву. Под ее пестрым платьицем оказались трусы неопределенного цвета. То, что скрывали трусы, привело меня в некоторое замешательство — моя Ева ничем не отличалась от Тома, у которого напрочь отсутствовали первичные половые признаки. Кто же тогда врал: Петька, подглядывавший за девчонками в туалете и утверждавший, что у них ТАМ «все по-другому», или дяденька-эфиоп, смастеривший Тома и Еву? Дяденька должен был лучше понимать в девочках, чем Петька.

С тех пор я долгое время думал, что чернокожие девочки ничем не отличаются от чернокожих мальчиков — разве что у них иногда не бывает волос... из-за общения с кошками.

Бедняга Том, наверное, жутко ревновал меня к Еве. Ему пришлось терпеливо ждать несколько лет, пока я не повзрослел и куклы перестали меня волновать. Теперь у него не осталось достойных конкурентов. Советские плюшевые медведи не интересовались эфиопскими девочками. Я сослал эту парочку на антресоли, чтобы там они наслаждались законным уединением. Сослал и забыл.

Однажды летом меня отправили в пионерский лагерь. Мы переезжали на другую квартиру, и мое присутствие при этом значительном событии создавало бы только дополнительные неудобства для окружающих. Когда я вернулся, в бауле с игрушками, переехавшими из старой квартиры, отыскался только Том. Ева каким-то вол-

шебным образом исчезла. Я взял несчастного эфиопа на руки: «Что же ты не уберег свою девочку, дурачок?!» Том ничего не ответил, демонстрируя завидную выдержку. Я не стал давать ему пустые обещания, что непременно найду Еву. Мы оба были уже достаточно взрослыми, чтобы не верить в сказки.

Но сказки, как известно, иногда вторгаются в нашу жизнь, даже если мы упрямо не верим в них...

Не помню в точности, каким ветром меня тогда занесло в Казань. Полагаю, что причиной тому стала хандра. В конце июля, справив «четвертак», я затосковал и задумал сменить обстановку: на пару дней нагрязнул к друзьям, давно не видевшим меня. Погостить, пошататься по этому самому счастливому населенному пункту в России, где все улыбаются тебе, даже бомжи.

В тот день я не знал, чем себя занять. Накануне почти до утра мы играли в «Монополию».

Проснулся я измученный, улетучившаяся ночью хандра вновь воротилась ко мне. В прежние времена из этого состояния меня выводил небольшой роман без продолжения. Но этот рецепт безвозвратно устарел. Оставалось надеяться на чудо, которое способно будет выцарапать меня из хандринных лап.

Я нарочно нырнул в одну из малолюдных улочек в Старотатарской слободе, где практически не осталось жилых, или, правильнее сказать, живых домов: одни старые, полуразрушенные деревянные здания, сохранившие память о славных купеческих фамилиях. Я вразвалочку двигался по разбомбленной временем и людьми улице с мягким названием Сафьян, когда увидел, что стая собак окружила какую-то девушку в мусульманском платке. Еще издалека я заключил, что она — нездешняя: местные девушки носят одноцветные платки, а у этой на голове было что-то цветастое с узорами — как у моей бесполой куклы Евы. Бог мой, так это же негритянка! Я ускорию шаг, на ходу придумывая, как спасти несчастную и не пострадать самому.

Силы были неравны. Шесть лохматых псов заливались хором, а перепуганная девушка только беспомощно поднимала и опускала руки, словно именно их она боялась потерять в неравной битве с распоясавшимися четвероногими бродягами. В правой руке, которую она держала значительно выше левой, был зажат пучок каких-то листьев.

Не придумав ничего дельного, я схватил средних размеров камень и запустил в собаку, которую принял за вожака, сопроводив это действие угрожающим криком. Все собачьи взоры были теперь устремлены на меня. Не давая себе времени рассуждать, я потянулся за вторым камнем. Но вместо того чтобы расквитаться с обидчиком, псы, проклиная меня на своем собачьем языке, унеслись прочь.

Я подошел к девушке, на меня смотрело милое испуганное лицо цвета спелого каштана с большущими карими глазами. Слегка приподнятая губа обнажала верхние резцы — маленькие и пронзительно белые. Неизвестно, кто из нас был в тот момент больше удивлен: девушка — невероятному избавлению на вымершей улице, или я — не рассчитывавший одержать столь легкую победу над дикой собачьей сворой.

— Thank you, thank you, gentleman! You really saved my life¹, — пробормотала она на безупречном английском. В нашей английской гимназии, где я отучился пять лет, ей бы поставили «пять» за такое произношение.

— No problem. Are you ok?²

— Yes, but it was terrible. I thought they could eat me³.

— Yes, they could⁴, — и я привел в назидание историю, случившуюся с одним моим казанским знакомым, которому собаки-бродяжки зимой, когда он, нетрезвый, прилег в сугробе, отгрызли ухо.

— Oh... Russian winter, — мечтательно произнесла африканка. — What's your name?⁵

— Renat. And yours?⁶

— Hawa⁷.

Хава?! — по-русски Хава — это то же самое, что и Ева. Вот это да!

— Where are you from? Ethiopia?⁸

— No, from Somaliland⁹.

— Excuse me, from where?¹⁰

— Somaliland. It is the country near Ethiopia¹¹.

Хава рассказала, что приехала в Казань на Всемирный конгресс мусульманских женщин и сейчас шла из гостиницы, где их разместили, в отель «Казань», где проходил сам конгресс. Я вызвался проводить ее. Это было в пятнадцати минутах ходьбы, если идти неторопливым шагом. За это время я рассчитывал поближе узнать Хаву. Но это оказалось не так просто: только я начинал говорить о чем-то, как меня обрывали на полуслове бесцеремонные горожане, до того дня казавшиеся мне приветливыми и ласковыми. Все они, будто сговорившись, желали сфотографироваться с моей спутницей. Один из них — мужичонка лет сорока, подвыпивший, с трогательно-идиотическим выражением на лице — клялся, что никогда не видел «негритосок», и шлепнулся на колени, пытаясь поцеловать руку Хавы. Испугавшись его не меньше, чем собак, Хава отскочила в сторону, и мужичонка, потеряв равновесие, опрокинулся лицом на каменную плитку тротуара. В руках его оказались несколько веточек из пучка, который прижимала к сердцу Хава. Я бросился поднимать лохматую голову мужичонки, оказавшуюся необычайно тяжелой, пока Хава, что-то тревожно бормоча на своем языке, выцарапывала из его упрямых пальцев свои листочки. Обратив ко мне окровавленную физиономию, мужичонка, глотая сопли, зарыдал:

¹ Спасибо вам, спасибо вам, джентльмен! Вы действительно спасли меня (англ.).

² Без проблем. У вас все в порядке? (англ.).

³ Да, но это было ужасно. Я думала, они съедят меня (англ.).

⁴ Да, они могли (англ.).

⁵ О... русская зима. Как вас зовут? (англ.).

⁶ Ренат. А вас? (англ.).

⁷ Хава (англ.).

⁸ Откуда вы? Из Эфиопии? (англ.).

⁹ Нет, из Сомалиленда (англ.).

¹⁰ Простите, откуда? (англ.).

¹¹ Сомалиленд. Это страна недалеко от Эфиопии (англ.).

— Суки вы! Жалко вам? Да? Жалко?!

— Чего жалко? Не видишь — мы спешим?

— Все спешат, никому до меня нет дела, — мужичонка со всей дури треснул кулаком по стене дома, к которой я с его большим трудом оттащил. Погладив окровавленной ладонью свое туловище, одетое в грязно-синюю джинсовую куртку, он схватил меня за шею другой рукой и прошептал, закатив глаза и выдыхая мне в лицо ароматы своих низменных пристрастий:

— Выпьешь со мной, дурачок?

— Не-е, мужик, не могу.

— Да что же это за день такой! — зарыдал в полный голос мужичонка. — Ни выпить, ни сфоткаться не с кем!

Вдруг лицо его просияло, он поманил меня пальцем и нежно прошептал:

— Ты тогда, слышь, парень, ты это... замочи меня. Пожалуйста!

— То есть как — замочи? — совершенно перепугался я.

— Ты чего, маленький? Ну, прям возьми и замочи. Раз у меня такой день — фиг ли мне жить дальше?

— Нет, папаша, вы уж извините, но я — пас.

— Да что же это за день такой гребаный! — больше прежнего заголосил мужичонка, затем с неожиданным проворством поднялся с земли и, пошатываясь, полпелся прочь, напевая: «Ах, какая женщина, какая женщина...»

Я оглянулся по сторонам, отыскивая Хаву среди окруживших место происшествия зевак.

— Чернушку свою ищешь, майор? — голос принадлежал усатой старухе в коричневом дерматиновом пальто. — Уехала она. Взяла машину и уехала.

— Когда?

— Да несколько минут назад. Не догонишь уж.

Я хотел спросить старуху, почему она назвала меня майором, но передумал. Не до того мне было тогда...

«КАЗАНСКИЙ СОБАКОВОД»

«Если ты покажешь ребенку свои зубы — он покажет тебе свой зад»
(Сомалийская пословица)

Я не из тех горячих безумцев, кто, не оставляя себе ни минуты на раздумья, страстно бросается в полымя, а потом, раздавленный тяжелыми плодами собственной глупости и своеволия, сетует на судьбу, окружающих и в исключительных случаях — на самого себя. Оторвавшись от толпы, я присел у фонтана напротив театра Камала и принялся обдумывать свое непростое на первый взгляд положение. Я давно открыл для себя, что у воды всегда думается легко и быстро, а решения, принятые у водоема или лучше того — в самом водоеме, всегда оказываются верны. Довольно скоро ситуация показалась мне не столь трагичной, как в первые секунды, когда я узнал, что Хава самым банальным образом сбежала.

Во-первых, мне было в точности известно, где ее искать, а это — уже полдела. Или даже больше. Стоит только сделать несколько шагов до проезжей части, и я смогу сей же час поймать «мотор», как говорят казанцы, и отправиться в погоню за таинственной сомалийкой. Но я не позволил моей нетерпеливости подавить во мне разумность и умеренность. «Пусть уверует в то, что я не помчусь за ней, — решил я, — пусть потеряет меня в своем непостижимом разуме, чтобы вновь неожиданно-негаданно обрести!»

И, во-вторых, мне ли было роптать на судьбу — тому, кто меньше часа назад возопил о том, чтобы какое-нибудь невероятное приключение немедленно вывело меня из удручающего состояния? И разве не мне в ответ на мои мольбы были ниспосланы целых два таких приключения: противоборство со стаей собак и знакомство с мало-хольным пьянчужкой?! То, что ко всем этим небанальным событиям примешалась таинственно-шоколадная Хава, было приятной случайностью, не более того...

И тут я поймал себя на том, что я даже не допускаю мысли, что не пойду за нею. Если бы кто-нибудь спросил тогда, отчего встреча с этой странной девушкой так взбудоражила меня, я бы не сумел дать вразумительного ответа. Но что-то подсказывало мне, что вся эта история, начавшаяся на улице Сафьян, — всего лишь первый шаг на пути к большому приключению.

В одной из кофеен — напротив «Часов» на Баумана — я заказал себе кофе с конфеткой и принялся рассуждать, что делать дальше.

Я всегда легко сходилась с женщинами. И если приходилось мне слышать слова отказа, то не сразу, а в процессе общения. То, что случилось с Хавой, совершенно не вписывалось в мою систему. Она, не спросив моего дозволения, взялась тасовать колоду и сделала это так, что я очевидно проигрывал. А я не любил проигрывать — тем более тем, кто мне нравился. Скажу откровенно: я был уязвлен.

Была еще одна причина, побудившая меня последовать за Хавой. Я был из тех, кого называют «этническими» мусульманами, или мусульманами по рождению, — верующими, но не соблюдающими. Когда я начинал встречаться с девушками, я не интересовался, какой они веры. Но я знал, что жениться мне мама позволит только на мусульманке. В последнее время я стал задумываться о женитьбе, и потому стал активнее присматриваться к последовательницам Пророка. Больше всего смятение и любопытство вызывали у меня девушки в платке. И вот судьба дала мне шанс узнать такую девушку.

Прежде я никогда не увлекался чернокожими красавицами. Мне казалось, что те, кто встречается с людьми, радикально не похожими на окружающих, стремятся выделиться за счет другого. Выходит, я ошибался. Как минимум — в отношении себя. Может быть, еще тогда, в детстве, когда мне подарили Тома и Еву, была предreshена моя судьба...

Минут через тридцать я уже стоял перед столиком, над которым висел плакат: «1-й Всемирный конгресс мусульманских женщин». Под плакатом сидели две девушки. Одна — рыжая, другая — блондинка.

— Простите, здесь проходит конгресс мусульманских женщин? — обратился я сразу к обеим, не решаясь предпочесть одну другой.

— Да, здесь, — отвечали девушки хором.

— Меня интересует мадемуазель Хава из Сомали... Сомалиленда. Я — журналист из газеты «Казанский собаковод», хотел бы взять у нее интервью на тему «Жизнь казанских собак глазами сомалийской женщины».

— Что-то я не знаю такой газеты, — недоверчиво сказала блондинка. — У меня шарпей дома живет. Трехлетка. Вы про шарпеев пишете?

— В основном про них и пишем, — сказал я. — Шарпеи — лучшие собаки на Земле! Если вы любезно оставите свой номер, мы доставим вам последние номера для ознакомления и напишем о вашем шарпее небольшое, с позволения сказать, эссе.

— Вот здорово, — взмахнула руками блондинка и принялась выводить почерком отличницы свой номер на листке бумаги.

— Так что там насчет мадемуазель Хавы?

— Да, она в зале, я видела ее, — сказала рыжая, надувшая губки, как только блондинка завела речь о шарпее. — Я сейчас схожу за ней.

— Будьте так любезны.

Я последовал за ней и нарочно укрылся за дверью, которая вела в зал, чтобы лишить Хаву пути к отступлению. Вскоре она действительно вышла из зала в сопровождении рыжей, шурша своим пестрым одеянием.

— Ой, а где же журналист? Только что здесь был, — рыжая не успела закончить эту фразу, как я образовался у них с Хавой с тыла с букетом белых лилий, купленных мною по пути в «Казань».

Хава закрыла кулачком рот и засмеялась. Но я успел поймать взглядом розовый кончик ее язычка.

«Неужели у африканцев розовые языки? — подумал я. — Странно, никогда не обращал раньше внимания. Впрочем, Бог с ним, с языком! Мне определенно нравились эти обнаженные зубки, прикрытые смуглой ладошкой».

— Куда же вы исчезли? — спросил я с серьезным лицом по-английски.

— Я спешила на конференцию, — как-то неуверенно и даже стыдливо отвечала она.

— Но я же шел туда вместе с вами!

— Да... но этот мужчина... Это мерзкое чудовище. Я думала, это ваш друг и не хотела вам мешать.

— Он такой же мой друг, как те собаки, что напали на вас некоторое время назад. Я сначала тоже принял их за ваших друзей и решил не мешать вам. Но потом что-то подсказало мне, что если это и ваши друзья, то вам крайне неприятно их общество, — не удержался я.

— Вы веселый человек, — вновь улыбнулась Хава. — И еще самый настоящий обманщик. Мне сказали, что пришел журналист из собачьего журнала.

— С вами иначе пропадешь. Это, кстати, — вам, вы, кажется, очень любите цветы, — я протянул ей букет.

— Да, люблю. Спасибо, мне давно никто не дарил цветов.

— Странно, но мне показалось, во время нашей прошлой встречи у вас был в руках какой-то букетик. Это вишня?

— Вишня? Что такое вишня?

— Это ягода такая. У нее листья такие, как у вас в руках были.

— Ну... может быть. Я уже не помню...

— Понимаю, — ответил я, а сам подумал: «Что же ты тогда у того мужичонки чуть пальцы не оторвала?»

— Когда мы сможем увидеться? — спросил я, увидев, что Хава смотрит на часы на своем мобильном.

— Не знаю. Вечером я уезжаю.

— Как?! Уже сегодня? Во сколько?

— В десять.

— Вот это новость! Во сколько заканчивается ваш конгресс?

— В пять.

— Окей, тогда в пять я буду ждать вас здесь, и не вздумайте никуда сбегать!

Хава засмеялась:

— Не сбегу...

— Как жаль, что у меня совсем нет времени узнать вас, — добавила она мне во след.

— Не стоит волноваться на этот счет, — отвечал я, обернувшись. — Я и сам себя толком не знаю. Бывает, натворю что-нибудь, а потом сам дивлюсь...

Скоротать несколько часов в Казани — сущий пустяк для человека, у которого полно друзей в этом городе, где человеческое общение все еще ценится больше, чем бездушная компьютерная болтовня...

За десять минут до назначенного времени я уже находился в «Казани». От конгресса не осталось и следа: плакат успели свернуть, на столе валялись ошметки бумаги и пара рыжих волосков.

Так я и знал!

— Не скажете, давно здесь конгресс закончился? — спросил я администратора отеля.

— Полчаса назад. Все уже разошлись, — отвечал администратор.

— Ну что ж, спасибо...

— Простите, а вы случайно не Ренат? — неожиданно спросил администратор.

— Случайно да, а что?

— Вам тут оставили сообщение.

Я поспешно выхватил у него из рук сложенный вдвое листок бумаги. Под нарисованной желтым цветом эмблемой конгресса в виде полумесяца, лежащего над соединенными в мольбе руками, — вероятно, женскими — содержалось написанное крупными буквами письмо на английском. Вот его дословный перевод:

«Дорогой Ренат! Наверное, ты опять будешь злиться, что я обманула тебя. Но здесь нет ни грамма моей вины. Конференция кончилась раньше, и нас сразу увезли на концерт какой-то группы бабушек, которые поют песни на языке... я не помню, как он называется. На нем говорят здесь, в Казани. Оттуда нас повезут в аэропорт. А сейчас мы едем в отель за вещами.

Не думай, что я избегаю общения с тобой. Ты очень понравился мне. Ты очень обходительный. Настоящий джентльмен. Сейчас среди мужчин так мало джентль-

менов. Много таких, как то омерзительное чудовище, которое мы повстречали по дороге. А джентльменов мало.

А еще ты такой смелый. Это редко так бывает, чтобы мужчина был джентльмен и смелый. До сих пор у меня все тело дрожит, когда я вспоминаю, как ты закричал на собак. Как павиан — вожак стаи. Я, честно говоря, больше всего тогда испугалась не собак, а твоего крика. Я даже немного обмочилась — так жутко стало. Поэтому я так спешила. Мне нужно было вернуться в мой отель, а потом я поехала на конференцию. Вот тебе мой маленький секрет.

Очень надеюсь увидеться с тобой. Приезжай в Харгейсу. Это столица Сомалиленда (не путай с Сомали!). Мой e-mail: hawa-zebra@nabad.org. А это мой номер: +253216665.

Пиши. До встречи. Хава».

Когда я дочитал письмо, какая-то сила в тот же миг толкнула меня чем-то тяжелым, но вместе с тем нежно-мягким в грудь, и я опрокинулся на стоявший рядом диван. Все это свершилось с такой легкостью, словно я был не восьмидесятикилограммовым мужчиной, а невесомым колибри, подкинутым порывом ветра. Я прижал письмо Хавы к глазам и счастливо засмеялся. Колода находилась в моих руках, а, стало быть, исход игры теперь во многом зависел от меня...

ПРОФЕССОР ПАЛЬЦЕВ

«Свою палку давай только тому, у кого ты сможешь ее отнять»
(Сомалийская пословица)

Московское лето невыносимо. Похотливо-потливое, черемухово-черешневое, оно сдавливает тебя, застигнутого врасплох, не успевшего улизнуть на море или на дачу, в своих нежно-влажных объятиях, врываясь в твои раздувшиеся, как у загнанного коня, ноздри букетом тошнотворных городских ароматов. Мысль, уставшая работать, придумывает для себя задачи попроще и поприятнее.

Хочется весь день беззаботно слоняться по улицам и паркам и пялиться на полуголых девок, облизывая сладкое, но невкусное мороженое. Если повезет, то можно с кем-нибудь сойтись, и потом, чувствуя себя неотразимым, всю ночь целоваться на съёмной квартире в каком-нибудь Бирюлево или Братеево. А утром, разбуженный рассерженной голодной кошкой хозяйки, стыдливо испариться, словно ничего и не было, пока на улице свежо и в транспорте нет давки и хамства.

Это лето, по всем признакам, обещало быть другим. Та же жара, те же, еще более оголившиеся девахи на каблуках и в шортах, то же неизбежно-безвкусное мороженое, но я сам уже другой.

Доказано, что ничто так не преображает и не отвлекает человека от низменного и приземленного, как любовь и важное дело. Теперь у меня было и то и другое. С момента возвращения в Москву меня не отпускала мысль: каким образом добыть средства для поездки в Сомалиленд? На следующий день в ответ на свое SMS я полу-

чил от Хавы ответ: «I am at home alhamdu lillYa! Waiting for you in Hargeisa»¹. С этого мгновения я уже не сомневался, ехать мне в Харгейсу или нет.

Еще в поезде, по дороге в столицу, я подсчитал, сколько денег мне понадобится, чтобы достичь Харгейсы и вернуться обратно. Получившиеся цифры вызывали тревогу и состояние, сходное с тем, которое испытывают хорошо повеселившиеся в ресторане по случаю закрытия сессии студенты, когда официант хладнокровно приносит им счет.

Даже если предположить, что в самом Сомалиленде я буду спать под открытым небом и перейду на подножный корм, добывая себе пищу своими молодыми хищными руками, выходило, что поездка обойдется мне не меньше, чем в восемьдесят тысяч. Сумасшедшие деньги, и все это — в основном расходы на перелет.

Я взял листок бумаги и, вооружившись реализмом, стал изучать все варианты изыскания средств. Вспомнилась поговорка: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». В студенческие годы мы нередко одалживались друг у друга до степухи. Долг в срок возвращали редко, тем более — без напоминаний и угроз. Но это было тогда, а теперь многие из моих бывших однокашников стали не в пример мне хорошо зарабатывать. Это значит, что получить деньги в долг будет проще.

Я сразу решил, что лучше не просить всю сумму сразу, а частями: по несколько тысяч у каждого. Чтобы не тратить время попусту, я начал писать в «Контакте» всем, кто был у меня в друзьях и имел в моих глазах высокий финансовый рейтинг. Из списка потенциальных кредиторов я исключил женщин, несовершеннолетних и пожилых.

Начать решил с Васи Хромова. У него был свой маленький бизнес — салон красоты. Каждый год несколько сотен девушек добровольно сжигали свое тело за собственные деньги, а Вася богател, ездил на Бали, на Мальдивы, где его нежнокожая жена Нинка пряталась от солнца под огромным зонтом, обмазанная дорогими солнцезащитными кремами. Недавно он купил новую квартиру, большую трехкомнатную, в центре.

Полдня я выжидал, когда Вася появится онлайн. Деликатные разговоры лучше вести в прямом эфире, чтобы не дать собеседнику возможности проигнорировать адресованное ему послание.

Я: Привет, Вась, как у тебя дела?

Вася SuperBoss: Супер! Как сам?

Я: Тож ничего.

Пауза.

Я: Что-то давно не виделись... надо встретиться☺

Вася SuperBoss: Супер! Давай!

Пауза.

Я: Вась, а ты бы не одолжил мне денег?

Пауза.

Вася SuperBoss: Сколько?

¹ Я дома, слава Аллаху! Жду тебя в Харгейсе (англ.).

Я: Ну не знаю. Мне, вообще, много надо...

Вася SuperBoss: Скока? Не тяни ката...

Я: Тыщ восемьдесят.

Вася SuperBoss: Ой!

Я: Нет, мне столько сразу от тебя не надо! Хотя бы тыщ пять дай. Я сразу верну. Осенью.

Вася SuperBoss: Не-е, братан, я не могу сейчас. Сорри! У меня ипотека. Надо долг погашать, мы тут еще ремонт затеяли... Ты к Мишке обратись. Он тебе обязательно даст.

Я: Хорошо, извини...

Я написал еще нескольким своим друзьям, в том числе Мишке. Но каждый раз слышал от них что-то похожее на Васин ответ. Словно это были не разные люди с неодинаковыми возможностями, непохожей судьбой и несовпадающими взглядами на жизнь, а кто-то один, коварный и безжалостный, устроившийся по ту сторону монитора, лупил по клавишам за всех моих друзей бескомпромиссное «нет».

Один напоминал мне про прогнозируемый экспертами кризис, считая это серьезным основанием для того, чтобы убить нашу дружбу. Другой, не достаивая меня вразумительного ответа, бросал ссылку на выложенные в его альбомах фотографии какого-то младенца. Я спрашивал, кто это, а он, обрадовавшись, долго и занудно растолковывал, сколько сил и, главное, денег отнимает содержание ребенка. В ответ на свою просьбу я слышал десятки, сотни слов, но они были не убедительнее, чем лепет того младенца с фотографий. Всякий раз, получив отказ, я удалял «обидчика» из списка друзей. И ни одна душа не посмела меня спросить: за что.

Потом я, раздавленный, бросил заниматься этой ерундой.

«Нет, если так дальше пойдет дело, я лишусь даже тех, кто мне по-настоящему дорог», — подумал я. Я запретил себе беспокоить самых дорогих для меня людей, чтобы не разочароваться. Потом все будут говорить, что я, мелочный циник, отрекся от друзей из-за денег.

Может быть, оффлайн люди милосерднее? Что если попытать счастья за пределами социальных сетей? Не так легко отказать человеку, когда он сидит перед тобой, живой, с грустными глазами, а не по ту сторону хладнодушного экрана? Я стал вспоминать тех из своих друзей и знакомых, к кому теоретически и практически можно было обратиться с вопросом о деньгах, и осознал, что единственным таким человеком был Ленька Колосов по прозвищу «Злак». Когда-то он буквально жил в социальных сетях, но месяц назад его девушка заставила его удалить все анкеты. Ленька подчинился, но вскоре затосковал и неделю не просыхал.

Мне было хорошо известно, что денег у Леньки не водилось, но, в отличие от меня, он знал, как добывать их.

Мы встретились в одной чебуречной, недалеко от особняка Горького на «Пушкинской», — там, где мы когда-то всей нашей группой отмечали выпускной и откуда под утро, обливаясь пьяными несправедливыми слезами, уносили на руках Андрюху

Мутонова, жестоко израненного повздорившим с ним из-за недожаренных лягушачьих лапок официантом. На следующий день Андрюха умер.

Первым делом мы с Ленькой помянули Андрюху. Я к тому времени бросил пить, поэтому ограничился тархуном. Ленька поначалу протестовал: «За Андрюху тархун?! Да ты...» — но потом смирился.

— Интересно, а тот официантишка еще до сих пор здесь работает? — зыряка по сторонам, произнес Ленька. — Его же так и не посадили. Вот сейчас найти бы его и оторвать ему его лягушачьи лапки!

— Вряд ли, — сказал я примиряюще. — Наверное, он уже умер давно. С таким грехом непросто жить.

— Не согласен, — протянул Ленька. — Многие живут, и хоть бы хны.

— Ладно, фиг с ними... Ленька, у меня к тебе дело. Мне нужны деньги.

— Не вопрос. Сколько? — Леня потянулся за бумажником.

— Нет, ты меня не понял. Мне нужно много, восемьдесят тысяч.

— Да, столько у меня нет. Но рублей пятьсот я тебе прям сейчас могу дать.

— Спасибо, Ленька! Ты настоящий друг. Но это не спасет меня.

— А что спасет отца русской демократии?

— Доброе слово и умный совет. Подскажи, где мне достать восемьдесят тысяч? Срочно за один месяц или пораньше. Я уже, у кого мог из знакомых, спросил. Все отказали, суки.

— И Мишка отказал?

— Отказал.

— Да-а. Восемьдесят тысяч... за один месяц... да-а. Друзья оказались в этом вопросе врагами, а девушки не в счет, так?

— Так точно. Ты, как всегда, мудр и прозорлив.

Несколько минут Ленька молчал. Я не тревожил его. Я любил его за то, что он не задавал лишних вопросов: Ленька и в самом деле даже не спросил, зачем мне нужны деньги.

— Ну, что я могу сказать, — наконец произнес он. — Дело серьезное, но небезнадежное. Какие у нас варианты? Самый простой — продать почку, но я даже не предлагаю это, зная, что ты не согласишься. Не знаю, на что тебе такие деньжищи, но у тебя бы тогда еще осталось немного на реабилитацию.

Я замахал руками. Я мечтал увидеть Хаву, но лишиться почки не хотел.

— Продолжаем. Что у нас еще? — Леня придирчиво оглядел меня с ног до головы. — Ты можешь стать любовником богатой женщины...

— Леня!

— Или мужчины...

— Леня!

— Хорошо. Этот вариант отпадает. Тогда... тогда... Возьми кредит!

— Леня, я думал, ты что-нибудь более умное скажешь. Про кредит я и без тебя знаю. Только кто же мне его даст.

— А ты пробовал? Может, и дадут. Им ведь не важно, сможешь ты вернуть деньги в срок или нет. Им даже лучше, если ты задолжаешь. Знаешь почему? Да потому, что тогда ты будешь должен им еще больше — со всеми ихними штрафами и неустойками. А деньги они с тебя все равно сдерут, даже если бы тебе пришлось продать почку.

— Лень, задрал ты с этой почкой!

— Выбери банк похуже, помельче, посерее, пожаднее и попакочнее, — продолжал Ленька, не обращая внимания на мои слова. — Есть у тебя такой банк на примете? Напрягай извилины!

— Банк? Около дома есть «Сбербанк».

— Даже не суйся туда.

— Вспомнил! У меня через дорогу есть банк. Называется «Святополк».

— Сказочное название! Что-то подсказывает мне, что это как раз то, что тебе нужно. Держи меня в курсе...

Признаться, я никогда особо не доверял банкирам, почитая их за сущих злодеев. Дел с ними я старался не иметь, у меня долгое время не имелось даже банковской карты. Когда мои финансово продвинутые знакомые узнавали об этом, они надменно смеялись, словно я не умел пользоваться туалетной бумагой. Только на предыдущей работе начальство насильно оформило мне карточку, пригрозив уволить, если я посмею противиться этому.

До того момента, как Ленька уболтал меня отправиться в банк, обращаться в эти учреждения за деньгами я считал делом бессмысленным и глупым. Если какой-нибудь материальный объект манил меня и требовал, чтобы я непременно здесь и сейчас его приобрел, я заглядывал в свой кошелек и строго говорил себе: «Терпи, Ренат, и скоро тебе самому не захочется этого». Так обычно и происходило. Но с Хавой был особый случай. Я не мог сказать себе, что это пройдет, во-первых, потому, что я не был царем Соломоном, и у меня на руке не было перстня с соответствующей надписью, и, во-вторых, потому, что я ни за что не хотел, чтобы моя любовь к Хаве прошла. В том, что это была любовь, я окончательно уверовал в поезде, когда Хава привиделась мне во сне беременной. От меня. Не знаю, как кто другой, а я верю в сны, особенно — если они мне нравятся...

О существовании банка «Святополк» я догадывался благодаря вывеске, которая была неплохо видна из моего окна. Банк расположился на первом этаже в пятиэтажке — на том самом месте, где в пору моего детства работало детское кафе «Белочка». Меня часто водили туда, если я не дерзил и хорошо учился. Порция мороженого с появившейся недавно в Союзе пепси-колой казались мне достойными того, чтобы в течение недели демонстрировать благонравие и усердие.

Теперь ноги сами несли меня туда, где когда-то скрывалось мое невинное детское счастье. Кто знает, может, и теперь за волшебной дверью конторы, носящей имя киевского князя, меня терпеливо дожидается ключ к моему, теперь уже взрослому, счастью?..

На входе меня встретила одетая в строгую юбку-макси девушка с длинной, похожей на накладную, косой.

— Добро пожаловать, гость дорогой, — сказала она и картинно поклонилась мне в пояс.

— Неплохое начало, — обрадовался я.

— По какому вопросу пожаловали, добрый молодец? — нараспев произнесла девушка, лебедушкой проплывая вокруг меня.

— Я за деньгами пришел, — ответил я, немного замешкавшись. Мне стало вдруг совестно говорить с такой поэтичной натурой о материальных ценностях.

— За своими? — не переставала водить хороводы «лебедушка».

— Нет, к сожалению, за вашими, — отшутился я, не переставая крутить шейю вслед за движениями «лебедушки».

— Значит, вы за кредитом? — пропела «лебедушка» и поплыла в сторону терминала.

— Да, — выговорил я, чувствуя, что начинаю потеть.

«Лебедушка» выдала мне талон, поклонилась в пояс и велела дожидаться очереди.

Одухотворенный, я приземлился на диван. Рядом со мной о чем-то горячо спорила немолодая пара.

— Ты что, дуралей старый, здесь проценты маленькие, — говорила маленькая, совсем усохшая старуха, тыча пальцем с длинным грязным ногтем в буклет банка, который держал в руке лохматый краснолицый дед в выцветшей военной рубашке и тренировочных штанах.

— Зато надежно и снять можно в любой момент, — неуверенно возразил дед.

— Инфляция больше, чем их сраные проценты, — не сдавалась старуха.

— Зато банк надежный. Наш, православный. Смотри, какие вежливые тут девочки, — дед указал рукой за угол, где осталась «лебедушка».

— Я тебе дам девочек, старый козел!

— Так, еще одно слово, и я вообще не буду класть деньги! — взметнулся старик.

— Ну и засунь их себе... На кой ты мне нужен, импотент старый.

Я отсел на соседний диван, чтобы невольно не стать участником этой волнующей семейной ссоры. В конце концов экономический расчет победил, и старики остались дожидаться своей очереди — каждый глядя в свою сторону.

Сейчас еще одна «лебедушка» с косой до пят подхватит своими нежными лапками стариковские деньги, поклонится им в пояс и выдаст их мне. Но уже на совершенно других условиях. Таковы законы рынка.

Я ошибся: в кабинке для заемщиков меня ждала уже не «лебедушка», а мужчина средних лет, в косоворотке, с большой ухоженной рыжеватой бородой и косматыми бровями. На столе у него стояло внушительных размеров распятие, а за спиной висела большая икона Богородицы — рядом с портретом премьер-министра.

— Милости просим, сударь, присаживайтесь, пожалуйста. С какой целью пожаловали?

— Хочу получить кредит на поездку.

— Поездка — это дело достойное, особенно для молодых людей, — бодро отвечал бородач. — Ибо сказано в Писании: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки свои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь».

— Да, верно сказано, не поспоришь, — улыбнулся я в ответ. — Всеу свое время.

— Так куда, вы говорите, вам нужны деньги?

— А что, мне надо обязательно сказать вам об этом?

— А как же! Это в ваших интересах, сударь, — бородач раскрыл лежавшую подле него на столе карту, на которой все страны были обозначены четырьмя цветами. —

Наш банк проводит гибкую политику в работе с заемщиками. Наше вознаграждение за кредит зависит прежде всего от двух моментов: в какую страну вы едете и с какой целью едете. Как видите, у нас здесь четыре вида стран: православные (мы отмечаем их желтым цветом), отступнические, они обозначены у нас черным цветом, агарянские — они у нас серые, и, наконец, идолопоклоннические, помеченные фиолетовым. Кредит на поездку в православную страну — разумеется, самый дешевый, 14 процентов годовых. Самый дорогой — в отступнические страны, 21 процент годовых. Вы сами-то в какую из этих стран направляетесь?

— По вашей классификации — в агарянскую. В Сомалиленд.

— Наверное, миссионерствовать едете? — сочувственно улыбнулся бородач.

— То есть?

— Сейчас поясню. Дело в том, что если вы с миссионерскими целями путешествуете, то это ускоряет процесс рассмотрения вашей заявки на получение кредита. Кроме того, для этой категории клиентов, которую мы условно называем «миссионерской», у нас существует скидка. Например, если вы едете по миссионерской линии в отступнические страны, то вам предоставляют кредит не под 21, а под 16 процентов годовых.

— Нет, миссионерствовать я не еду. Я — по личному вопросу.

Бородач замолчал. Похоже, моя ситуация не вписывалась в кредитную схему банка «Святополк».

— Но вы же православный? — спросил он с некоторой долей неуверенности в голосе.

— Да нет вроде, — отвечал я.

— А кто? Хотя, впрочем, не говорите, я догадался, — на лице бородача появилось осмысленное выражение. Система мироздания, существовавшая в его мозгу, была восстановлена. — Я вас, наверное, огорчу, но кредитный комитет скорее всего отрицательно ответит на вашу заявку на получение кредита.

— Почему?

— Потому что вы оттуда можете не вернуться, и с кого нам тогда долг взыскивать?

— Как не вернуться?! У меня мать тут, друзья...

— Там опасно.

— А если бы я проповедовать поехал? Что, менее опасно было бы?

— Тогда бы вас хранил Господь, — невозмутимо отвечал бородач.

— Он и так меня хранит. По крайней мере, я в это верю.

— Вы же не православный. Значит, не хранит...

Я прошел мимо стоявшей у входа «лебедушки», но та даже не взглянула на меня. Правду говорят, что женщины не любят неудачников.

Вечером мне позвонил Ленька.

— Ну, что, как твой банк?

— А ты как думаешь, советник вождя?!

— Отказали?.. Ну, не расстраивайся. Я тебе как раз звоню. У меня такая идея. На сто миллионов! Хочешь бесплатно поехать в свое Сомали?

— Мне и ста тысяч хватит! Только по банкам я больше ходить не буду.

— Да фиг с ними, с банками! Тебе надо устроиться в Институт африканистики на работу. Они тебя пошлют в Африку в командировку.

— Прямо так сразу и пошлют?

— А вдруг и сразу. Ты попробуй. Им тоже молодежь нужна. Одни старики сидят. Ты же не ради зарплаты туда идешь, а ради поездки. Это твой шанс, дурила!

На следующий день я отправился в Институт африканистики, на прием к директору — Владимиру Васильевичу Пореву. Это был бодрый, сладко улыбающийся высокий старик, от которого пахло мокрыми еловыми шишками и водкой.

— Вы правы, одни старики остались, — согласился Владимир Васильевич с моим тезисом об омоложении кадров в науке. — Молодежь калачом не заманить сейчас в институты, им деньги большие подавай. Вот мы, старики, идохнем здесь как мухи в банке из-под варенья. Варенья уже на доньшке осталось, а выбраться некуда: крышка сверху.

— Так, значит, у меня есть шанс? — обрадовался я.

— Да, шанс, вне всякого сомнения, есть, но, как в том анекдоте, вам придется подождать, пока кто-нибудь из наших не умрет, — вторую часть фразы Владимир Васильевич произнес шепотом, после чего громко заржал, шваркнув обеими ладонями по столу. — Оставьте свой телефон, мой секретарь позвонит вам, как только откроется вакансия. Сами понимаете, пожилые люди — всю жизнь в науке, не могу я их сократить, грех такой, понимаете, на душу взять. Сам уже не мальчик. Режьте меня, стреляйте — не могу!

Вышел я из института совсем грустный. Телефон свой я, конечно, оставил, но перспектива на чемоданах любви ждать смерти какого-нибудь ветхого профессора меня не вдохновляла.

Остановившись у пруда, я залюбовался двумя обитавшими здесь лебедями, черными с красными носами, — как в любимом мною мультфильме про Васю Куролесова.

Справа от меня на скамейке сидел дородный, пучеглазый господин в фиолетовом пальто. На голове его торчала тирольская шляпа. Он неторопливо пил кефир из стеклянной бутылки — точь-в-точь такой, которые навсегда остались в моем детстве, вместе с авоськами и жвачками с малиновым, апельсиновым и мятным вкусом. Закусывал пучеглазый батоном, который держал в правой руке.

— Присаживайтесь, молодой человек, — произнес он, заметив, что я, как завороченный, уже несколько минут пытливо разглядываю его.

— Спасибо, — я присел на краешек скамейки.

— Что ищете, молодой человек?

— Счастье.

— Так что его искать? Оно же здесь.

— Где? — я машинально оглянулся по сторонам.

— Да здесь, прямо у нас под ногами. Видите этих голубей и воробышков? Вот я сейчас плюну, а они будут счастливы слязнуть все это безобразие. А вы небось нет? — сказав это, пучеглазый господин подмигнул мне.

— Нет. Не стал бы.

— А если бы сильно проголодались?

— Все равно, наверное, не стал бы, — я посмотрел на господина, на его полные треснувшие губы и представил, как жадно глотаю кашу, извергнутую им в качестве милости ко мне. Мне стало не по себе.

— Вы не пугайтесь, что я вам вопросы такие задаю. Просто часто люди не понимают своего счастья, а оно рядом. Вот вы на что ради счастья своего готовы?

— На все... Ну, почти на все, кроме преступления.

— А что вам нужно для счастья?

Не знаю отчего, только тогда мне, после всех мытарств с поиском денег, жутко хотелось выговориться, и я открыл странному незнакомцу то, что всеми правдами и неправдами скрывал от самых близких друзей. Подобно Пьеру Безухову, таившему свое чувство к Наташе от всех и поведавшему о нем пьяному французу в пылавшей Москве. Так откровенничают со случайными попутчиками в поезде, чтобы потом, выпорхнув на станции прибытия, с облегченной душой навсегда забыть своего избавителя.

— Слушайте, да вас мне просто Бог послал, — всплеснул руками пучеглазый господин, выслушав с заметным волнением мой рассказ. — Позвольте представиться: профессор Пальцев, — он приподнял над головой свою тирольскую шляпу и обнажил совершенно лысую голову.

— Очень приятно, — в ответ я, не имевший головного убора, привстал. — Ренат. Ренат Беккин.

— Я имею честь служить в том институте, куда вы только что безуспешно пытались устроиться.

— Правда?!

— Сущая правда. Вы знаете, может и правильно, что этот сукин сын Порев не взял вас в институт. Вам это и незачем. Вам ведь к любимой своей шоколадке хочется? Так для этого не нужно ждать, когда кто-нибудь из моих братьев прикажет долго жить. Есть более гуманный способ оказаться в вашем Сомалиленде.

— Какой? Ковер-самолет?

— Бросьте: ковры-самолеты давно вышли из моды! Все гораздо серьезнее. Я тут грант в прошлом году получил. По неформальным денежным переводам. *Хавали* — слышали, может быть?

— Нет, не слышал.

— Ну не суть. Грант на изучение этой самой *хавали*. По нему непременно нужно смотаться в одну европейскую и в одну африканскую страну. В Европу я, с Божьей помощью, и без вас съездил, а вот на Африку здоровья не хватило. Захворал я. Хотел аспиранта своего отправить, Семенова, но передумал: жирно ему будет, бездельнику, пусть сначала первую главу диссертации мне принесет. И вообще как-то не нравится он мне в последнее время... Так что, вы согласны?

— А я могу поехать по этому гранту в Сомалиленд? — осторожно поинтересовался я.

— Конечно.

— А когда?

— Да хоть завтра. Я вам на днях выдам деньги на поездку. Сто тысяч. Этого должно хватить. Вы распишетесь, и дальше — все в ваших руках.

В тот же вечер я написал Хаве e-mail: «Wait for me, honey! See You soon» — что можно перевести как: «Жди меня, сладкая! Скоро увидимся»...

На следующий день, счастливый, я выглянул в окно, чтобы определить, какая погода на улице, и увидел, что около офиса «Святополка» стоит милицейский автозак. Мне не пришлось долго ждать, чтобы увидеть, как из-за волшебной двери бывшей «Белочки» поочередно выходят на белый свет «лебедушка», косматый господин и еще много других женщин и мужчин, одетых подобно персонажам спектакля по пьесе Островского.

В тот же день несколькими часами позднее в Интернете появилась новость:

«В связи с нарушением законодательства Российской Федерации о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем, отозвана лицензия у банка «Святополк». Руководство банка, а также рядовые сотрудники кредитной организации, непосредственно принимавшие участие в противозаконных операциях, арестованы. Прокуратура проводит расследование».

Посол из Зюзино

«Если разбрелись верблюды — не беда, беда — если разбрелись души»
(Сомалийская поговорка)

До самого последнего мгновения я не позволял себе поверить в то, что чудачковатый профессор у пруда — не мираж, выдуманный моим влюбленным сердцем. Я позвонил профессору Пальцеву на следующий день и, наверное, нисколько бы не изумился, если бы мне сообщили, что такого человека просто не существует в природе. Но мне отвечал знакомый, похожий на урчание сытого пса голос: «Слушаю, молодой человек».

Мы условились увидеться там же, у пруда. Профессор опоздал на пятнадцать минут. Чего только не нафантазировал я за это время. Неужели я все-таки стал жертвой циничного розыгрыша? Ленька? Только он, старый КВНщик, мог придумать эту комедию с «профессором». Где он только откопал такого колоритного господина?

Я написал ему SMSку: «Не смешно, дурак!»

Ленька сразу же перезвонил и зашипел в трубку: «Почему дурак?»

— Потому что у тебя шутки дурацкие.

— Мне сейчас не до шуток. Я на похоронах нашего школьного учителя по ОБЖ. Курил в постели и сгорел. Как спичка. Классный мужик был, — отвечал Ленька.

Значит, все-таки не Ленька. Кто же тогда? Но я не успел придумать ответ — возле меня приземлился профессор с покрасневшимся лицом, в фетровой шляпе и коричневого цвета костюме не по фигуре.

— Извините, что заставил ждать, — проговорил он, отдышавшись. — Начнем с главного. Пальцев достал из своего коричневого дипломата два чистых листа бумаги. — Пишите: «Я, такой-сякой, паспорт номер такой-то, взял у профессора Пальцева Николая Платоновича, паспорт номер... вот вам паспорт, списывайте... у профес-

сора Пальцева... сто тысяч рублей — прописью. Далее — подпись». И повторите то же самое на другом листе.

— А зачем повторять-то?

— Это вам, на память, чтобы помнили.

Я покорно написал еще одну расписку.

— Так, это еще не все, — профессор извлек из своего дипломата папку с бумагами. — Это вам, молодой человек. Здесь некоторые материалы и мои статьи разных лет: о *хавале*, Сомалиленде. Вам следует с этим ознакомиться. Лучше перед поездкой. Там вам не до этого будет.

— Хорошо, обязательно ознакомлюсь.

— А теперь получите свои сто тысяч. Пересчитайте.

— Зачем? Я вам верю.

— Зато я себе не верю. Пересчитайте, говорю вам! Может, я вам лишние сунул.

Я пересчитал.

— Все верно.

— Ну, вот и славно. Так, что еще?.. Держите меня в курсе. Сообщите, когда билеты возьмете и, самое главное, когда вернетесь. И помните: вы не прохлаждаться туда едете. В идеале мне нужно, чтобы вы написали и опубликовали по итогам вашей командировки пару статей. Но это не обязательно делать одному. Главное: соберите побольше материала о *хавале*. А я уже сделаю из этого произведение искусства.

Я поблагодарил профессора и, ликуя, поспешил домой — писать счастливое письмо Хаве, где сообщал ей, что с завтрашнего дня начинаю заниматься подготовкой своей поездки. В поэтичном созвучии имени моей возлюбленной и цели моей командировки я видел добрый знак...

Для любого путешественника, предпочитающего странствовать на чужбине, все страны в мире подразделяются на визовые и безвизовые. Я долго не мог определить, к какой из этих двух категорий надлежит отнести оставленный Богом Сомалиленд. Логика подсказывала мне, что для подобного рода государственных образований было бы чистейшим безумством отказываться от возможности пополнить свой бюджет за счет визовых сборов. Однако информация, которую я почерпнул в Интернете, свидетельствовала, что для россиян вся территория Сомали является безвизовой. Эти заверения прозвучали из уст господина Хандуле — посла Сомали в России. Назвать его Чрезвычайным и Полномочным у корреспондента, видимо, язык не повернулся — какие полномочия могли быть у посла не существовавшего более двадцати пяти лет государства, уверенно говорившего о «всей территории Сомали»? Быть может, по совместительству господин Хандуле выполнял и работу представителя Сомалиленда в России — раз уж непризнанным государствам не положено иметь дипломатических миссий?..

Добыть контакты посольства Сомали в Интернете оказалось непростой задачей. Ни один из номеров, обнаруженных мною в «паутине», не отвечал. Нужно ли объяснять незавидное мое положение в тот момент? Неужели теперь, когда я, раздобыв деньги, мысленно пребывал уже в Харгейсе, такое недоразумение, как невозможность дозвониться до посольства, могло разрушить все мои планы?!

В отчаянии я набрал телефон справочной МИДа, и уже через пять минут счастливее меня на Земле не было человека. Заветный номер был у меня в блокнотике.

— Здравствуйте, — почти сразу ответил бархатистый голос с африканским акцентом.

— Это посольство Сомали?

— Да.

— Я бы хотел получить визу.

— Зачем?

— ... Чтобы поехать в Сомалиленд... Простите, Сомали.

— А вы кто, простите?

— Извините, забыл представиться. Меня зовут Ренат Беккин... Я коллега профессора Пальцева из Института африканистики.

— Вы в этом уверены?

— В чем именно?

— В том, что вы коллега профессора... как его там...

— Абсолютно.

— Хорошо, тогда приходите завтра в десять утра.

Похоже на плохой шпионский детектив. Он, что, решил устроить мне проверку? С кем я вообще разговаривал? Или, может, я не туда попал и меня разыграли?..

Посольство Сомали располагалось в одной из многоэтажек в районе Зюзино: само посольство занимало двухкомнатную квартиру на первом этаже, а жилище посла, как потом оказалось, находилось этажом выше.

По дороге я едва не ошибся адресом: в соседнем подъезде того же дома нашло приют диппредставительство Демократической Республики Конго — бывшего Заира. Символично, что посольства двух, пожалуй, самых опасных стран в мире оказались по соседству в одной московской панельке. Случайность или закономерность?..

Послу Конго, впрочем, повезло куда больше, чем господину Хандуле: он служил дипломатическим представителем реально существующего государства. В отличие от своего соседа по дому, господин Хандуле представлял страну, исчезнувшую с карты мира в один год с Советским Союзом. Но это обстоятельство, похоже, несколько не смущало этого высокого, элегантного джентльмена в сером в полоску костюме, отворившего мне дверь. Коротко стриженные, почти полностью поседевшие волосы, умные, излучающие интерес к собеседнику глаза, делали его похожим на какого-нибудь афроамериканского профессора. Я не сразу признал в нем того самого господина Хандуле, обещавшего россиянам безвизовый режим со страниц одного из электронных изданий.

— Добро пожаловать!

— Спасибо.

— Чай, кофе?

— Кофе...

Я рассказал господину Хандуле о цели своей научной командировки, умолчав о подлинных причинах, заставивших меня, позабыв обо всех заботах, срочно ехать в Сомалиленд. С каждым произносимым мною словом я видел, как в глазах Хандуле появляется что-то похожее на тихую радость.

— Вот, пришел к вам за визой и вообще проконсультироваться: как, что, куда?
— Это очень хорошо, что вы пришли. Не обижайтесь, что я так говорил с вами по телефону. Знаете, нам разные люди звонят.

— Да, я понимаю.

— Значит, вы хотите ехать в Сомалиленд изучать *хавалу*?

— Так точно.

— Сомалиленд — это, конечно, хорошо, но чтобы иметь полное представление о Сомали и о *хавале*, я бы советовал Вам поехать еще в Пунтленд и в Могадишо, — с этими словами господин посол торжественно извлек из ящика стола старую, но хорошо сохранившуюся карту, на которой вместо государственных границ была отмечена территория расселения сомалийских племен.

На карте этой помимо собственно земель единого когда-то Сомали присутствовало крохотное Джибути, а также жирные куски соседних Кении и Эфиопии, в том числе знаменитый район Огаден, послуживший причиной Эфиопско-сомалийской войны 1977-78 годов. Война эта, ныне почти забытая за пределами региона, во многом может послужить инструментом понимания нынешнего бедственного положения Сомали.

Летом 1960 года бывшее Итальянское Сомали (Сомалия) и Британский Сомалиленд с разницей в несколько дней получили наконец заслуженную независимость и устремились в объятия друг друга, создав на почве взаимного притяжения единое государство со столицей в Могадишо. Многие жители Сомали тогда всем сердцем верили, что это только начало, первый важный шаг на пути объединения всех сомалийцев в одно государство. Члены Законодательной Ассамблеи Сомалиленда так волновались, что собрались на день раньше запланированного — 27 июня — для того чтобы единогласно проголосовать за закон об объединении Сомалиленда и Сомали — бывшей подопечной территории ООН под управлением Италии.

До 1960-го сомалийские племена компактно проживали в Британском, Итальянском и Французском Сомали, в эфиопской провинции Огаден и на северо-востоке Кении. Логика теоретиков идеи «Великого Сомали» была проста: если удалось объединиться британской и итальянской частям Сомали, то что мешает расширить этот союз за счет других земель, населенных сомалийцами? Не случайно на флаге Сомалийской Республики на синем фоне изображена белая пятиконечная звезда. Каждый из углов звезды символизирует земли, населенные сомалийцами: собственно Сомали, бывший Британский Сомалиленд, часть территории Эфиопии, Кении и Джибути.

Оставалось лишь запастись терпением и дожидаться, когда колонизаторы — англичане и французы — соберут свои вещи и уберутся домой — из Кении и Французского Сомали соответственно. Поначалу намерений вернуть «исконные сомалийские территории» военным путем не было: сомалийское руководство верило в мирный исход дела, рассчитывая на солидарность и энтузиазм земляков по ту сторону границы.

В 1963 году прозвучал первый звонок: независимость получила Кения. Сомалийцы уже приготовили белые рубашки и закололи самых жирных коз, ожидая праздника

по случаю воссоединения с земляками. Но верные принципу «Разделяй и властвуй», опытные колонизаторы-британцы не отдали Сомали северо-восточные земли, населенные сомалийцами. Надежды наивных кочевников не оправдались, белые рубашки пришлось убрать в плетеные корзины до лучших времен, а жирных коз, даваясь скупыми мужскими слезами, есть самим. Пораскинув мозгами, сомалийцы решили в следующем году применить силу и вторглись в северо-восточный район Кении. Однако эта попытка потерпела фиаско. Британцы наострили уши: они готовы были воспользоваться любой возможностью вернуться в этот один из наиболее комфортных для проживания белого человека уголков на Земле. От попыток присоединить территорию Кении, населенную сомалийцами, сторонникам идеи «Великого Сомали» пришлось отказаться.

Французы, как назло, также ни за что не хотели оставлять Джибути, страшая его обитателей непомерными аппетитами южного соседа. За два года до независимости Сомали, в 1958-м, во Французском Сомали был проведен референдум, на который был вынесен вопрос: желают ли жители остаться под властью Франции или соединиться с Сомали, дата независимости которого была уже определена. Большинство населения проголосовало за Францию. Говорят, на том референдуме не обошлось без подтасовок и злоупотреблений: многих сомалийцев просто не пустили к участкам для голосования. Свободу Джибути французы дали только в 1977-м. Тогда у власти в Сомали находился диктатор Сиад Барре, увлекшийся идеями научного социализма. В такой ситуации у сомалийцев, проживавших в Джибути, не было большого желания стать частью соцлагеря.

Таким образом, единственной доступной мишенью для Сомали, которому никак не получалось сделаться Великим, оставалась та самая провинция Огаден в Эфиопии.

В феврале 1964 года сомалийские войска попытались с наскока захватить Огаден, но попытка эта позорно провалилась, как и в случае с Кенией. Поднаторевшие во многовековых боях с иноземными захватчиками, эфиопы гнали обнаглевших сомалийцев до границы. Следующего удачного момента пришлось ждать тринадцать лет. Теперь противником была не тысячелетняя монархия негусов, а ослабленная голодом и гражданской войной республика, глава которой подполковник Менгисту Хайле Мариам занимался построением социализма и планомерным уничтожением собственного народа. Последнее, впрочем, удавалось ему гораздо лучше, чем первое. Неудивительно, что на фоне Менгисту, уморившего в годы своего правления почти три миллиона человек, президент Сомали генерал-майор Сиад Барре был божьим одуванчиком. Любой мыслящий человек на месте Барре и вообразить не мог, что СССР поддержит не его, буквально с первых дней прихода к власти ориентировавшегося на идеи научного социализма, а метавшегося между американцами, китайцами и русскими подполковника, устроившего у себя в стране 37-й год.

Воспользовавшись внутренними проблемами Эфиопии, в частности войной с сепаратистами в Эритрее, обманутыми поочередно колонизаторами, негусом и революционным правительством, подвластные Могадишо повстанческие формирования вместе с регулярными частями армии Сомали вторглись в Огаден в июле 1977 года. В короткие сроки им удалось захватить 90 % территории провинции. Примеча-

тельно, что вплоть до сентября 1977 года Эфиопия не разрывала дипломатических отношений с агрессором, надеясь на вмешательство старших братьев по социализму — Советского Союза и Кубы. Братья действительно попытались примирить двух неортодоксальных африканских марксистов. Фидель, выступивший в роли челночного дипломата, не стал мелочиться и предложил Сомали с Эфиопией объединиться в единое социалистическое государство, к которому в будущем, возможно, присоединился бы Южный Йемен. К счастью для капиталистов, это утопическое предложение не прошло, и война продолжилась. Старшие братья посоветовались и решили взять сторону Менгисту.

Ставки для Сиада Барре в Огаденской войне были предельно высоки. Если бы ему удалось удержать захваченный им Огаден, он вошел бы в историю Сомали как подлинный, а не самопровозглашенный Отец нации. В случае проигрыша его ждал жестокий конфуз. Последнее и случилось. Красиво начатая и бездарно законченная война дорого обошлась не только самому Барре, но и Сомали. По окончании войны усилились сепаратистские настроения на севере, в бывшем Британском Сомалиленде. Северяне довольно скоро разочаровались в проекте «Великого Сомали». Начавшаяся в начале 1980-х гражданская война привела к краху государства и изгнанию диктатора.

Последствия этой войны до сих пор сказываются на судьбе страны. Историческая память делает Эфиопию менее всего заинтересованной в объединении Сомали. Кто поручится, что собирание осколков сомалийской государственности не приведет к возрождению проекта «Великого Сомали» и объединению всех сомалийских племен, в том числе тех, что живут в Эфиопии?..

Из разговора с Хандуле я довольно быстро уяснил, что передо мной — последовательный сторонник единства Сомалийского государства, и потому мой чрезмерный интерес к сепаратистскому образованию на севере может расстроить господина посла. Я поспешил сделать вид, что заинтересовался его предложением посетить другие уголки его страны.

— А там не опасно? — осторожно поинтересовался я.

— Не опаснее, чем в России. Не верьте телевизору! — уверенно сказал Хандуле, который не был в Сомали с тех пор, как государство развалилось на части как старая калоша, отданная на растерзание рассерженным псам.

— Но ведь там сейчас идет война, — возразил я.

— Не волнуйтесь, у вас будет охрана.

— И в Сомалиленде тоже?

— Нет, в Сомалиленде охрана вам не понадобится. Сомалиленд — самое безопасное место на Земле.

Я закрыл глаза и представил себя идущим за руку с Хавой по одной из улиц Харгейсы...

— Не беспокойтесь ни о чем, — прервал мои размышления Хандуле, по-видимому, расценив мою задумчивость как колебание. — Я организую вашу поездку. Вы будете довольны.

— А что насчет визы? — встрепенулся я. — Я прочитал в Интернете, что россиянам не нужна виза в Сомали.

— Виза нужна, но для россиян она бесплатна. Это моя позиция. Запомните это. Приходите через день, я дам вам визу в Сомали, но вы никому не показывайте ее в Сомалиленде, а то они будут обижаться, — предупредил меня господин Хандуле.

— Хорошо, никому не покажу. А в Сомалиленд нужна виза?

— Нужна. Я тоже подготовлю ее вам к следующему разу или пришлю по почте.

Напоследок Хандуле дал мне координаты своего старинного друга Саида.

Тридцать лет назад два молодых марксиста из Сомали, расстроенные извращением социалистических идей у себя на родине, тайком приехали в социалистический Южный Йемен и прямоком обратились в посольство СССР с просьбой предоставить им возможность учиться в стране развитого социализма. Вскоре друзья были приглашены в Союз. Здесь их пути разошлись: Саид отправился учиться журналистике в Ленинград, а Хандуле получил направление в МГУ на философский факультет. Потом будущий Его Превосходительство женился на украинке и остался в России, а Саид вернулся назад. С тех пор Хандуле ни разу не был в Сомали. Он не был кадровым дипломатом, но стал послом своей страны как самый достойный из десяти сомалийцев, проживавших на тот момент в России.

Родственники Хандуле остались на севере, но путь туда послу Сомали был заказан. Человека с имперским мышлением, хранящего в столе карту расселения сомалийских племен, по-видимому, не очень рады были видеть в гордом и независимом Сомалиленде...

— Это были лучшие годы в нашей жизни, — сказал господин Хандуле, завершая свой рассказ о той, их совместной с Саидом, поездке в Советский Союз. — Саид — хороший человек. Вы убедитесь в этом.

По глазам Хандуле я понял, что он жутко завидует мне. Я обещал ему обязательно привезти сувенир с родины...

ЦАРИЦА САВСКАЯ

«За то, чтобы знать что-то наверняка, не жаль отдать и верблюдицу»
(Сомалийская пословица)

Через сутки ровно в десять утра я снова был в посольстве, пил чай «Липтон», провалившись в мягкое кожаное кресло коричневого цвета, и слушал отдававшие за полверсты ностальгией рассказы господина Хандуле о текущем положении в Сомали и Сомалиленде. Смятение первых дней, вызванное стремительно начавшейся подготовкой к поездке, на время оставило меня. Господин Хандуле был мил и обходителен более прежнего, и это по-настоящему успокаивало. Теперь результаты моей командировки всецело зависели от него. По крайней мере, научные результаты. Подлинная цель моей поездки была, конечно, неизвестна господину послу. Но между нами за эти две встречи установилось такое доверие, что я был готов открыться ему. От этого меня удержало лишь отсутствие удачного повода: тема Хавы никак не встраивалась в наши деловые по преимуществу разговоры.

Господин Хандуле выдал мне визу Сомали — длинную портянку в форме анкеты, которую мне пришлось подробно заполнять еще в прошлый раз. Теперь на этой визе стояла печать посольства и подпись Его Превосходительства.

— Не показывайте ее никому в Сомалиленде, пожалуйста, — напомнил свое желание господин посол.

— Конечно, — отозвался я, разглядывая визу. У меня было большое подозрение, что и в самом Сомали ее некому будет показывать. Если, конечно, я вообще туда соберусь.

— Вы еще не заказали билет в Харгейсу?

— Нет еще, не успел.

— Хорошо. В таком случае я вам советую побывать в Дубае. Если вы не увидите, как работает *хавалья* в Дубае, считайте, что ваша командировка прошла зря, — категорично заявил господин Хандуле.

— Конечно, если вы так считаете...

Дубай совершенно не входил в мои планы, мне хотелось как можно скорее добраться до конечной цели моего путешествия, не отвлекаясь на другие города и страны. Но выбора у меня все равно не было: прямых рейсов из Москвы в Харгейсу не существовало, и мой путь к сердцу любимой лежал либо через Дубай, либо через Каир. В Каире мне уже приходилось бывать, а в Дубае — еще нет. Так почему бы не задержаться в Дубае на денек — тем более, если этого требуют интересы науки?..

Господин Хандуле позвонил при мне одному сомалийцу, проживавшему в Эмиратах, и тот обещал сводить меня в логово *хавальдаров* — компаний, занимающихся *хавалей*.

— Заплатите ему сто долларов. Его зовут Хасан, — сказал господин Хандуле.

— Хорошо, — ответил я и тут же подумал: «Интересно, как к этому отнесется бухгалтерия института?» Но я не стал произносить свои мысли вслух, чтобы не обидеть господина посла своей мелочностью...

Единственное, что у меня получилось сделать без затруднений — это приобрести билет на рейс «Аэрофлота» до Дубая. Все остальное оказалось сущим ребусом. Господин Хандуле сказал, что лететь из Дубая можно рейсами «Daallo Airlines». Непосильной задачей оказалось отыскать сайт компании. Я позвонил господину послу. Он продиктовал мне адрес сайта, добавив, что купить билет через Интернет невозможно, имеется лишь возможность забронировать его, а потом выкупить в одном из офисов «Daallo» в Дубае.

Пока я возился с билетами, делал прививку от желтой лихорадки и ездил на другой конец города за мефлохином — профилактическим средством от малярии, — прошло несколько дней. Беглый взгляд на календарь ужаснул меня. Как я мог забыть о визе в Эмираты! Я набрал в Интернете: «Срочная виза в ОАЭ» и тотчас же позвонил в первую высветившуюся в поисковике турфирму.

— Здравствуйте, мне срочно нужна виза в Эмираты.

— Когда вы планируете приехать?

— В следующую пятницу, двадцать четвертого. Я прилетаю в ночь с пятницы на субботу.

— С пятницы на субботу. Так меньше недели осталось. Что же вы так поздно звонили?

— Так получилось. Что же, никак нельзя срочную визу сделать? Может, кто-то другой делает срочные визы?

— Бесполезно. Стандартный срок — пять дней. Сегодня восемнадцатое. Если завтра мы сдаем всем документы, у нас формально пять дней есть, но сюда попадает пятница — выходной в Эмиратах. Но попытаться можно. Срочно приходите с паспортом и фотографиями. Вам еще отель надо забронировать.

Я примчался в офис. Мы недолго выбирали мое временное пристанище в Дубае. Им оказался отель с названием «Литтл Тадж Махал».

— Это небольшой чистый отель в самом центре старого города. Он, правда, находится далеко от публичного пляжа, но каждое утро от отеля идет бесплатный автобус до Залива. Вечером в пять всех забирают обратно.

— Спасибо, а как с визой поступим?

— Будем надеяться, что все получится. Зайдите послезавтра. Мы дадим вам бумагу из посольства Эмиратов, что ваши документы на визу приняты. Звоните каждый день, спрашивайте, не стесняйтесь. Вот мой мобильный. Меня зовут Анна Ивановна.

И я звонил. Каждый день, утром, и задавал один и тот же вопрос: «Ну, как, готова моя виза?» — и получал один и тот же ответ: «Пока нет, не волнуйтесь, еще есть время».

Наступил день вылета, пятница. В 9.00 утра я, подавляя волнение, позвонил Анне Ивановне.

— Ну, как, готова моя виза?

— Пока нет. Сегодня же у них выходной.

— Но я сегодня улетаю!

— Да, я знаю. Летите спокойно. Сегодня ровно пять дней прошло, как мы сдали документы на ускоренную визу. По-нормальному, ее должны были сделать вчера вечером.

— А есть вероятность того, что ее не сделали?

— Есть, конечно, — охотно согласилась Анна Ивановна. — Но я бы на вашем месте все равно летела. Так у вас хотя бы есть шанс, а если вы не полетите, то все потеряете. Как говорится, либо пан, либо пропал. Вам это надо? Даже если визу не дали — перекантуетесь в аэропорту. Это не так страшно. У нас был уже такой случай с одним клиентом. Возьмите с собой еды побольше.

— Спасибо за совет.

— Вы не волнуйтесь, девяносто процентов, что вам выдадут визу в аэропорту. Летите с Богом. Счастливого пути!

И я полетел, с Богом в сердце и тревожными мыслями в голове. Те десять процентов вероятности, что я не получу визу, не давали мне покоя. Все, что у меня было, — это листок, на котором указывалось, что я такого-то числа сдал документы на визу.

Теперь вместо того чтобы сладко спать, я буду гадать весь полет: попаду я в Дубай или нет. Оставалось надеяться на интересного попутчика, который отвлек бы меня от этих томительных тревог. И Всевышний услышал меня.

Только я пристроил свой рюкзак в багажное отделение над головой и занял свое кресло, как услышал за спиной гнусавый голос: «Вы позволите мне пройти к окошку?»

Я обернулся и увидел светловолосого парня в очках с небольшой козлиной бородкой.

— Ну, вот с этим не соскучишься, — печально подумал я.

Третье место между нами так и осталось незанятым.

Мы еще не взлетели, а мой попутчик, представившийся Женей, стал засыпать меня вопросами. Узнав, что я еду в научную командировку, он схватил меня за руку и долго тряс ее, бессмысленно улыбаясь.

— Как же это здорово! Значит, мы с вами коллеги. Я в Йемен лечу. А вы куда направляетесь, если не секрет?

— Не секрет. В Сомалиленд, — отвечал я.

— Ух ты, — еще более обрадовался Женя. — Этот тот самый, который на севере?

— Да.

— Простите за любопытство — все-таки не каждый день встречаешь человека, который едет в Сомали... простите, Сомалиленд. Так что вы едете изучать?

— Хавалю. Систему денежных переводов.

— Ага, это та, с которой американцы борются и которую никак побороть не могут?

— Она самая, только хавалю слишком упрощают те, кто в этом ничего не понимает, — и я с радостью поведал своему попутчику все, что к тому времени успел узнать о хавале из бумаг профессора Пальцева...

Хавалю была известна людям, имевшим дело с деньгами, со стародавних времен. У каждого народа, обладавшего этим незаменимым финансовым инструментом, придумано свое, особое поэтическое имя для него: у китайцев это — фэй цян (буквально: «летучие деньги»), у индийцев — хунди, и, наконец, у арабов — собственно хавалю. В наши дни под хавалей понимается неформальная система денежных переводов, где требуется минимум документации, минимум времени на осуществление операции по переводу средств из пункта А в пункт Б и минимум средств, выплачиваемых в качестве вознаграждения за эту услугу.

Многие народы претендуют на то, чтобы считаться изобретателями хавали. Пока больше всего шансов у обитателей Южной Азии. Известно, что система, схожая с хавалей, существовала на территории Индостана более 7000 лет назад. Но более всего хавалю прославилась под этим своим арабским именем на мусульманском Востоке.

Хавалю еще в доисламские времена применялась для упрощения расчетов между сторонами, выступая средством перевода долга от одного лица к другому. При этом хавалю могла использоваться и как часть какого-либо договора (к примеру, договора купли-продажи), и как самостоятельный инструмент. Например, лицо А (первоначальный должник) должно было лицу В (кредитору) определенную сумму. В свою очередь, лицо С являлось должником лица А. При использовании такого инструмента, как хавалю, лицо А предписывало лицу С погасить долг не перед ним,

а перед лицом В (кредитором). В то же время лицо А оказывалось свободным от уплаты долга перед лицом В.

Хавалья также находила применение как средство платежа в договоре купли-продажи. Например, лицо, выступавшее покупателем по указанному договору, могло расплатиться с продавцом посредством составления хавали. Таким образом покупатель получал товар, а продавец приобретал право требования к третьему лицу, вытекавшее из хавали.

Гораздо более напоминал современную хавалю другой широко распространенный на мусульманском Востоке в Средние века инструмент — суфтаджа.

Суфтаджа составлялась с целью избежать рисков, связанных с перевозкой значительных денежных средств на большие расстояния. В пункте назначения средства, указанные в суфтадже, могли быть выплачены партнером банкира, выписавшего суфтаджу (также, как правило, банкиром), как непосредственно тому, на кого данный документ был составлен, так и третьему лицу. В последнем случае суфтаджа пересылалась соответствующему лицу. Держатель суфтаджи мог получить всю сумму сразу либо частями.

Суфтаджа была широко распространена в мусульманском мире. В частности, при 'Аббасидах — в эпоху, которую называют мусульманским ренессансом, — суфтаджа использовалась для разного рода операций: от отправки налогов в Багдад до выплаты взяток.

Суфтаджу, которая в основном выписывалась на солидные суммы, использовали в своих операциях преимущественно авторитетные и состоятельные банкиры. За составление такого документа взималась плата — около 1 % от суммы, на которую выписывалась суфтаджа. Банкир, имя которого было указано в суфтадже, обязан был выплатить штраф, если оказывался не в состоянии обналчить ее в срок. Эти положения, нарушавшие шариатский запрет ссудного процента, вызывали неодобрение многих мусульманских правоведов, но, поскольку суфтаджа была удобна государству и коммерсантам, она продолжала существовать.

Суфтаджу считают, не без оснований, одной из предшественниц бумажных денег. Например, суфтаджа, как и впоследствии бумажные деньги выполняла функцию средства обращения. В некоторых случаях ее даже предпочитали монетам. Именно суфтаджа, заимствованная венецианцами, активно торговавшими с мусульманским Востоком, стала впоследствии прообразом бумажных денег в Европе. Внесла свой вклад в копилку европейской цивилизации и хавалья. От хавали, в частности, произошло слово аваль — обозначающее в гражданском праве западных стран поручительство по векселю или чеку...

— Интересно. Необычайно интересно, — сказал Женя, когда я закончил свой рассказ. — Бьюсь об заклад, диссертацию пишете? Или уже написали? Чувствуется научный штиль изложения в ваших словах.

— Спасибо, конечно. А насчет диссертации... не знаю. Пока не планировал, но в будущем — может быть. А вы?..

Женя словно только и ждал этого вопроса. Картинно отвернувшись к окну, он некоторое время молчал. Потом повернулся ко мне и тихо произнес:

— Писал, но уже не пишу... И не буду писать!

— Это еще почему?

— Да так. Долгая история.

— Ну, если только дело во времени, то его у нас предостаточно. Или вам неприятно говорить? Может, я вас сейчас послушаю и тоже не стану писать диссертацию.

— Это вы зря, — отходчиво произнес Женя. — Писать, конечно, надо. Только осторожно, потому что написать диссертацию мало, важно ее защитить. Может, моя история и поможет вам не повторить моих ошибок. Вам, правда, это интересно?

— Да, конечно.

— С самого детства меня интересовала история древних царств, особенно тех, о которых упоминается в Библии. Помните, в Библии, в Третьей книге Царств, рассказывается о царице Савской — неземной красоты женщине, в которую был влюблен царь Соломон?

— Да, что-то припоминаю.

— Вот я и решил, еще когда студентом был, что обязательно буду писать научную работу про нее, царицу. Поступил я в аспирантуру в Питерский Большой университет к Борису Михайловичу Павловскому — слышали, наверное, он еще у учеников академика Крачковского учился. Специалист по Южной Аравии. Добрый такой старик был. Плаксивый, сентиментальный. Все меня йеменским кофе угощал. Пока варит, вспоминает свою молодость в Йемене и плачет... Так вот, поступил я в аспирантуру и взял тему «Социально-экономический уклад городов Южной Аравии в эпоху царицы Савской». У меня там целая глава была посвящена опровержению мифов, возникших с библейских времен о царице. Не всем нравилась моя тема. Некоторые сотрудники кафедры косо смотрели на меня. Борис Михайлович как чувствовал, говорил мне: «Защищайся, пока я жив, а то потом сожрут тебя вместе с твоей царицей Савской мои разлюбленные коллеги». Но пока я возился с диссером, собирал материал, хотел, чтобы все в наилучшем виде было, Борис Михайлович незабвенный наш преставился. И назначили мне другого научрука — Аккордеонова, может слышали?

— Нет, не слышал.

— Ну, да не важно. Не стоит он того. Принес я ему диссертацию. Он посмотрел и сказал: «Мне очень жаль, молодой человек, но такую работу я как ваш научный руководитель принять не могу». Я спрашиваю: «Это еще почему?» «А потому что не было никакой царицы Савской», — отвечает. «Как не было?» — спрашиваю. А он мне: «Не было и все. Сказки все это, легенды».

Женя смахнул слезу.

— «Как же так? Стало быть, и царя Соломона не было?» — спрашиваю. «Нет, — говорит, — царь Соломон, безусловно, был, а вот царицы Савской не было». Я ему тогда говорю: «Предъявите доказательства!» А он как затопает ногами, как закричит на меня: «Ничего я вам не должен предъявлять! Идите, куда хотите жалуйтесь, хоть

самому Господу Богу и царю Соломону, только царицы вашей не было, и все». Понимаете?! Не было, говорит, никакой царицы Савской...

— Да неприятная история, — сказал я, сдерживая улыбку. — И что произошло дальше?

— Да ничего не произошло. Ушел я и не приходил больше к нему, — всхлипнул Женя и стукнулся лбом о мое плечо.

Я молча обнял его.

— Да что вы так убиваетесь-то? Была или не была — неужели это так важно?

Женя посмотрел на меня влажными от слез глазами.

— Что значит — не важно? Да вы... — Он уронил голову на руки и громко зарыдал.

— Ну, хватит, успокойтесь! А зачем вы тогда в Йемен едете?

— Как зачем?! — воскликнул Женя. — Искать ее следы, царицыны. Вот найду, приеду в университет и ткну этому Аккордеонову в нос артефактом: накость выкуси! Не было царицы Савской!..

Сдерживая смех, я поспешил в туалет, чтобы там насмеяться вдоволь. Я не хотел обижать этого наивного чудака.

«Вот ведь, — подумал я, — еще более тяжелый случай, чем у меня. Я за живой сомалийкой поехал на край света, а этот за мифической царицей, которой, может, и не было никогда, к черту на рога прется».

Когда я вернулся, Женя спал или делал вид, что спит. Я решил последовать его примеру и вскоре действительно задремал.

Мне снилась Хава в одеждах царицы Савской. Она шла навстречу мне, в задумчивости восседавшему на троне в короне царя иудейского. Нас отделяло несколько метров, которые следовало преодолеть по полу, изготовленному из чистого стекла. Едва ступив на него, Хава испугалась и подняла платье, ей показалось, что под ее ногами плещется озеро, но это был лишь оптический обман. Мой взгляд упал на ее ноги, и я с ужасом увидел, что они были покрыты длинными черными волосищами. Завершались ноги Хавы чудовищными копытами. Я вскакивал и бежал прочь, не оборачиваясь на протяжный крик Хавы: «Куда же ты, милый?» Я мчался, заткнув уши, пока на пути моем не выросстал седой плешивый старец. «Ну что, братец-кролик, — вещал он с хитрым прищуром, — говорил я тебе, что нет никакой Хавы. Выдумки все это, сомалийские сказки...»

Я проснулся под теплый голос проводницы, объявлявшей посадку. Женя сидел рядом кроткий, притихший и что-то едва слышно бормотал. У него были красные, не успевшие высохнуть глаза.

— Надолго в Дубай, коллега? — спросил я его, когда он очнулся от своих мыслей.

— Через два часа у меня рейс на Сану, — после небольшой паузы отвечал Женя.

Когда мы выходили из самолета, я пожал ему руку.

— Желаю вам найти вашу царицу. Что-то подсказывает мне, что вы ее обязательно найдете.

— Вы, правда, так думаете?

— Я в этом не сомневаюсь.

— Спасибо, — Женя обнял меня. — Желаю и вам не оплошать с вашей *хавалей*...

Мы обменялись телефонами и разбрелись в разные стороны. Я был рад этому случайному знакомству. Благодаря таким простодушным энтузиастам, как Женя, жива еще гуманитарная наука. Мне стало совестно, что я, назвавшись исследователем, отправился решать свои личные проблемы...

Впереди меня ждала длинная сонная очередь людей, приехавших позагорать и покупаться. Я посмотрел на часы. Вот и закончился тот самый пятый день, когда должна быть готова моя виза. Вот только это была пятница — выходной.

С каждым шагом я чувствовал, что ноги мои не слушаются меня. Страх провести почти сутки в аэропорту оказался ничем по сравнению с угрозой зависнуть здесь на пару недель. Еще до того, как оказаться в очереди, я спросил у служащей аэропорта — миловидной африканки с большой грудью и фиолетовыми губами: «Где здесь офис “Daallo Airlines”?»

— За паспортным контролем, кажется. Но он уже закрыт, — услышал я в ответ.

Хорошо, что узнал я об этом только здесь, в Дубае, иначе бы я точно не решился лететь. Я вспомнил свой сон в самолете. Что общего между Хавой и царицей Савской?.. Неужели Хавы тоже не существует и это плод моей фантазии?.. Это — сон-предсказание или сон-предупреждение?.. А как же предыдущий сон, в котором Хава понесла от меня?..

Пока я гадал, заспанный, встревоженный, неуверенный, подошла моя очередь.

Я заглянул в окошко, заискивающе улыбаясь, поздоровался с полным мужчиной в традиционной галабее: «Ас-салям алейкум ва рахмат Аллаха ва баракатух»¹ — и протянул свой паспорт с вложенной в него бумажкой из посольства. Когда-то я посещал курсы арабского языка при медресе, предполагая не столько выучить язык, сколько подыскать себе невесту, но ничего из этой затеи не вышло.

— Ва алейкум ас-салям, йа ахи², — услышал я в ответ.

Неплохое начало. Несколько неприлично длинных секунд ожидания. Человек с печатью что-то смотрит в компьютере. Легкий хлопок печати — и мой паспорт возвращается ко мне, сопровождаемый ласковым «Мархаба!»³

Я распахнул свой паспорт, не веря тому, что только что произошло.

— Альхамду лиЛля⁴, — сказал так громко, что все, кто находился поблизости, пробудились. Наверное, если бы Женя встретил живьем саму царицу Савскую, он не испытал бы столько эмоций, сколько испытал я, увидев в своем паспорте треугольную эмиратскую визу.

Я поймал первое подвернувшееся такси и, не торгуясь, велел водителю ехать до отеля.

¹ Мир вам, милость Аллаха и Его благословение (*араб.*).

² И вам мир, брат (*араб.*).

³ Добро пожаловать! (*араб.*).

⁴ Слава Аллаху (*араб.*).

ОДИН ДЕНЬ В ДУБАЕ

«Кто слишком приветлив, тот либо нищий, либо мулла, либо слуга, либо лгун»
(Сомалийская пословица)

Давно подмечено, что более всего на свете не жалуют друг друга двойники, люди с похожей судьбой. Казалось бы, что делить двум чужестранцам, осевшим в незнакомом городе в надежде обрести счастье или что-то похожее на него, но проходит время, и у них непременно отыщется повод для ссоры, во время которой один в запале выкрикнет другому заветные слова: «Понаехали тут». А другой либо ответит ему тем же, либо кротко смолчит, отвернувшись в сторону и почувствовав всю свою беззащитность перед жестокой правотой слов своего оппонента. В странах, заселенных мигрантами со всех концов Земли, невыносимо смешно и обидно слышать подобные речения из уст одного из таких искателей счастья.

О том, что мой водитель — египтянин, я сразу догадался по выдавшей виды наклейке на лобовом стекле с изображением египетского флага. Я показал ему распечатку с названием и адресом отеля.

— А-а, это индийский отель. Знаю, — протянул таксист, затем немного помолчал, легонько прикоснулся к моему плечу и добавил все так же сдержанно, без эмоций, словно говорил об опятах с плешивого пня: — Не люблю индийцев.

— Отчего ж?

— Да злые они и подлые, как гиены. Посмотрите, какие у них глаза. Злые, даже если они улыбаются вам.

— Странно. Никогда раньше не обращал внимания.

— И вообще, зря вы в этот отель едете. Дело, конечно, ваше...

— Почему?

— Да так, — сказал водитель и криво усмехнулся. — С вас сто пятьдесят дирхамов. Удачи вам!

Я покинул машину, растерянный и задумчивый. Что он имел в виду? Я обернулся, чтобы распросить его как следует, но машина уже скрылась за углом.

В отеле, несмотря на работающий кондиционер, чувствовался запах индийских ароматических палочек. У меня приятно закружилась голова, невыносимо захотелось нежности и любви.

На ресепшн меня встретил портье — невысокого роста усатый человек в европейском костюме, с двойным подбородком и очень смуглой кожей. Первым делом я посмотрел в его глаза. Вроде злые, а вроде — нет. Да и какое это имеет значение, когда на часах три ночи по местному времени?!

— Здравствуйте, я забронировал у вас номер. Моя фамилия Беккин.

— Мистер... Беккин, добро пожаловать! Вот ваш ключ. Вы первый раз у нас?

— Да.

— Завтрак у нас есть, но за отдельную плату.

— Да, я знаю, — помня предупреждение Анны Ивановны, я захватил из Москвы немало снеди. Ее мне должно было хватить как минимум на сутки.

— Чек аут в 12.00, — продолжал рассказывать портье, — к вашим услугам бассейн на крыше отеля с двенадцати дня до семи вечера. Приятного отдыха!

Спасибо. Довольно симпатичный человек. Что это водила придумал?

Я не стал даже разглядывать комнату: почистил зубы, растелился и лег в теплую постель...

Утром, еще не успев толком проснуться, почесываясь, кем-то во сне укушенный или ужаленный, я набрал номер Хасана, который, если верить словам Хандуле, должен был сводить меня по местным *хавалядарам*.

— Ас-саляму алейкум, Хасан, это я, Ренат из Москвы, — сказал я по-арабски. — Я здесь, в Дубае.

— Ва алейкум ас-салям. Ренат? Какой Ренат?

— Вам господин Хандуле по поводу меня звонил?

— Ах да! Хандуле. Но я не в Дубае сейчас.

— Простите, что вы сказали? — у меня все встрепенулось внутри, я лишь надеялся, что неправильно понял своего собеседника.

— Я в другом эмирате.

— Но я завтра уезжаю! Хандуле же предупреждал вас!

— Я понимаю. Я сегодня приеду. Все будет хорошо, иншаалла¹.

— Я надеюсь. Спасибо. Когда вы позвоните?

— После трех, иншаалла...

Самым неожиданным образом на меня обрушились несколько часов свободного времени. За завтраком в своем номере я решил, что, может, оно и к лучшему. Через два или три часа у них закроются все офисы на сиесту, а во второй половине дня начнется настоящая жизнь.

Раз уж я здесь, в Дубае, недурно было бы съездить на пляж. Помнится, Анна Ивановна что-то рассказывала про автобус до Залива. Я спустился вниз, к ресепшн.

Там уже был другой сотрудник. Сколько я ни вглядывался в его глаза, но и в них не обнаружил ни крупинки злобы.

— Простите, а где тот автобус, что увозит людей на пляж?

— Да вот же он стоит, — администратор отеля указал на стоявший у входа в отель микроавтобус.

У раскрытой двери микроавтобуса стояло семейство, состоявшее из немолодого мужика, одетого в панаму, короткие до щиколоток штанишки и футболку-сетку без рукавов, его жены — полной женщины неопределенного возраста в коротких белых шортах и футболке с надписью «Sweet lady» — и девочки лет десяти, сжимавшей в руках свой рюкзак в виде собаки неизвестной мне породы. Мужик в панаме о чем-то возбужденно говорил с менеджером отеля — щуплым индийцем в черных брюках и белой рубашке.

¹ Если будет угодно Аллаху (*араб.*).

Я приблизился к ним.

— За что я деньги в натуре платил? Чтобы пешком до моря ходить?! — кричал по-русски мужик в панаме.

Его собеседник, менеджер отеля, — вдвое меньше ростом — отвечал ему на хинглише:

— No problem, mister, please, sir, wait a little bit, please, wait¹.

— I need beach. Understand? Plyazh!² — не унимался мужик в панаме.

— Yes, I understand. But sorry, we have only one bus³, — невозмутимо отвечал менеджер.

— Что он говорит, Миша? — вмешалась его жена, морщинистая сгоревшая на солнце тетка.

— Гонит какую-то пургу. Задолбали, в натуре, — взмахнул руками мужик в панаме. — I want beach. I rest here! Understand?..⁴

Еще некоторое время я стоял на крыльце и наблюдал за происходящим, — пока солнце не затолкало меня внутрь отеля. Никаких шансов уехать на этом микроавтобусе у меня не было.

Я возвратился в номер и прыгнул, не разуваясь, на кровать. Во второй раз за такое короткое время мне пришлось перекраивать свое расписание. Только сейчас мне пришло в голову, что я не выкупил билет до Харгейсы. Надеяться на то, что офис компании в аэропорту будет работать утром, я не стал. К счастью, я захватил с собой распечатку с адресами офисов «Daallo Airlines» в Дубае. На ресепшн меня обрадовали, что один из них находится всего километрах в двух от нашего отеля.

Когда я снова вышел на улицу, увидел отъезжавший микроавтобус. Мужика в панаме и его семейства нигде не было. Вместо них стояла другая семья, китайская: миниатюрный мужчина в шортах-«багамах», жена в соломенной шляпке и двое детей младшего школьного возраста: мальчик и девочка. Дети почему-то сильно плакали.

Я подошел к детям и обратился к ним по-английски: «Не надо плакать!» — и отдал им остававшееся у меня яблоко, одно на двоих. Девочка перестала всхлипывать, забрала яблоко, пропищав что-то в ответ. Пусть не думают, что все русские плохие...

Офис «Daallo» я нашел без труда — он располагался на набережной залива Крик, разделяющего город на две части: Бур Дубай и Дейру. В офисе было несколько сотрудников — сплошь молодые. Один из них, тот, что был немногим старше меня, выписал мне билет и пожелал счастливого пути.

— Не опаздывайте на рейс.

— Хорошо.

Прежде чем уйти, я не удержался и спросил его:

— Вы такой молодой и, наверное, помогаете родным в Сомали?

— Конечно, — ответил парень.

¹ Нет проблем, мистер, пожалуйста, сэр, подождите немного, пожалуйста, подождите! (искаж. англ.).

² Я хочу на пляж. Понял? (искаж. англ.).

³ Да, я понимаю. Но извините, у нас всего один автобус (искаж. англ.).

⁴ Я хочу на пляж. Я отдыхаю здесь. Понял? (искаж. англ.).

— А... как бы это сказать... не сочтите за любопытство. Вы деньги через *хавалю* отправляете? Мне просто это интересно, я исследователь.

— Нет, передаем с бортпроводниками. Это не проблема, мы же работаем в «Daallo». Без всякой комиссии и даже быстрее, чем *хавалья*.

— Ах да, я и не подумал. Спасибо.

Вот и все, проще простого. Старая добрая оказия. Сколько раз подобным же образом некоторые мои сокурсники получали деньги от родных. Обычно прибавку к стипендии передавали с тем, кто ехал в Москву, или поездом, с проводником. Проводник получал от отправителя небольшое вознаграждение, но это было лучше, чем связываться с банками и денежными переводами.

Я постоял некоторое время на набережной Крика и понял, что немедленно хочу погрузиться в воду. Сирый, не очень чистый канал никоим образом не подходил для этих целей, а ловить такси до Залива после разорительной ночной поездки до отеля показалось мне сущим баловством. Оставалось надеяться, что с бассейном не случится та же история, что и с пляжем. Не сильно напрягая мой не готовый к тому, чтобы столь часто принимать важные решения, мозг, я вообразил, как в небольшом бассейне плещется человек сто — все те, кто не успел или не смог уехать на пляж, в том числе несчастное китайское семейство...

Но мои опасения оказались напрасными. Все пространство в бассейне и подле него было пустым, если не считать пластикового стула, на котором сидел худосочный индеец неопределенного возраста, облаченный, как и все сотрудники отеля, в белую рубашку. При моем появлении он вскочил и, подобострастно улыбаясь, склонился в приветствии.

Единственно, с чем я угадал, — так это с размерами водоема. На глаз: три на три метра.

— You like it mister, welcome¹, — страстно шептал индеец, забегаая передо мной и указывая рукой на бассейн. Вот у этого глаза преданные, но злые. Не зря говорят, что навязчивая вежливость хуже ненавязчивой глупости.

— Ok I'll be back, — сказал я возвращаясь к лифту. — Just take my towel and pants².

Услышав слово «pants», индеец как-то криво улыбнулся. Мне немедленно захотелось швырнуть его в бассейн, но я удержался.

Когда я вернулся, индеец опять вскочил.

— Take you seat, please³, — резко сказал я ему. Он начинал всерьез раздражать меня.

— Ok! Ok! As You wish, mister⁴, — юлил индеец.

Я бросил полотенце на пластиковый лежак и, не давая себе размышлять, полез в воду. Воды — по грудь. Только и остается, что сидеть и думать о чем-нибудь важном.

¹ Вам понравится это, мистер (англ.).

² Хорошо я вернусь. Только возьму мое полотенце и трусы (англ.).

³ Сядьте на свое место, пожалуйста! (англ.).

⁴ Хорошо, как вы хотите, мистер (англ.).

Встречаются на свете люди, которым бесконечно нравится быть «белым мисте-ром», перед которым смиренно преклоняются спины и бесшумно открываются две-ри. Многие готовы отказывать себе во многом на родине, чтобы однажды, накопив денег, уехать далеко на юг и на неделю или две перевоплотиться в «белого мистера». Дядя Петя, которого начальство считает быдлом, дети — сволочью, а жена — сви-ней, становится в чужих краях объектом внимания и восхищения. Ему льстят, спе-шат услужить, и вскоре дядя Петя начинает считать себя не халифом на час, а мисте-ром по жизни. Ему так не хочется возвращаться назад, где он всего лишь дядя Петя, но и здесь оставаться он долго не может, потому что не имеет достаточно средств для того, чтобы достойно поддерживать звание «белого мистера». Так и страдает душа его, непонятая, возгордившаяся.

Для меня быть мистером — значило принимать за чистую монету свое мнимое превосходство над окружающими. Сама мысль об этом была невыносима. Другим неприятным аспектом пребывания в шкуре «белого мистера» были сопряженные с этим неудобства. Быть в центре внимания — что может быть хуже для растения, вы-росшего в тени, каким был я? Я предпочитал сам выбирать тех, с кем мне общаться. У «белого мистера» такого права не было.

Но даже если бы я скрутил самого себя в бараний рог, едва ли бы я смог объяснить этому несчастному индийцу, как мне все это неприятно. Он приехал сюда из какого-нибудь треклятого маленького городка и держится руками, ногами и зубами за свое место, ему приходится угождать всем и каждому, хотя в душе он наверняка презира-ет всех этих «белых мистеров». Иногда вместо того, чтобы услужливо прогнуться перед ними, ему хочется схватить свой пластмассовый стул и нещадно лупить им по головам этих вшивых «мистеров» и их полуголых баб. Быть может поэтому, от этой его неискренней угодливости у меня стало как-то гадливо на душе. Сколько таких, как он, несчастных среди эмигрантского населения страны?..

Из размышлений меня вывел голос, прозвучавший где-то наверху, над самой ма-кушкой. Я обернулся. Надо мной рабски изогнулся индеец.

— Sorry, mister, do you need something else? I can bring it to you. Juice, cocktails or something else¹, — это «something else» звучало просто-таки чудовищно.

— Нет, друг, скажи-ка мне лучше, откуда ты и как тебя звать? — отвечал я ему, стараясь спародировать его хинглиш.

— Из Кералы. Меня зовут Гопал.

— Мусульманин?

— Нет, индуист.

— Семья там? У тебя есть семья?

— У меня нет семьи... — Гопал опустил глаза.

— Ты гей?

Гопал молчал.

— Я спрашиваю: ты гей?

¹ Извините, мистер, вам нужно что-нибудь еще? Я могу принести вам это. Коктейли, или пиво, или что-нибудь еще (*искаж. англ.*).

— Немного, мистер...

— Что значит — немного? — изумился я. — Либо — гей, либо — нет.

— Я только в мечтах, мистер! — застонал Гопал. — Только в мечтах! Здесь нельзя этим заниматься. Опасно. Можно лишиться работы и даже жизни.

— Понимаю. Может, это и хорошо. Чтобы неповадно было... У тебя есть родные в Индии?

— Да, у меня есть мать.

— Ты ей помогаешь?

— Немного, мистер.

— Как?

— Отправляю деньги.

— Как отправляешь? Передаешь с кем-то или через «Вестерн Юнион» отправляешь?

— Нет, зачем — у нас хозяин отеля имеет дополнительный бизнес — денежные переводы.

— Хунди? — перебил я его, рассчитывая блеснуть эрудицией.

Гопал удивленно посмотрел на меня.

— Нет, его зовут Бадринат. Господин Бадринат.

— *Хавалья?*

— Да, *хавалья*, — заулыбался индиец, но как-то совсем по-иному, чем прежде: искренне, по-настоящему. Он уже не видел перед собой «белого мистера», приехавшего потратить деньги и отдохнуть, я был для него тем человеком издалека, который, быть может, впервые за много лет проявил к нему живой интерес.

Я вылез из бассейна и улегся на один из трех стоявших у кромки воды лежаков. Гопал вернулся на место. Я закрыл глаза и пролежал так минут десять, — пока не почувствовал, что солнце больше не ласкает меня. Я открыл глаза и увидел что между мною и солнцем возник Гопал. Он стоял и молча смотрел на меня. Как-то странно, без улыбки. Физиономия его свидетельствовала о напряжении, охватившем его.

— Что такое?

— Мистер, простите, вы спрашивали, гей ли я? Почему?

Я хотел ответить что-то грубое, но не нашел нужных слов.

— Отойди, ты мешаешь солнцу светить на меня, — со злобой ответил я. Когда я волнуюсь, я часто говорю смешные фразы.

— Хорошо, мистер, так мне прийти к вам в номер? — взволнованно, без тени улыбки затараторил Гопал. — Я сейчас не могу, у меня смена. Я освобожусь после 18.00. У меня будет полчаса. Иначе потом...

— Иди к черту! — закричал я и для убедительности вскочил с лежака.

Гопал отпрянул и засеменил к выходу. Я поспешил за ним.

— Mister, please don't tell anybody about it. Please!¹ — более жалкого человека на всей земле в тот момент сложно было вообразить.

Я продолжал надвигаться на Гопала, пока тот не исчез в лифте...

¹ Мистер, пожалуйста, никому не говорите об этом! Пожалуйста! (англ.).

Хасан ожидал меня у входа. Долговязый, в мешковато сидевших на нем брюках то ли бежевого, то ли светло-коричневого цвета. Мы поздоровались, и я молча последовал за ним по не успевшим остыть от полуденной жары улицам.

— Расскажите, что бы вы хотели узнать, — спросил он меня, когда мы отшагали целый квартал.

— Я бы хотел посмотреть, как работает *хавала* в Дубае. Здесь живет большая сомалийская диаспора. Многие отправляют денежные переводы на родину. Хотелось бы пообщаться с хозяевами фирм, занимающихся *хавалай*, с офисными служащими. С отправителями переводов.

— Понял. Мы зайдем в три компании. Сейчас мы идем в офис одной из крупнейших компаний, занимающихся *хавалай*. Она называется «Амаль».

Офис, разместившийся на последнем этаже трехэтажного здания, напоминал отделение почты тех времен, когда я был еще совсем маленьким и не мог складно произнести слово «Почта». У прилавка сидело двое молодых людей — сомалийцев.

Хасан сказал им что-то, и те, как по команде, уставились на меня. Затем один из них что-то коротко ответил Хасану.

— Он говорит, что у них нет ничего особенного. Все так же, как и в обычной системе денежных переводов... Ну что, пойдём? — последнюю фразу Хасан прибавил уже от себя.

— Стоп! Неужели у них нет никаких особенностей? — не сдавался я. — Спросите их.

— Мы работаем по местному законодательству. Наше единственное отличие состоит в том, что мы работаем для сомалийцев. Мы — то же самое, что и «Вестерн Юнион», — только для сомалийцев.

— Хорошо, а можно взять какие-нибудь образцы документов? Скажите им, что я — исследователь.

В ответ мне сказали, что сделать этого, к сожалению, нельзя, начальства сейчас уже нет. Но можно прийти завтра.

— Это меня совсем не устраивает, — сказал я Хасану, — совсем. Мне нужно собрать информацию о *хаваладарах* Дубая сегодня.

— Я понимаю вас, но они не доверяют чужим, ведут себя осторожно.

— Но вы-то для них не чужой, вот и раскрутите их на беседу!

— Я постараюсь.

В следующем офисе произошло то же самое — с той лишь разницей, что нас с Хасаном угостили чаем по-сомалийски — с пряностями и молоком. Мне предложили посидеть и понаблюдать за работой сотрудников.

Ждать пришлось недолго. Вскоре появился клиент, он достал сто долларов, показал пластиковую карточку — удостоверение личности, подписал какие-то бумажки и вышел, довольный, похрустывая костяшками пальцев. Вся операция отняла минут пять, не больше. Через некоторое время появился еще один клиент... Он проделал то же самое и ушел еще более счастливый, чем предыдущий посетитель.

Мне стало скучно. В такие моменты я могу сильно и надолго затосковать, если на выручку не явится свежая интересная мысль. В этот раз мне повезло. Мысль

явилась. Прекрасная и неожиданная. Я подошел к болтавшему о чем-то с земляками Хасану.

— Хасан, я вам должен сто долларов, так? Давайте я отдам вам эти деньги не в руки, а переведу их через эту компанию?

— Как это?

— Ну, просто возьму и оформлю перевод здесь, в конторе. И вы сразу же их получите.

Хасан задумался, гадая, не кроется ли здесь какой-нибудь подвох.

— А кто заплатит комиссию? — быстро спросил он.

— Я.

Больше всего моя идея понравилась сотрудникам офиса. Они в четыре руки принялись оформлять перевод. Я передал в руки одному из них сто долларов, пока другой, забрав мой паспорт, заполнял нужные бумажки.

— С вас два доллара комиссии.

После того как я расписался, что отправил указанную сумму, Хасану дали похожий бланк, на котором ему следовало поставить подпись, что он получил перевод. Вслед за тем ему передали и сами деньги.

— Теперь я сам убедился, что сомалийская *хавалья* — самая быстрая система денежных переводов в мире, — сказал я Хасану и, не дав ему перевести мои слова, увлек его за собой, прихватив на память бланки. Пальцев будет доволен!

В третий офис я решил не идти. Картина была и без того ясна. Мои случайные беседы с индийцем-гомосексуалистом и менеджером «Daallo» дали мне больше информации, чем визиты к местным *хавалядарам*.

Я собирался поблагодарить Хасана, но мне помешал звонок Хандуле.

— Как дела?

— Спасибо, господин Хандуле. Как раз только что мы с Хасаном обошли *хавалядаров*.

— Вы довольны?

— Да, — ответил я нерешительно. Зачем расстраивать заботливого господина посла...

Я попрощался с Хасаном, и пошел к себе в отель. Ночью у меня был вылет, и я надеялся по-человечески поспать хотя бы несколько часов.

Когда я наконец заставил себя улечься в постель после ужина, состоявшего из бутербродов с колбасой, чипсов, двух помидоров и минералки, кто-то требовательно постучал в номер. Кто там еще? Неужели Гопал?!

На пороге стояла какая-то полная девушка восточной наружности, с большим, похожим на тарелку лицом.

— Добрый вечер. Не спите? — произнесла она по-казахски, и я почему-то понял ее, хотя нисколько не знал этого языка.

— Как видите, нет, — холодно отвечал я по-русски.

— Ой, простите, — сказала она по-русски и громко, по-пьяному, засмеялась. — Вы не казах случайно?

— Да. То есть нет...

— Отлично. Мы просто день рождения празднуем. А мы из Казахстана, из Костаная. Слышали? Манты едим, мы их собой привезли, приходите. У нас водка есть.

Я стоял, молча щурясь на тарелкоподобное лицо молодой некрасивой женщины.

— Спасибо, конечно, но я спать уже ложусь. Мне завтра рано вставать.

— Фу! Какой же вы скучный, мужчина. Загляните ненадолго на огонек.

— Который час?

— Десять всего. Детское время. Пойдемте ненадолго. Поддержите компанию. Ну, пожалста! — когда она произносила это «пожалста», она изогнулась, словно у нее прихватило живот.

— Хорошо, я подумаю. Дайте штаны надеть.

— Ну, это совсем не обязательно, — сказала казашка и, гогоча, просунула руку в дверь, не давая мне ее затворить.

— Нет, вы все-таки позвольте, — я навалился на дверь. Казашка взвыла от боли, выдернула руку и обозвала меня так, что я замер в оцепенении на несколько секунд. На глазах у меня выступили слезы...

Избавившись от назойливой посетительницы, я достал из чемодана беруши и снова лег спать. В самом деле, зачем человеку штаны, если он идет пить водку с мантами?..

Той ночью я так и не уснул. То мне мерещилось, что Гопал, набравшись смелости, вскрывал украденным на ресепшн ключом мой номер и, тяжело дыша, крался ко мне, то слышался стук в дверь и истошные вопли на казахском. То кто-то начинал жужжать над моим ухом и я, подумав о москитах, включал свет и нервно осматривал помещение. Потом я вспоминал, что малярийных комаров в Дубае нет, и снова ложился на кровать.

Все-таки прав был тот египтянин-таксист. Никогда больше не буду останавливаться в индийских отелях...

СОЛЕННЫЙ ОГУРЕЦ В АЭРОПОРТУ ДЖИБУТИ, или Кто летит в Могадишо?

«Кто умеет говорить, тот не пропадет и в засуху»

(Сомалийская пословица)

Компания «Daallo Airlines» — пожалуй, то небольшое, что кроме сомалийского языка и невеселых воспоминаний о диктаторе Сиаде Барре в наши дни объединяет расколотые части когда-то единого государства Сомали.

Все пилоты и стюардессы в компании, включая двух-трех понимающих по-русски африканцев, представляли собой такие же артефакты советской эпохи, как и музейный ИЛ-18, на котором я путешествовал из Джибути в Харгейсу. Если верить угрюмым неразговорчивым летчикам, нисколько не изумившимся человеку, заговорившему с ними по-русски, самолет этот был 1960 года выпуска. Утешало лишь то, что Боинг-737, который, несмотря на мои опасения, благополучно доставил меня из Дубая в Джибути, был немногим моложе.

Наш вылет из Эмиратов задержали почти на час скорее по организационным, чем техническим причинам. Номера мест на посадочном талоне не были обозначены, и все пассажиры садились, кто где успел. Неожиданно выяснилось, что несколько чудаков приобрели места в бизнес-класс. Одним из них был пожилой японский бизнесмен, который ошибочно принял меня в зале ожидания за китайского инженера, долго хлопал по плечу и смеялся особым смехом, присущим лишь жителям Дальнего Востока. Я так и не смог втолковать ему, что я из России.

За кого только меня не принимали по жизни: за узбека, азербайджанца, итальянца, индейца майя, еврея... В четырех случаях из пяти, когда я сообщаю собеседнику, что я из Москвы, мне задается один и тот же идиотский вопрос: «А родился-то где?» К сожалению, не всегда у меня хватает терпения сухо ответить: «Там и родился». Наверное, удивляться тому, что татарин, его родители и даже дедушка с бабушкой могли родиться в Москве, — такое же проявление бытового расизма, как и чистая вера в то, что негр — это национальность. Когда я собирал вещи в Сомалиленд, я был уверен, по крайней мере, в одном: никого не будет удивлять, что я из Москвы...

Нашим бортпроводницам — женщинам бальзаковского возраста с бледной кожей и уставшими, не верящими в добро глазами — стоило больших усилий изгнать обосновавшихся и быстро освоившихся в бизнес-классе сомалийцев. Вскоре рядом со мной, поджав ноги, примостился долговязый, подобно большинству сомалийцев, парень, которого стюардессам удалось выпроводить из бизнес-класса после долгих уговоров на смеси английского и французского. Долговязый ломал комедию и делал вид, что «не понимает».

Первую половину моего воздушного путешествия между мной и моим неожиданно материализовавшимся попутчиком шла невидимая для посторонних глаз борьба. Парень, повинувшись какому-то непреодолимому инстинкту, то и дело сбрасывал кроссовки. Не проходило и двух минут, как я, зажимая левой рукой нос, правой указывал ему на его длинные ноги. Всякий раз в ответ на мои знаки он с какой-то двусмысленной улыбкой надевал кроссовки, но стоило мне расслабиться и задремать, как он немедленно разувался.

Прежде чем прибегнуть к помощи бортпроводницы как *ultima ratio*, я решил провести с ним серьезную беседу. Английский он решительно отказывался понимать, и я заговорил с ним по-арабски. Как мог. Когда Мохаммед (так звали моего упрямого соседа) услышал арабскую речь, он сам без моего напоминания надел кроссовки и больше не снимал их до самого конца полета. Правду говорят: знание — сила!

Оставшуюся часть пути мы толковали о Сомали и сложностях арабского языка, который Мохаммед учил в одном из медресе Харгейсы. Он не советовал ехать в Джибути: там все дорого, а люди злые. Где-то я уже слышал про злых людей...

— А в Сомали люди добрые? — спросил я после образовавшейся паузы.

— Конечно! — вскричал Мохаммед. — Добрее людей нет в целом свете.

— А как же война? Разве она не делает людей злыми? Если ты добрый, то другие обязательно убьют тебя. На войне нельзя быть добрым даже тем, кто действительно добр.

— Я приведу тебе один пример. У меня есть дядя. Некоторые люди считают его пиратом, но он всего лишь честный рыбак. Добрее его я не видел человека.

— Почему же его тогда считают пиратом?

— Спроси об этом у тех, кто так говорит. Мой дядя — честный рыбак из Босасо. Всю жизнь он ловил рыбу. Ловил, продавал и ел. Он ничего другого не умел, как только ловить рыбу. Но он взялся за оружие, когда чужаки стали рыбачить в наших водах. Представляешь, к тебе домой придут люди и начнут доить твоих коров, хозяйничать. Что ты будешь делать?

— Ну, не знаю. Прогоню их, наверное.

— Вот и дядя тоже взялся за оружие, когда чужие стали ловить рыбу в наших водах. Он их пальцем не тронул! Он только приходил к ним на корабль и говорил: платите деньги и ловите, пожалуйста, на здоровье. Но они не хотели платить, смеялись. И тогда дядя брал их в плен, чтобы они хорошо думали... Потом за них давали деньги, но уже больше, чем он просил раньше. Мой дядя — не пират, он честный рыбак. Он справедливый. Как бы ты поступил на его месте?

— На его месте я бы поступил даже более жестоко, — с готовностью поддержал я Мохаммеда, слова которого показались мне правдивыми.

— Вот видишь!..

Оставшуюся часть пути Мохаммед осыпал меня вопросами о России.

— У вас тоже есть пираты?

— Нет.

— А правда, что в России самые красивые женщины?

— Правда.

— А водка, какая она на вкус?

— Ну, как тебе сказать, ты когда-нибудь алкоголь пил?

— Нет.

— Тогда мне будет сложно объяснить тебе. Горькая она. Невкусная.

— А зачем тогда люди пьют ее?

— Чтобы жизнь такой сладкой не казалась.

— Значит, в России так хорошо жить, что люди водку пьют?

— Выходит, что так...

Дождавшись, когда Мохаммед отправился по делам, я притворился, что уснул. Я вспоминал наш с ним разговор, и впечатлившую меня историю дяди Мохаммеда — простого рыбака, ставшего таким же благородным разбойником, как и его предки много веков назад, когда их земле угрожали иноземцы...

Первое, что я увидел, спустившись с трапа в международном аэропорту Джибути, Амбули, — огромный соленый огурец на еще не успевшем нагреться асфальте.

Что он здесь делает?.. Выстроив простейший ассоциативный ряд, я очень скоро пришел к выводу, что огурец этот служил закуской нашим пилотам, возможно, даже тем, которые через пару часов повезут меня в Харгейсу. Не джибутийцы же, в конце концов, ели — не доели этот овощ! Оставалась, правда, слабая надежда, что огурец выпал из рук какого-нибудь янки: ранее я заметил стоявшие на земле два американских самолета. В Джибути располагалась американская авиабаза. Впрочем, даже если американцы едят соленые огурцы, — заключил я, — вряд ли они разбрасывают их по летному полю...

Зал для транзитных пассажиров международного аэропорта Джибути, Амбули, имел чудовищное сходство с привокзальным помещением в Богом забытой российской глубинке. Ряды металлических стульев с облупившейся краской друг напротив друга, обшарпанные стены, тусклое освещение, назойливые мухи, которых утопично поймать, буфетчик, с недовольным лицом наливающий подозрительно пахнущий кофе.

Давно не убиравшийся никем туалет лишь дополнял картину запустения. Я долго пытался занять удобную позицию напротив унитаза, чтобы не угодить ни в одну из двух гигантских луж на полу. Лишь закончив дело, я обнаружил важное предупреждение, написанное синими чернилами на внутренней стороне двери: «Please Don't believe any Somalian peoples. They need your blood only, even Ladies and Jents. It is witnessing by an Indian man. I am an Indian man»¹. Нечто похожее я видел год назад в туалете одного испанского университета. Только там речь шла об испанках, а автопортрет послания был какой-то румын из города Синая.

Учитывая цель моего путешествия, я не мог оставить без внимания это сообщение. Неужели за милой оболочкой Хавы таится жестокий кровосос? Чтобы стимулировать мыслительный процесс, я заказал кофе. Что же сделали с индийцем кровожадные сомалийцы? Где же мой Мохаммед, я бы задал ему этот вопрос. Не обнаружив Мохаммеда, я затосковал после глотка чудовищно дорогого кофе, по вкусу напоминавшего советский кофейный напиток. Лучшим способом занять время до посадки и задуть грусть оказалась безуспешная попытка перевести загадочную надпись на бледном табло: «BOUTIQUE HORS TAXES. TABACS, ALCOOLS, PARFUMS, ARTICLES DIVERS...»

После прохождения через недоверчивый металлоискатель с третьей попытки и проверки багажа меня ждало такое же бездеятельное ожидание, разве что зал оказался несколько чище. На плакате был изображен перечеркнутый красными полосками огромный пучок какого-то растения — вроде того, что я видел в руках Хавы, когда на нее напали собаки. Под плакатом — по-видимому, в качестве подтверждения одного из основных законов диалектики — сидел поджарый бородач с пустым взглядом, методично пережевывавший изображенные на рисунке зеленые листья. Пучок в его руках таял ежеминутно. Когда бородач в очередной раз открыл рот, я увидел его розовый язык. Такого же цвета был язык у Хавы.

— Что это такое? — спросил я по-английски сидевшего рядом парня — судя по внешности, сомалийца.

— Как что? — изумился он. — *Kam!*

— *Kam?*

— Это такая магическая трава, которая делает человека веселым и сильным.

Так вот почему Хава чуть не оторвала тому мужичонке руку, когда он схватил ее листочки!..

¹ Пожалуйста, не верьте сомалийцам. Им нужна только ваша кровь — мужчинам и женщинам. Это подтверждается индийцем. Я — индиец (*искаж. англ.*).

Когда я увидел Ил-18, на котором мне предстояло лететь, я подумал, что этот самый *кат* в данном случае не роскошь, а лекарство, примиряющее с действительностью и помогающее смириться с НЕИЗБЕЖНЫМ.

Долгое время место в самолете рядом со мной оставалось пустым, и я уже обрadowался, что на этот раз мне не придется целый час вдыхать запах чужих носков и демонстрировать свои познания в арабском. Мой Мохаммед благополучно обосновался в отсеке, который лишь после употребления большого пучка *ката* можно было назвать бизнес-классом. В отличие от рейса Дубай–Джибути в ИЛ-18, летевшем в Харгейсу, никого из бизнес-класса не гнали.

Наконец, когда я уже приготовился немного вздремнуть, подле меня тихо опустился в кресло худой волоокий индийский юноша. Мы были единственными неафриканцами в самолете. Я вспомнил надпись в туалете и улыбнулся. Мою улыбку индиец воспринял как приглашение к диалогу.

— Вы тоже летите в Могадишо? — спросил он.

— Извините, — осторожно произнес я, — но мне кажется, что этот самолет летит в Харгейсу. Вы перепутали самолет.

— Нет-нет, этот самолет точно летит в Могадишо. Я спрашивал у стюарда, когда садился.

Я посмотрел на часы. 8.25 утра. Сон как рукой сняло. До вылета моего самолета оставалось меньше 5 минут. Что делать? С большим трудом я выковырял свой рюкзак из багажного отделения над своим креслом и, маневрируя между локтями нескладных долговязых пассажиров, поспешил к выходу.

— Куда вы, мистер? Я могу вам помочь? — в узком проходе ИЛ-18 путь мне преградил здоровый сомалиец в мятом пиджаке, как позднее выяснилось — стюард.

— Я ошибся... я очень спешу... это не мой самолет... — бормотал я с трудом нахажившиеся в столь критический момент слова.

— Куда вы летите, мистер? — невозмутимо повторил свой вопрос громила, и не думавший двигаться с места.

— В Харгейсу! Пожалуйста, дайте мне пройти!

— Вы не ошиблись. Этот самолет, действительно, летит в Харгейсу.

— Правда?! А как же Могадишо?

— В Могадишо мы полетим после. Сначала мы приземлимся в Харгейсе, а потом полетим в Могадишо, — свои слова стюард сопровождал знаками, демонстрируя, как самолет в виде сложенных вместе вытянутых пальцев садится в Харгейсе, а потом снова поднимается в воздух и берет курс на Могадишо. — Но если у вас билет до Харгейсы, то вам придется доплатить, чтобы лететь в Могадишо, — с этими словами стюард потер большой палец правой руки об указательный и средний.

Ну уж нет! Спасибо. Как-нибудь в другой раз...

Наверное, когда экономика Сомали восстановится лет эдак через пятьдесят, там непременно снимут местный римейк рязановского «С легким паром». Только вместо пива с водкой и шоколадкой незадачливый сомалийский Женя Лукашин будет употреблять траву, делающую человека веселым и сильным. В Сомали нет ничего проще, чем сесть не в тот самолет и улететь в совершенно другом направлении. Для этого даже *ката* не нужно.

Я вернулся к своему индийцу. Он оказался инженером по фамилии Кумар, сотрудником одной телекоммуникационной компании.

— Никто из нашей компании не хотел ехать, — сказал Кумар. — Только я один и согласился. Друзья смеялись надо мной...

Странные люди — индийцы. Что же тут смешного? Человек отправился в самый ад, рискуя жизнью. Я снова вспомнил надпись в туалете и рассказал о ней Кумару. На лице инженера появилась улыбка.

— Да, я тоже читал эту надпись.

— Не боишься?

— Поздно уже бояться.

— Это верно. Наверное, такой риск стоит больших денег?

Кумар виновато улыбнулся и опустил глаза. За его непоказной кротостью, по видимому, скрывались большие амбиции.

Напоследок я похлопал по плечу отважного инженера.

— Удачи! Может быть, я тоже прилечу в Могадишо через пару дней.

Во всем самолете осталось не более пяти таких же, как Кумар, безумцев, летевших в столицу Сомали.

Похоже, этот парень также почувствовал расположение ко мне. Позже, я пожалел, что не взял его координат. Хочется верить, что Кумару посчастливилось благополучно вернуться из Могадишо, и у него не было повода делиться горьким опытом на дверях туалета в забытом Богом Международном аэропорту маленькой африканской страны...

Прежде чем направиться к крохотному зданию аэропорта Харгейсы, где меня должен был ждать Саид, я оглянулся. Командир экипажа и бортмеханик суетились вокруг шасси. Через полчаса, а может быть, и раньше они снова поднимутся в небо на древнем, не знающем покоя самолете, оставив на еще не успевшем нагреться сером асфальте очередной недоеденный соленый огурец. Наверное, это такая примета у летчиков. Я дал себе обещание, что, когда буду лететь обратно, обязательно спрошу их об этом...

ОБЩЕСТВО ЧИСТЫХ ТАРЕЛОК

«Моча убивает того, у кого слабые почки»
(Сомалийская пословица)

В не столь отдаленные времена аэропорт Харгейсы служил военной авиабазой, откуда обученные советскими специалистами сомалийские пилоты на советской технике отправлялись, помолвившись Аллаху, бомбить Огаден. А потом, если их, по счастливой случайности, не сбивали советские летчики на американских самолетах, доставшихся эфиопам от былой дружбы со Штатами, благополучно возвращались обратно. Ближе к концу войны эфиопские ВВС хорошенько вдарили по тосковавшим на базе самолетам и по самой Харгейсе. То, что не успели уничтожить эфиопы, после войны расколошматили земляки, выполнявшие приказ Сиада Барре,

который задумал таким образом наказать северные кланы за неповиновение центральной власти.

Аэропорт, да и сам город были разрушены до основания бомбардировщиками, присланными озверевшим от бессильной злости диктатором, с каждой минутой терявшим контроль над собственной страной. В результате бомбежек целыми в Харгейсе осталось не более пятнадцати процентов строений. Но за шестнадцать лет относительного спокойствия жизнь наладилась, и модернизированный аэропорт стал служить не столько военным, сколько гражданским целям.

Аэропорт Харгейсы носит имя Мохаммеда Хаджи Ибрахима Эгалья. Его карьера оказалась более успешной после раскола страны, чем во времена единства. Встречаются такие люди, чьи способности наилучшим образом проявляются не в дни благополучия, а в критические моменты. Эгаль, вне всякого сомнения, относился к числу таких людей. Именно на посту президента Сомалиленда он заслужил добрую память сограждан, когда во время смуты, случившейся в годы его президентства, смог корректно и эффективно поставить на место бунтовщиков, захвативших многострадальный аэропорт Харгейсы, в котором я имел счастье приземлиться после долгой, изматывающей дороги.

Выходит, немалая заслуга в том, что моя поездка к возлюбленной все-таки состоялась, принадлежит не только профессору Пальцеву и господину Хандуле, но и покойному президенту Эгалю, превратившему Сомалиленд в самое безопасное место на Сомалийском полуострове. Впрочем, даже если бы в Сомалиленде шла война, я бы все равно полетел к Хаве. Так, по крайней мере, я подумал, когда спускался с трапа самолета.

У входа в одноэтажное здание аэропорта Харгейсы меня уже ждал улыбчивый усач Саид. Он был одет в белые брюки и клетчатую рубашку. На голове его была поношенная бейсболка. Я без труда опознал его: до моего отъезда мы успели обменяться парой писем и прислать друг другу наши фотографии, чтобы, не дай Бог, не потерять друг друга при встрече. Наши опасения оказались напрасными: я был единственным белым среди пассажиров нашего самолета...

Обмениваясь любезностями, мы с Саидом подошли к пункту пограничного и одновременно таможенного контроля, представлявшему собой две стоящие рядом кабинки, отгороженные от остального мира стеклом.

Попасть в страну оказалось не так просто, как заверял меня господин Хандуле. То, что Его Превосходительство давно не был на своей малой родине, я почувствовал буквально в первые минуты пребывания на сомалилендской земле. Еще в Москве у меня вызвала большое недоверие присланная мне по электронной почте «виза», представлявшая собой копию едва различимого текста на сомалийском языке с печатью.

— Ну, ладно, Африка все-таки, — успокаивал я себя. — К ним никто не ездит, вот потому и визы такие странные.

Как я уже говорил выше, господин Хандуле также снабдил меня еще более нелепо выглядывшей визой Сомали, представлявшей собой 1,5 листа формата А4, — на случай, если я надумаю лететь в Мogaдишо или Пунтленд. Следуя совету Хандуле, я подальше запрятал сомалийскую визу...

В аэропорту Харгейсы со свежеприбывших, независимо от их гражданства и цвета кожи, взимали своеобразный косвенный налог. Каждый въезжающий в страну должен был поменять на местную валюту 50 долларов по курсу, который был ровно в два раза ниже рыночного. Этим мудреным способом государство фактически собирало въездной сбор в размере 25 долларов.

Уплатив положенную сумму, можно было перейти к следующей кабинке с паспортом. Несколько минут я наблюдал за усатым полицейским в песочного цвета форме, который изучал мой паспорт и распечатку того, что я искренне считал визой. Я спросил его, что случилось, но вместо ответа усатый встал и, не слушая меня, куда-то ушел с моим документом. Благо, рядом был Саид. Выяснилось, что моя виза — никакая не виза, а так, бумажка, и мне требуется еще какой-то документ, о котором я даже не слышал. Саид сказал пару ласковых слов в адрес Хандуле на смеси сомалийского и английского, перевод которых я, повинувшись природной вежливости, не стал у него уточнять, и мы помчались в город, в местное Министерство внутренних дел за нужной бумагой.

Приближался полдень, но мне было комфортно: не жарко и не холодно. Саид объяснил мне, что все дело здесь в географии: кругом горы, а сам город расположен на высоте, превышающей 1400 метров над уровнем моря.

— На побережье сейчас — пекло, — сказал он.

Отобранный паспорт конечно несколько расстроил меня, но, как любитель абсурда и парадоксов, я не мог не оценить того, что только что произошло со мной: мне не дали визу, то есть не разрешили въезд в страну, потому что у меня, по их мнению, были проблемы с какими-то документами, но, для того чтобы эти проблемы решить и нужные документы достать, меня отправили в министерство, находившееся в центре столицы страны, в которую меня не пустили. Довольно скоро грустные мысли совсем оставили меня, и я полностью отдался наблюдением за видами Харгейсы, открывавшимися из окна джипа Саида.

Само слово «Харгейса» буквально означает «место, где берут шкуры для продажи». Основателем города считается шейх Мадар, устроивший в середине девятнадцатого века на месте пересечения торговых дорог поселение. На окраине города расположен мавзолей шейха. Время пощадило его. За могилой сейчас присматривают потомки шейха, живущие поблизости.

Долгое время Харгейса была одним из населенных пунктов, куда кочевники заходили, чтобы приобрести необходимые товары и узнать новости за чашкой чая. Звездный час Харгейсы наступил в годы Второй мировой войны. В 1941 году сюда был перенесен административный центр британского Сомалиленда из приморской Берберы, сильно пострадавшей от захвативших ее годом ранее итальянцев. Для последних захват Сомалиленда стал единственной удачной военной операцией за всю войну.

Когда Сомалиленд получил независимость в июне 1960 года, вопрос о том, где находится столице государства, уже не стоял. Да и какой смысл было спорить об этом, если все знали, что через пять дней не будет никакого самостоятельного Сомалиленда. Столичные функции в едином Сомали отходили Могадишо. Харгейсе пришлось ждать еще три десятилетия, чтобы вновь стать главным городом. С той

поры прошло еще шестнадцать лет, но многих черт, присущих не только столичному, но и любому другому более или менее крупному населенному пункту Харгейса так и не обрела.

Первое, что приковало мое внимание в Харгейсе, — отсутствие дорожных знаков и светофоров. На память тогда мне пришел недавний эксперимент в одном немецком городке, где с улиц убрали все дорожные знаки. По мнению устроителей данной акции, отсутствие знаков должно было заставить водителей внимательнее относиться к пешеходам.

В Сомалиленде такими экспериментами едва ли кого можно было привести в удивление. Вместо знаков и светофоров на оживленных перекрестках стояли регулировщики, одетые, как правило, в желтую форму полицейских. Они беспрестанно размахивали руками и свистели в воткнутый в рот свисток. За неимением жезла всю работу им приходится выполнять руками: ты направо поезжай, ты — налево, а ты, сын греха, — прямо.

Если где-нибудь случается ДТП, посмотреть на него слетаются все, кто оказался поблизости. В бедной на события Харгейсе авария на дороге уступает по значимости разве что появлению белого на улице.

При этом машин в Харгейсе было немало. Львиную долю автопарка столицы составляли подержанные японские автомобили, которые можно было приобрести сравнительно дешево даже по сомалийским меркам. Помимо автомобилей роль транспорта в городе выполняли узкоглазые беломордые ослы-водовозы, которые, впрочем, не сильно мешали движению, привыкнув правильно реагировать на сигналы авто.

В свое время для жителя средневековой Европы не было ничего удивительного в том, что улицы в его городе не имели названий, а дома — номеров. В Сомалиленде этим также никого не удивишь. Выстроить город после войны успели, а дать названия улицам не хватило то ли фантазии, то ли времени. Через центр города пролегла одна-единственная улица с именем — Индепенденс роад (улица Независимости). Вдоль улицы тянулись похожие друг на друга одно- и двухэтажные здания, о предназначении которых можно было судить по мелькавшим вывескам на сомалийском, реже — на английском, еще реже — на арабском.

Как известно, каждый город имеет свой цвет. Про довоенный Могадишо, например, говорят, что он был бело-голубым, как сомалийский флаг. В Харгейсе к этим двум цветам я бы добавил третий — цвет пудры, цвет земли. Земля ведь женского рода и, значит, тоже хочет быть красивой.

Большинство мужчин на улице носили европейскую одежду — светлые брюки и рубашку. Но встречались и те, на ком была национальная одежда — *go* — в виде куска ткани, оборачиваемого вокруг бедер. У некоторых мужчин на голове красовалась белая пилотка — как у Джавахарлала Неру. Некоторые детали одежды в Восточной Африке вошли в моду благодаря индийцам. Прежде они неплохо чувствовали себя в Сомали, но во времена строительства научного социализма часть из них перетекла в Дубай, часть вернулась на родину.

Что до женщин, то они — все без исключения — были одеты в соответствии с мусульманской традицией — в длинные платья и платки всевозможных цветов: от

фиолетового до оранжевого. В тот год оранжевый, похоже, был в моде. Я видел множество модниц в одеяниях этого цвета...

Министерство внутренних дел оказалось малоприметным одноэтажным зданием, напоминавшим давно не ремонтировавшуюся деревенскую начальную школу в российской глубинке. Нужную мне бумагу мы здесь так и не получили. Саид опять пробормотал какую-то тираду на смеси английского и сомалийского, в которой я распознал лишь одно знакомое слово: Хандуле.

Следующим пунктом в нашей программе значилось Министерство национального планирования. Саид так и не посвятил меня в то, какой документ потребовался от нас, и я, стараясь не отвлекать его от дороги и размышлений о моей судьбе, безропотно последовал за ним.

Министерство национального планирования оказалось как две капли воды похоже на здание МВД. Предчувствие, возникшее во время ожидания исчезнувшего в дверях здания Саида, не обмануло меня: он возвратился грустный и растерянный.

— Послушайте, Саид, может, мы просто вернемся туда и дадим им денег? — увидев отчаяние Саида, предложил я. — Назовем это штрафом, комиссией, взносом — как хотите.

— Теперь нам только это и остается, — вздохнул Саид.

Все получилось проще, чем я мог предположить. Я остался ждать в машине. Через пять минут довольный Саид появился в сопровождении офицера полиции, в руках у которого я увидел свой паспорт.

Прежде чем полицейский забрался в наш «Suzuki» на заднее сиденье, Саид успел шепнуть мне, чтобы я достал 20 долларов, желательно — без сдачи. Затем Саид уселся рядом со мной за руль, прикрывая своей широкой вспотевшей от волнения спиной взятчика...

Пока мы ехали в ресторан — отметить мой приезд, — Саид молчал. Он переживал, что мое знакомство с его родиной началось так некрасиво.

— Не переживайте, дорогой Саид. Такое везде может случиться, — попытался я его успокоить. — Вот вам, чтобы вы не грустили. — Я достал из рюкзака приготовленный сувенир — красную бейсболку с надписью «СССР».

В ответ Саид признательно улыбнулся...

Менее чем через полчаса мы с Саидом в новом головном уборе уже сидели в одном ресторанчике, вспоминая наши мытарства с паспортом как забавное недоразумение. Поедая макароны с огромным куском козлятины, я вывел сентенцию, что ездить в Харгейсе по министерствам — только зря тратить бензин.

Мясо (козлятина, реже — баранина) с макаронами — это главная еда в Сомалиленде, куда бы вы ни пришли. Если вы находитесь у моря, вернее у Аденского залива, то в ресторанах можно поживиться рыбой. Верблюжати́на — почти деликатес. Верблюдов сомалийцы берегут и без нужды стараются не резать, хотя этих животных здесь едва ли не в три раза больше, чем людей.

От этого пищевого однообразия очень быстро утомляешься, как от рациона школьной столовки. Но тогда, в первый день, я еще не знал всего этого и вежливо пытался покончить с не вызывавшим у меня восторга завтраком, переросшим в поздний обед. Однако вскоре я увидел то, что заставило меня послать к черту все

приличия и отодвинуть в сторону тарелку с недоеденным мясом. Впрочем, обо всем по порядку.

Больше всего я боялся заболеть в Африке какой-нибудь кишечной инфекцией. Саид уже успел обрадовать меня, что нормальных врачей и даже медсестер в стране нет, и потому, в соответствии с учением Дарвина, выживают только сильнейшие. Заболел — уповай лишь на Аллаха. Я нашел себе разумное утешение в том, что, окажись я на Западе, где также восторжествовал дарвинизм, только в другой, более утонченной форме, медицинские услуги местных врачей были бы для меня также недоступны по причине отсутствия у меня необходимой суммы на пластиковой карте.

Я привык брать с собой в дорогу достаточно лекарств, чтобы в случае проблем со здоровьем в кратчайшие сроки поставить себя на ноги. Но наличие в моем чемодане нескольких видов препаратов, останавливавших диарею и восстанавливавших микрофлору кишечника, почему-то не придавало мне уверенности.

Как известно, то, чего больше всего боишься, непременно должно произойти. Причем так скоро, что остается только восхищаться, как быстро доходит информация о твоих фобиях до небес. Не успело стемнеть, а я уже не находил себе места от адской боли в животе. Так плохо мне еще никогда не было, хотя на своем веку травился не единожды, и всякий раз — по-разному. Но никогда прежде не ощущал я помутнения рассудка — как в тот мой первый злополучный день в Харгейсе. Порою мне казалось, что я умер, но эта неприятная во всех смыслах новость почему-то вызывала у меня вместо закономерного чувства печали приступы неконтролируемого смеха. Я мог сидеть на унитазе и минут двадцать гоготать как бешеный, пока в дверь мне не начинали барабанить служащие отеля, обеспокоенные моим поведением. Так продолжалось почти сутки.

Когда сознание возвращалось ко мне, я, обессиленный, лежал на кровати и читал сомалийские сказки, которые взял в библиотеке в Москве. Но лучше бы я этого не делал! Как только наступало помутнение, герои этих сказок тотчас являлись ко мне и творили со мной черт знает что.

То королева амазонок Аравелло с лицом Хавы, оскопившая всех мужчин в своем королевстве, обнаружив, что в отношении меня не проведена эта экзекуция, приказывала своим прекрасным помощницам немедленно исправить упущение. То я вступал в смертельную схватку с легендарным вождем и поэтом Виль-Валем, и он сокрушал меня копьем, где вместо острия была голова Хавы с осклизшими передними резцами.

В мое сознание без всякого спросу врывались всевозможные животные — от благородных и жестоких львов до глупых и трусливых шакалов. После того как мне заползла в рот известная в здешних краях ядовитая змея *год*, меня вытошнило — да так сильно, словно с рвотой я освободился от всех своих внутренностей. Но и это не принесло мне облегчения.

Мою боль усиливало то, что я не мог достучаться до Хавы. Мой московский номер здесь не ловился, а добраться до офиса и подключить местную симку я не мог. Все, что я успел до того, как меня прихватило, это завершить наш с Саидом обед, про-

катиться по городу и разместиться в отеле. Когда мне полегчало, я спустился вниз и попросил портье отправить мальчишку — подключить меня к местной связи.

— Вам нужен мой паспорт? — спросил я.

Мальчишка засмеялся.

— Паспорт не нужен. Если бы у нас симку покупали с паспортом, половина страны сидела бы без мобильной связи, — прокомментировал реакцию мальчишки портье.

Через полчаса у меня была связь. Я дал мальчишке десять долларов.

Телефон Хавы что-то отвечал по-сомалийски. Еще попытка. То же самое. Собрав силы, я вновь спустился вниз.

— Скажи, что говорит телефон? — обратился я к портье.

— Телефон абонента выключен или не обслуживается.

Вот как... Я с трудом взобрался наверх, на второй этаж, к заждавшимся меня героям сомалийских сказок...

Придя в себя только на следующий день, я стал вспоминать, что произошло накануне.

В ресторанчике, куда меня пригласил Саид, большую часть времени вместо того, чтобы наслаждаться едой и общением, я отбивался от назойливых худых кошек, пугавшихся под ногами и ждавших удобного момента, чтобы запрыгнуть на стол и цапнуть кусок мяса у меня из тарелки. Я боролся изо всех сил. В ответ кошки отвратительно шипели или пронзительно кричали, как пьяные женщины.

Кошки в Сомалиленде — пожалуй, наиболее привилегированные городские твари. Они беспрепятственно ходят по городу, кормятся при ресторанах, сидят в холлах гостиниц. Немногочисленные собаки, напротив, — отвергнутые обществом изгои. Они живут преимущественно на окраинах и довольствуются мусором с больших городских помоек.

Одно из излюбленных собачьих мест — *туг* — пересохшее русло реки, разделяющее город на две части: английскую и сомалийскую. Последняя называется *магало*. Это деление не утратило актуальности и в наши дни. По ту сторону от *магало* по дороге в аэропорт расположились просто-таки роскошные, по сомалийским меркам, виллы, большая часть которых выросла после войны. С обитателем одной из таких вилл мне удалось даже познакомиться, но об этом — позднее.

Главное развлечение для местных псов — погоня за забредающими в поисках пищи и приключений в город обезьянами. До сих пор жалею, что не успел запечатлеть, как один старый пес, неторопливо перебирая лапами, преследовал обезьяну. Обезьяна подыгрывала ему, то замедляя шаг, то пускаясь во все лапы.

Обезьяны — лучшие друзья детей. Уличные мальчишки берут их на руки, целуют. Попав в город, обезьяны начинают шалить — запрыгивают на автомобили и делают с ними все, что хотят: отламывают дворники, щедро гадят на лобовое стекло, бьют зеркала.

Но непосредственность обезьян не идет ни в какое сравнение с наглостью местных кошек. Пока в тот злополучный день половину отпущенного на обед времени я отбивался от двух худосочных котят, на мою тарелку беспрепятственно садились также не ведавшие стыда мухи. Они не реагировали на взмахи руками, а убивать их прямо на тарелке как-то не хотелось. Саид и присоединившийся к нам его

приятель — бывший посол Сомали в СССР господин Юсуф Джама Бурале — только посмеивались, лениво отгоняя мушиный рой от своих тарелок.

Но самое ужасное мне предстояло увидеть в конце нашей трапезы. На соседний столик запрыгнули две дистрофичные кошки, с которыми я только что отчаянно боролся, и принялись облизывать оставленные посетителями тарелки — до прихода официанта.

— Похоже, сотрудники ресторана экономят воду и предпочитают, чтобы кошки мыли за них посуду, — грустно пошутил я, отодвигая в сторону свою тарелку. Аппетита у меня как не бывало. Мои сотрапезники не стали спорить и поддержали меня своим смехом...

Антисанитария в Сомалиленде чувствуется не только в едальнях. Как и большинство других африканских городов, вся Харгейса представляет собой в глазах европейца одну большую помойку.

Как издевательство выглядела полустершаяся надпись на плакате при въезде в столицу: «Keep your city clean». В пределах города не встречалось практически ни одного кактуса, на котором бы не болтался порванный пакет или не висела использованная пластиковая бутылка. Первое время я стеснялся выбрасывать мусор, где придется, но очень скоро привык делать это без оглядки на окружающих. Потом я почти месяц отвыкал от этой скверной привычки в Москве.

Естественная убыль мусора происходит лишь за счет коз, которые в огромном количестве слоняются по городу и жрут все, что попадает им на глаза: от газет до листочков *ката*. Таких коз не решаются употребить по назначению даже местные жители. Сложно вообразить, что будет с человеком, который съест козу, сутки напролет жующую наркотический *кат*.

Однажды, залюбовавшись этими милыми существами, я подумал: может, одну из таких передозированных коз мне скормили в том злополучном ресторане с кошками-посудомойками? Иначе как объяснить тот кошмар, который происходил со мной в первый день на земле Сомалиленда?..

МИСТЕР CHINA

«Один против многих — всегда дурак»
(Сомалийская пословица)

Набрасывая план поездки в Сомалиленд, я предполагал поселиться в «Амбассадоре». Это трехэтажное белое здание, напоминающее своим обликом отделение серьезного банка, почиталось самым авторитетным отелем в Харгейсе. Номер в «Амбассадоре» обошелся бы мне в 35 долларов за ночь. За эти малые деньги я бы имел в своем распоряжении просторный комфортабельный номер, аппетитный европейский завтрак и дармовой Интернет. К числу безусловных достоинств этого уютного пристанища, как мне тогда представлялось, относилась и изолированность отеля от внешнего мира. «Амбассадор» располагался за городом в километре от аэропорта, на охраняемой территории.

Но Саид сразу же отговорил меня от этой затеи. Ему было бы неудобно заезжать за мной каждое утро в «Амбассадор», и он посоветовал мне располагавшийся поблизости от его дома «Мансур».

Это был не самый лучший отель в городе. Но самое необходимое для одинокого, неизбалованного туриста здесь имелось: достаточно просторный номер, душ, сносно работавший ватерклозет и сетка от насекомых. Саид заверил меня, что в Харгейсе нет малярийных комаров, но мух и обычных комаров никто не отменял.

Скромный завтрак, состоявший из хлеба, масла и кусочка *хальяльной* колбасы, выглядел сносным лишь в первые дни после отравления. Из напитков предлагались кофе или чай. С невыносимого поиска ответа на вопрос: «чай или кофе?» начинался каждый мой день в Харгейсе. Этот вопрос неизменно задавал мне тот самый мальчишка, которого я отправил в первый день за симкой. Он выполнял в «Мансуре» функции уборщика и заместителя своего старшего товарища с ресепшн.

Первое время я ждал, что Саид позовет меня в гости, но шли дни, а приглашения так и не поступало. Позже от парня на ресепшн я узнал, что, по сомалийской традиции, посторонние мужчины не имеют права входить в чужой дом. Для приема гостей, званых и незваных, служит *ардá* — специальное огороженное место рядом с домом. В виде исключения мужчину могут впустить в дом, если ему грозит опасность или если он попал в беду, например под дождь. Поразительно, что этот сформировавшийся в кочевых условиях обычай не умер в городских условиях.

Поскольку, как показали первые дни, проведенные в городе, опасность мне в Харгейсе не грозила, а сезон дождей, называемый поэтично: *гу* или *дайр* — в зависимости от времени года, еще не наступил, я мог не надеяться на вынужденное гостеприимство Саида. Это обстоятельство, впрочем, не смогло вывести меня из равновесия. Я заключил, что все равно, рано или поздно, мне доведется побывать у Хавы, и потому нет большой беды, что я не увижу жилище Саида. Достаточно и того, что он проводил со мной большую часть дня.

Еще в Москве Хандуле позвонил при мне Саиду и попросил его быть моим верным помощником во всех моих научных поисках. С первого дня усач всерьез взялся за дело. Еще в том злополучном ресторанчике, где я, по неопытности, едва не лишил себя жизни, Саид предложил мне план моей командировки в Харгейсе.

Мой день делился на две неравные во всех отношениях части: первая включала дообеденное и послеобеденное время, вторая — вечер. Утром, когда я, расслабленный, еще дожевывал свой нехитрый завтрак под сомалийские песни, доносившиеся из телевизора, приезжал Саид, и мы ехали в город — встречаться с нужными людьми. Банкиры, финансисты и бизнесмены, увидав человека из России, задавали мне больше вопросов, чем я им, беспечно сжигая отведенное для нашей встречи время. Особенно недоумевали разбивавшиеся в тонкостях человеческой натуры *хавалядары*: зачем мне в России понадобилась их сомалийская *хавалья*. Разве это интересно? «Еще как!» — восторженно отвечал я. Но мой ответ казался финансистам неубедительным.

И все же из того, что мне удалось вытянуть из них, я понял, что значит *хавалья* для Сомалиленда. Слова дубайских *хавалядаров* о том, что сомалийская *хавалья* — обыкновенная система денежных переводов, оказались лишь частью правды.

В условиях стабильной финансовой системы Дубая официально зарегистрированные операторы хавали действительно заняты по преимуществу в сфере обслуживания денежных переводов. Но по-иному обстоит дело в Сомалиленде, где при отсутствии нормального банковского сектора хавалядары взяли на себя функции банков. Лицо — получатель платежа может не истребовать всю сумму перевода целиком, а оставить часть поступивших средств на депозите. Процентом по таким вкладам не начисляется, но деньги находятся в надежном месте, откуда их всегда можно забрать.

Предъявив чековую книжку или ее аналог, вкладчики оператора хавали могут получить средства в любом отделении компании, даже в другом городе. А там, где есть привлеченные средства в виде депозитов, у финансового учреждения не может возникнуть соблазн заработать на этом, пустив эти деньги в оборот, или, иными словами, предоставив их заемщикам, но уже за вознаграждение.

Таким образом, если для западного человека более привычна картина, когда в банке доступна такая услуга, как денежный перевод, то в Сомалиленде — все наоборот: обратившись к хавалядару, можно воспользоваться минимальным набором банковских услуг. Конечно же, подобная практика операторов хавали возникла не с чистого листа. Еще во времена единства Сомали кочевники держали средства на депозите у владельцев магазинов. Те в любой момент могли вернуть требуемую сумму из ручки. Система взаимных кредитов под названием «хагбад», распространенная в основном среди женщин, также легла одним из кирпичиков в фундамент нынешней системы хавали в Сомалиленде и других частях Сомали. Члены хагбада выбирали из своей среды казначея — управляющего фонда. После того как в кассе набиралась определенная сумма, ее предоставляли одному из членов данного кооперативного общества. И так далее, пока не была погашена потребность всех членов общества в кредитах.

Хавалая стала активно развиваться на севере Сомали, в условиях борьбы северян с правящим режимом. В те годы наличность нередко перевозилась с грузом контрабандистов, доставлявших кат. Лишь в 1990-е годы стали появляться сомалийские компании, специализирующиеся на переводе денежных средств. Их основателями были выходцы из Сомали, добившиеся успеха в какой-либо сфере бизнеса на родине или за рубежом.

Клановая система находила проявление и здесь, в работе хавалядаров. Известно, что при подборе персонала руководство оператора хавали не в последнюю очередь учитывает клановую принадлежность соискателя работы. Это обеспечивает определенную лояльность сотрудников. Некоторые клиенты тоже стремятся воспользоваться услугами компаний, находящихся в собственности или управляемых выходцами из их клана или племени. Однако по мере расширения бизнеса трайбализм начинает утрачивать силу, уступая здравому расчету. Так, один из лидеров рынка — компания «Амаль» — была создана во второй половине 1990-х годов бизнесменами — выходцами из клана дарод. Поэтому изначально учредители компании ориентировались на клиентов из числа представителей этого клана. Но по мере расширения деятельности «Амаль» все меньше руководствовалась принци-

нами трайбализма — особенно при работе в регионах, где большинство населения составляют выходцы из других кланов.

Долгое время на Западе о хавале, в том числе сомалийской, было известно лишь узкому кругу специалистов. Но после событий 11 сентября 2001 года о хавале услышали даже люди, которые никогда не пользовались никакими системами денежных переводов. Несмотря на то, что операторы хавали не были замешаны в финансировании терроризма и через них не осуществлялись денежные переводы террористам, все хавалядары, работавшие в пределах досягаемости западных спецслужб, подверглись глубокой проверке. На некоторых из них пало незаслуженное подозрение — как, например, на лидера сомалийского рынка денежных переводов компанию «аль-Баракат». Счета компании были заморожены. И хотя впоследствии обвинения были сняты, «аль-Баракат» так и не смогла оправиться от удара, уступив лидерство другому оператору хавали — компании «Дахабиль».

В отличие от своего конкурента «Дахабиль» скорее выиграл, чем пострадал от последствий событий 11 сентября. Но и у него возникли определенные проблемы. Причиной для обвинений компании в финансировании терроризма послужил обнаруженный среди бумаг одной из подозреваемых в сотрудничестве с «аль-Ка'идой» благотворительных организаций номер телефона офиса «Дахабиль» в Пакистане. Однако компании, имеющей официальный статус более чем в 40 странах, удалось доказать свою непричастность к финансированию противозаконной деятельности. Значительная часть клиентов «аль-Баракат» после заморозки счетов данного оператора хавали перетекла в «Дахабиль». Это позволило последнему стать крупнейшим финансовым институтом на всей территории Сомали. Сейчас «Дахабилю» принадлежит до 60 % рынка денежных переводов на Сомалийском полуострове.

Такие богатые финансовые структуры, как «Дахабиль», нередко оказывают помощь государству, финансируя социально значимые проекты, выполняя уже не только функции обычного коммерческого банка, но и центробанка страны. Недаром в Харгейсе я неоднократно слышал присказку, что подлинным центральным банком в стране является не Банк Сомалиленда, а «Дахабиль».

По окончании гражданской войны на всей территории Сомалийского полуострова возникла ультралиберальная модель экономики — тот самый свободный рынок, о котором писали первые западные политэкономы. Освобожденная от государственного регулирования экономика находится в руках частного сектора, произошла либерализация внешнеторговой деятельности, установлен свободный валютный курс. Хочешь торговать — ставь палатку и торгуй. На каждом шагу ощущаешь присутствие невидимой руки рынка. Государство в Сомалиленде — это престарелый ночной сторож, с которым всегда можно договориться.

Не случайно международные организации, работающие в разных частях Сомали, предпочитают иметь дело не с местными князьками, от которых мало что зависит вне границ контролируемой ими территории, а с мощными финансовыми структурами типа «Дахабиль», имеющими разветвленную сеть отделений по всей стране.

Система хавали оказалась наиболее эффективным и безопасным каналом для международной финансовой помощи, поступающей в регион Африканского Рога. Опе-

раторы хавали зарекомендовали себя в качестве надежного партнера международных организаций в вопросах финансирования и распределения денежных средств на значимые проекты.

Но хавалья в Сомали — это не только банк и не только заместитель государства по социально-экономическим вопросам, хавалья — это еще и двигатель прогресса. Благодаря хавале в конце 1980-х произошла телекоммуникационная революция. В наши дни телефонная связь и Интернет-услуги в Сомали — одни из самых качественных и дешевых на африканском континенте.

Однако, несмотря на все очевидные достоинства хавали, на этом безобидном слове продолжает лежать проклятье 11 сентября. Незаслуженные обвинения с хавалядаров были давно сняты, а осадок все равно остался. Международные эксперты предлагают различать хавалью белую (законную) и черную (незаконную). Но эта классификация так и не стала общепринятой. В массовом сознании западного обывателя хавалья — это эффективный финансовый инструмент по уничтожению «общечеловеческих ценностей». В результате некоторые операторы хавали, активно работающие в странах Запада, все чаще призадумываются над необходимостью поиска для своего бизнеса другого термина, не замаранного антитеррористической пропагандой. Но отказаться от хавали не так просто, хотя бы потому, что хавалья — это еще и тысячелетний бренд...

Практически все мои собеседники свободно изъяснялись по-английски. Лишь пару раз Саиду пришлось брать на себя функцию переводчика — в беседе с местными старейшинами, пожелавшими увидеть гостя из России. Они спросили меня, как живут мусульмане в России? Я честно сказал, что даже лучше, чем в Сомалиленде. Только на улице я подумал, что возможно обидел стариков.

— Все окей, — сказал Саид. — Я просто не перевел им твои слова.

— Даже не знаю, как вас благодарить.

— Не стоит...

Потом мы обедали. Внимательно, осторожно, словно тарелка была не тарелкой, а минным полем, где среди липких макарон меня подстерегала нешуточная опасность, способная разорваться у меня в животе в случае прямого попадания. Первое время я отказывался идти в любой ресторан, даже самый дорогой, предпочитая голод тем невыносимым и незаслуженным мучениям, которые мне довелось испытать, но однажды Саид твердо сказал: «надо».

Я вспомнил сомалийскую поговорку о том, что умный человек из одной и той же норы дважды укушен не будет, и сдался.

— Это действительно был не очень хороший ресторан, — сказал Саид. — Просто я думал, что ты проголодался с дороги, и потому хотел побыстрее накормить тебя. Теперь ты уже в любом случае не отравишься. Ты приобрел иммунитет. Тебе еще, можно сказать, повезло. Недавно один путешественник умер. Хозяин ресторана скормил ему мясо верблюда, которого ужалила змея. Сомалийцы тоже ели это мясо, но они только отравились, а европеец умер...

— Выходит, я счастливец?

— Ты стал им, когда приехал в Сомалиленд, — ответил Саид...

После обеда мы ездили изучать опыт очередных финансистов. Я спрашивал, мне отвечали, я записывал, потом снова спрашивал. Нас угощали чаем с молоком. Дивились, что в России более тысячи лет живут мусульмане. Оставляли неправильной формы карточки, не помещавшиеся в визитницу, и призывали не стесняться задавать вопросы в случае чего. Часов после пяти я был предоставлен самому себе. С каким нетерпением поначалу я ждал наступления вечера. Все, что происходило до этого, казалось вынужденной прелюдией к самому важному — встрече с Хавой.

Очнувшись после безумной ночи, проведенной в обнимку с персонажами сомалийских сказок, я, едва протерев глаза, набрал Хавин номер. Телефон вместе с ее обладательницей был снова вне зоны или выключен. В тот день я звонил ей каждые десять минут. Все время я возил с собой зарядку, потому что телефон от этих бесконечных попыток быстро разряжался. Саид уже начал с подозрением коситься на меня, и я стал звонить из туалета. Но Саид еще больше встревожился.

— Ты так часто ходишь в туалет. Опять прихватило?

— Нет-нет, — поспешно отвечал я. — Просто у меня хороший обмен веществ...

В моем распоряжении было два-три часа до наступления темноты. Достаточно, чтобы обойти столицу вдоль и поперек. В первый же выдавшийся свободный вечер я так и поступил. Никакого готового плана у меня не было: мог ли я представить, что вместо того, чтобы поедать друг друга счастливыми глазами в какой-нибудь приличной забегаловке, я буду разыскивать свою испарившуюся мечту? Устав, я заглянул в разрисованное одноэтажное здание, оказавшееся Интернет-кафе.

Каждый день я забирался в Интернет, не оставляя надежды получить ответ на письмо, отправленное Хаве еще на второй день в Харгейсе: «Милая! Я приехал. Отзовись, пожалуйста! Вот мой номер...» Ответа не приходило. Я даже пошел на невинную хитрость — отослал Хаве любовную открытку: если бы она посмотрела ее, мне бы тотчас пришло извещение об этом. Но и открытка моя оставалась нетронутой.

Мне только и оставалось, как герою фильма «Девушка без адреса», шататься по Харгейсе, вырывая из толпы взглядом лица закутанных в традиционные цветастые одежды сомалиек. Судя по тому, как была одета Хава в Казани, я заключил, что едва ли она носит *никаб* — традиционное одеяние, оставляющее открытыми лишь кисти рук, и глаза. В противном случае распознать ее на улице было делом безнадежным.

Примечательно, что самые активные девушки, которых мне довелось встречать в Сомалиленде, носили *никаб*: горячие игривые глаза-угольки, остальное скрыто от взора посторонних. Мои напоенные надеждой отыскать Хаву взгляды девушки воспринимали как верный признак внимания, воодушевленно махали мне рукой и кричали мне что-то типа «Hello» или «How are you». Я неизменно отвечал «окей» и нехотя интересовался, говорят ли они по-английски. Как правило, среди компании всегда находилась та, что уверенно отвечала: «Yes». Однако очень скоро выяснилось, что все ее знания ограничивались несколькими фразами: «I love you», «You are very

beautiful», «Give me your phone number»¹. Просьбой поделиться номером мобильного заканчивались все мои короткие знакомства на улице.

Лишь моя нерешительность, помноженная на языковой барьер, оберегала меня от чар местных обольстительниц. Непогрешимо улыбаясь, я отвечал, что у меня нет телефона, но девушки не верили мне, начинали галдеть и громко смеяться надо мной: китаец, и нет телефона, ха-ха-ха...

Надо сказать, что во многих регионах Африки все приезжие, независимо от своего происхождения, подразделяются на две категории: американцев и китайцев. К первым относятся все ярко выраженные европеоиды, а ко вторым — все остальные, кто не подходит под категорию африканцев и «американцев». В Сомалиленде меня в основном принимали за китайца.

— Hello, China!² — вопили мне в след торговцы *катом*.

— Come here, China! I give you discount, — пытались заманить меня в свою лавку продавцы тканей. — Do you have a wife?³

— No, — отвечал я, тоскливо разводя руками.

— I love you, China!⁴ — неубедительно говорили мне сомалийские девушки.

Поначалу я горячо бросался растолковывать, что я не китаец, но потом плюнул и смирился с этой не особенно тяготившей меня ролью.

— Быть китайцем не так уж плохо, — объяснил мне Саид, выслушав мои жалобы. — Китайцев здесь уважают. Их интересует бизнес, а не политика. Так что, если тебя здесь принимают за китайца, радуйся.

И я тихо радовался оттого, что меня, мирного китайца, здесь никто не обидит.

Я был морально готов к повышенному интересу со стороны местных жителей. Наверное, каждому, кто когда-то хотел стать звездой, но по каким-то причинам не стал ею, полезно съездить в африканскую или азиатскую глубинку, чтобы почувствовать, как тяжело постоянно находиться в центре внимания. Действует как лекарство от нереализованных амбиций. Сначала ты чувствуешь себя центром притяжения, магнитом для наивных туземных сердец, но проходит чудовищно мало времени, и вместо чувства удовлетворения наступает какое-то отчуждение, хочется укрыться от всех в самом неприметном месте, никого не слышать и никого не видеть.

Первое время я педантично отвечал на летевшие в мою сторону «How are you?», «Where are you from?», потом лишь кротко улыбался. Очень скоро я догадался, что я здесь — единственный иностранец на улицах. Сколько я ни бродил по Харгейсе, но так за все время не повстречал ни одного человека со светлой кожей. Но это не значит, что белых в столице нет.

В Харгейсе нашли для себя работу немало представителей международных организаций, а также свободные исследователи и просто шпионы. Большую часть времени чужеземцы сидят на роскошных виллах за городом или в «Амбассадоре»

¹ Я люблю тебя. Ты красивый. Дай мне свой номер телефона (англ.).

² Привет, Китай! (англ.).

³ Иди сюда, Китай! Я дам тебе скидку. У тебя есть жена? (англ.).

⁴ Я люблю тебя, Китай! (англ.).

и подобных ему отелях, пьют привезенный из-за кордона виски и стучат на ноутбуке очередную статью или отчет. Выезжают белые в столицу только по необходимости. Для того чтобы купить продукты — есть верные слуги, а до дверей университета или министерства молниеносно домчит джип. Я же шатался по Индепенденс роад до центрального рынка, носившего название «Вахин» и располагавшегося возле отеля «Ориентал», словно у меня не было решительно никакого дела. Неудивительно, что все принимали меня за хитроумного китайца, прибывшего сюда с какой-то таинственной и весьма деликатной миссией.

Не прослышу лжецом, если скажу, что в современной Харгейсе некоторые иностранцы чувствуют себя безопаснее, чем у себя дома. Пожалуй, главная неприятность в городе для человека, передвигающегося на своих двоих, — нарваться на оголенный провод, свисающий откуда-то с небес.

Я обещал Саиду быть внимательнее в темное время суток, но он все равно очень волновался, когда я ночью слонялся по пыльным, непричесанным улицам Харгейсы.

— Вы же сами говорите, что у вас безопасно, — удивлялся я.

— Это верно, но лучше все-таки не рисковать, — раздавалось мне в ответ.

Несколько раз Саид указывал мне на бредущих неведомо куда чудаков с потерян-ным взглядом.

— Жертвы гражданской войны, — сказал Саид. — Они, конечно, неопасны, но иногда могут повести себя неадекватно.

Эти люди, раненные физически или душевно, так и остались в далеком 1991-м. Для них война не закончилась и продолжалась в них самих, лишь изредка поражая редкими осколками окружающих.

Незадолго до моего отъезда из Харгейсы ко мне, бродившему в одиночестве, подошел один пожилой мужчина в солнцезащитных очках и цветастой синей рубашке и с какой-то усталостью в голосе выкрикнул: «You are not Somali. Get out of here!» Крикнул и ушел. Я догнал его и сказал: «Хорошо, я уеду, только можно не сегодня, а завтра?» Мужчина недоверчиво посмотрел на меня и пошел дальше. Наверное, не стоило так с ним...

Такое поведение и в самом деле несвойственно большинству сомалийцев. В отличие от обитателей других стран, жители Сомали никогда не питали той ненависти к чужестранцам только потому, что они иные. Того, кто приходил сюда с миром, следуя заветам предков, не всегда пускали в дом, но в *арда* он мог чувствовать себя вполне желанным гостем как минимум три дня. Согласно обычаю, кочевник должен был в течение трех дней всячески ублажать гостя, кормить его на убой, но по прошествии указанного срока вступал в силу принцип: пора бы и честь знать. Если гость не уходил, то не было большого греха намекнуть ему об обычае, знакомом, к слову, многим кочевым народам, в том числе и проживающим на территории России...

Я уже и думать забыл про то, что меня кто-нибудь сподобится позвать в гости, как однажды утром Саид поинтересовался моими планами на вечер.

¹Ты не сомалиец. Убирайся отсюда! (англ.).

Я насторожился, пытаюсь предугадать по его лицу, куда он клонит.

— Вроде никаких планов, — сказал я. На четвертый день активных и, увы, безуспешных поисков Хавы я понял, что нужно сделать перерыв, иначе у меня снесет крышу. Саид со своим заманчивым предложением оказался весьма кстати.

— Отлично, — отвечал Саид, — тогда вечером мы едем в гости к моим очень хорошим друзьям. Они живут за городом.

Однако вслед за тем меня пронзила мысль: неужели я радуюсь тому, что мне сегодня не придется искать Хаву? Подумав об этом, я растерялся.

«Все это от усталости, не надо сдаваться, и все будет хорошо, — стал я успокаивать себя. — А сегодня я просто сделаю перерыв...»

Друзей звали Олаф и Асия. Они были из тех счастливых малоприметных для постороннего глаза иностранцев, что обитали на виллах за городом, среди холмов, недалеко от дороги, ведущей в аэропорт имени Хаджи Ибрагима Эгаля. Олаф жил в Харгейсе уже почти два года. Ему нравилось здесь: в родной Германии остались суэта, погоня за деньгами, педантичное планирование собственного бюджета. Здесь, в Харгейсе, была свобода, уйма времени и любимое, не требующее титанических усилий дело. Средств от гранта хватало на то, чтобы снимать виллу, где Олаф сочинял диссертацию о государственном устройстве в Сомалиленде, и нанять служанку, занимавшуюся закупкой продуктов, готовкой и уборкой. Олаф знал в правительственных кругах Харгейсы каждую собаку.

Жена Олафа — Асия — стройная девушка со светло-коричневой кожей, одетая как сомалийки, была родом из Эритреи. Новоиспеченная гражданка Германии Асия говорила по-английски с немецким акцентом. Она, как оказалось, тоже писала диссертацию — что-то про немецких поэтов-нацистов двадцатых годов. Поэтому большую часть времени она находилась на исторической родине Олафа. В Харгейсу Асия приехала для заключения брака в соответствии с требованиями шариата.

Единственное недоразумение состояло в том, что Асия была мусульманкой, а Олаф — пусть и формально, но христианином, а, по шариату, брак между немусульманином и мусульманкой невозможен. Но либеральный сомалилендский мулла, похоже, решил не разочаровывать новобрачных и все-таки провел церемонию.

— Как вам удалось уговорить его?! — вскричал я. Циничным ханжой я себя не считал, но действия муллы, нарушившего базовые принципы того, чему он был призван служить, изумили и даже немного возмутили меня.

— Я и не уговаривал его, — сказал Олаф. — С ним Саид говорил.

Я с удивлением посмотрел на Саида. Тот в ответ подмигнул мне. Интересно, он его уговаривал так же, как и полицейского в аэропорту?..

— Но вы же, наверное, знаете, что этот брак будет недействительным, даже если кто-то провел церемонию, — обратился я к Саиду и Олафу одновременно.

— Мулла высказал пожелание, чтобы Олаф в будущем принял ислам. Олаф обещал подумать, — сказал Саид. — Я думаю, он на верном пути...

— Иншаалла, — отвечал я.

Когда Асия вышла на кухню, Олаф шепнул мне, что эритрейки — самые лучшие девушки на свете.

— Даже лучше, чем сомалийки?

— Даже не сомневайся. Ты мусульманин, умный, красивый, с хорошим образованием. Тебе обязательно нужно в Эритрею.

Я задумался...

Груди девственницы, Верблюжий колодец и советский танк

«Если верблюдица не пила тридцать дней, она потерпит еще три»

(Сомалийская пословица)

Все свободное время в Харгейсе я посвящал поиску Хавы. На мои занудные звонки ее телефон неизменно отвечал хрипловатым женским голосом одну и ту же фразу на сомалийском, которую я быстро научился понимать без перевода. Иногда этот прокуранный голос начинал звучать в моих ушах во сне, отчего я просыпался и потом долго ворочался, думая о Хаве и маме, о Саиде и Хандуле, о *хавале* и москитах, пока наконец не забывался ненадолго вместе с утренним *азаном*.

На мои письма она по-прежнему не отвечала. Я не знал, что мне делать. Обратиться к кому-то за помощью? Но к кому? К Саиду? Ни за что! Или к торговцам на рынке? Единственный, у кого я осторожно поинтересовался, знает ли он Хаву, был Варсаме — парень на ресепшн в моем отеле. Он, счастливо улыбаясь, сообщил мне, что знает целых двух Хав: одна, двенадцатилетняя девочка, еще училась в школе, другой было за сорок, и она была тетей Варсаме.

Мне ничего не оставалось, как продолжать свое патрулирование вечерней Харгейсы. Моим любимым маршрутом стал путь от отеля до главного памятника столицы — установленного на пьедестале МИГа, — одного из тех, что практически стерли с лица земли Харгейсу в 1988 году. Поначалу мне показалось диким, что в качестве объекта был выбран вражеский самолет, на что Саид справедливо заметил: «А разве крест, который носит на шее добрая половина человечества, не был когда-то жестоким орудием убийства?..»

Подножие монумента, огороженного от припаркованных вокруг машин низенькой зеленой оградкой, было разрисовано в жанре народного лубка сценами из новейшей истории Сомалиленда. Больше всего меня впечатлил лысый мужик в майке и зеленых трусах, с отрубленными половинками рук, из которых потоком била кровь. Мужик невозмутимо следовал за воинственной, жутко похожей на индейца простоволосой женщиной с самопальным ружьем. Вокруг на желтой земле были раскиданы человеческие останки, среди которых на заднем плане брели такие же одинокие, изуродованные войной изнутри и снаружи чудаки. Над всей этой красотой взмывал ввысь белый почти бумажный самолетик. Под хвостом МИГа, на кирпичном постаменте была нарисована дата — 18 мая. Чуть ниже — металлическая табличка уже с двумя датами — 26.6.1960 и 18.5.1991. В эти дни была провозглашена независимость страны — в 1960-м от Великобритании, а в 1991-м — от Сомали.

Имелся в городе еще один памятник — в виде гигантской, выше среднего человеческого роста, правой руки коричневого цвета, сжимавшей в руке карту Сомалиленда — такую же обшарпанную, как и сама рука. К изваянию вели три ступеньки, каждая из которых была покрашена в один из цветов флага Сомалиленда. Сам постамент, из которого, как из клумбы, выростала рука, был синего цвета. На нем также был нарисован флаг — для тех, кто не понял замысла художника со ступенями. Иногда мне казалось, что эта рука Хавы, и я тайком целовал ее. Те, кто все-таки видел это, наверное, принимали меня за безумца.

Никаких памятников Эгалю и другим выдающимся борцам за независимость страны в Харгейсе нет...

Постояв у «Руки», я возвращался к «Самолету», заходил в Интернет-кафе, отправлял очередное письмо Хаве и плелся в темноте по пыльной дороге к себе в отель.

Чем ближе я приближался к «Мансуру», тем чаще на моем пути одноэтажные и двухэтажные дома сменялись сооружениями из веточек, картона и других подручных материалов. Эти жилища представляли собой нечто среднее между традиционным *арда́* кочевника и шалашом Ленина в Разливе.

Обитатели хижин, первое время с недоверием косившиеся на меня, вскоре свыклись с моим существованием. Некоторые радостно приветствовали меня, высовываясь из своих шалашей. Однажды меня даже попытались затащить на чай, но я вежливо, но решительно отказался. Во-первых, мне не хотелось разорять несчастных жителей лачуги — беженцев из какого-нибудь Огадена, и, во-вторых, я понимал, что второго отравления я точно не переживу. Верблюдом, ужаленным змеею, меня, конечно, никто бы не угостил, но и простым чаем на подозрительной, недокипяченной воде можно отравиться посильнее, чем сотней верблюдов.

Я облюбовал себе один магазинчик недалеко от отеля, где я закупал все, что требовалось мне на ужин: воду, хлеб, нарезку колбасы или сыра. На рынок я заходил за бананами и манго. Когда-то Сомали была в буквальном смысле банановой республикой. Страна занимала в 1960-е годы первое место по производству бананов в мире. Правда, все банановые плантации были расположены на юге Сомалийского полуострова.

Пожунав, я чистил зубы, набирал наудачу номер Хавы, слушал заветную фразу и, помолившись, укладывался спать.

Однажды утром, после очередной противной ночи, пропахшей моим потом и кровью, выпитой выдуманными мною москитами, я решил, что нужно немедленно менять дислокацию, — хотя бы на пару дней. Так, по крайней мере, я не буду каждую минуту думать о ней, престану вглядываться в ласково-кофейные лица сомалиек на улицах Харгейсы. За это время Хава должна была сама объявиться, если, конечно, не случилась беда. Поначалу я не желал думать о плохом, но чем больше проходило времени, тем чаще посещали меня мысли о том, что с Хавой что-то стряслось.

Возможно, сейчас, думал я, вышагивая по Индепенденс роад, она лежит в полубреду в больнице, быть может, даже вот в этой, расположившейся в желтого цвета одноэтажном здании. Да что тут рассуждать? Надо войти и узнать, нет ли среди больных девушки по имени Хава? Я уже взялся за дверную ручку, но так и не решил сделать следующий шаг. Что я знаю о Хаве, кроме имени? Как я уже успел понять

из разговоров с Варсаме и деловых встреч в городе, так зовут добрую половину женского населения Харгейсы.

Я проклинал себя за непроявленное своевременно любопытство. Раньше я всегда узнавал у девушки фамилию и, если она казалась мне неблагозвучной, мог даже прервать общение. С другой стороны, обладательница красивой фамилии могла претендовать на мою благосклонность, не обладая при этом идеальными внешними данными. Любовь к слову была для меня выше любви к картинке, образу.

Решив на время оставить Харгейсу, я бежал не от своего неожиданно ставшего угасать чувства, но лишь от беспощадной неизвестности. Я начинал все чаще думать над тем, а не выдумал ли я для себя Хаву. Девушка с таким именем, с которой я познакомился в Казани, конечно же, существовала, но, судя по всему, она имела мало общего с той Хавой, которую я хотел видеть своей возлюбленной и женой. В любом случае мне следовало отыскать ее, быть может, она и в самом деле попала в беду. Ох уж эта проклятая неизвестность! Мне ничего не оставалось, как только предаться Всевышнему подобно черепахе из сомалийской сказки.

Говорят, что в древние времена у черепахи не было панциря. Хищные звери решили этим воспользоваться и задумали съесть черепаху. Пожалел черепаху ворон и рассказал ей обо всем. Огорчилась тогда черепаха и в сердцах воскликнула: «А присутствовал ли Аллах при этом?» Ворон ответил: «Разве ты не знаешь: Он присутствует повсюду?!» Тогда черепаха засмеялась и сказала: «В таком случае мне нечего беспокоиться».

Утром пришли звери, чтобы отведать черепашьего мяса. Прилетел и ворон. Но за ночь Аллах одел черепашьё туловище в толстый панцирь. Сколько ни пытались звери и птицы пробить его, ничего у них не вышло. А ворон даже погнул клюв. С тех пор повелось, что у черепах на спине панцирь, а вороны — с кривым клювом.

Время у меня еще было: обратный рейс в Дубай предполагался только через три дня. Три дня, казавшиеся мгновением в Москве, в Сомалиленде проходили неторопливо.

Имелось, впрочем, и другое обстоятельство, подвигнувшее меня на отъезд из Харгейсы, — нежелание более досаждать моему куратору. Я стал замечать, что Саид, каждый день исправно доставлявший меня на встречи с разными нужными и не очень нужными мне людьми, с каждым днем заезжал за мной в отель все позже, а отвозил обратно все раньше. В эти свободные часы я слонялся по Харгейсе, глазел по сторонам и отвечал на идиотские вопросы местных жителей. Вскоре все настолько привыкли ко мне, что воспринимали меня как своего. Один пожилой сомалиец сказал мне в мечети: «Ты такой же сомалиец как мы, только белый». После этого комплимента я решил, что сам черт мне не страшен, и в любом городе Сомали мне будут рады как своему.

Когда я за обедом поведал Саиду о своем намерении махнуть в Пунтленд или даже в Могадишо — изучить «кухню» местных хавалдаров, он замахал руками, словно на его тарелку уселась тысяча мух.

— Что там делать? Там опасно. А *хавалья* там точно такая же, как у нас. Или у тебя есть лишние сто двадцать долларов в день на охрану?

Последний аргумент показался мне сильным. Мой командировочный бюджет не предполагал денег на телохранителей.

— Но Хандуле говорил мне, что там безопасно. Он мне даже визу дал — забыв о предупреждении господина посла, я достал из рюкзака сложенную вчетверо визу Сомали.

— Ничего не знает этот Хандуле. Пусть сам туда едет, — рассерженно сказал Саид, возвращая мне визу. — Хандуле — фантаст. Если уж хочется куда-то непременно съездить, я бы посоветовал Берберу. Это и дешевле и безопаснее...

В самом деле! Как я мог забыть о Бербере?

Бербера — во всех отношениях город значительный. Хотя бы потому, что это самый древний порт в Африке. Древнее Зейлы. Когда-то на этом месте при правивших в Египте Птолемах был город Малао, главный порт легендарной страны Барбарика. О нем оставил упоминание один греческий купец в первом веке новой эры. Но кто поручится, что существовавший здесь порт не был ровесником фараонов Древнего Царства, посылавших экспедиции за благовониями и другими колониальными товарами в таинственную страну Пунт?..

В Средние века город был одним из центров морской торговли в регионе. Отсюда вывозились мирра, ладан, слоновая кость, шкуры животных. Невольничий рынок Берберы прославился даже в Китае.

Португальцы разбомбили город в 1518 году, но закрепиться им здесь не удалось: через несколько десятков лет их вышвырнул из Аденского залива флот султана Османской империи.

Добившийся еще в начале XIX века широкой автономии от Османской империи Египет давно и всерьез интересовался сомалийским побережьем Аденского залива. Англичане также претендовали на эти аппетитные места. Интерес к Бербере колониальных держав усилился после открытия в 1869 году Суэцкого канала.

Но в дипломатической борьбе с Англией, Францией и Турцией за господство над Берберой верх одержали египтяне. Этому есть простое объяснение. Англичане, озабоченные продвижением русских в Средней Азии, решили не растрачивать попусту силы и завладеть Берберой и Зейлой руками Египта. Так и случилось. Через десять лет англичане с помощью долговой петли поработили Египет со всеми его территориальными приобретениями, включая сомалийское побережье Аденского залива.

Бербера стала административным центром британского Сомалиленда — до 1941 года, когда генерал-губернатор переехал в более безопасную Харгейсу.

Во времена сомалийского единства этот стратегически важный порт служил козырной картой в руках хитроумного Сиада Барре. Сначала Барре дал его в пользование Советскому Союзу в обмен на вечную дружбу. В 1969 году советские специалисты, начали здесь строительство глубоководного порта. Потом, после Огаденской войны, Берберу заполучили американцы, но счастья они там не нашли. Сейчас берберский порт служил интересам Сомалиленда, но мне, по словам Саида, непременно следовало увидеть один из символов прежней советско-сомалийской дружбы.

Я обрадовался возможности разнообразить свою поездку и покинуть ставшую ловушкой для моей несчастной любви Харгейсу. К вечеру прояснились некоторые важные подробности предстоявшей поездки.

Аренда лэндкрузера от Харгейсы до Берберы и обратно должна была обойтись мне в 100 долларов. Эта статья расходов никак не входила в мои планы. За мою жизнь это была первая командировка за рубеж, но я хорошо понимал, что никто не заплатит мне за сафари на джипе к берегам Аденского залива.

Я поинтересовался у Саида, а нельзя ли добраться до Берберы другим, более экономным способом? Например, общественным транспортом? Ездят же как-то люди из Харгейсы в другие города.

— Ездят, но тебе нельзя. Ты — иностранец. Потом, я уже заплатил им, так что поздно менять решение.

Мне ничего не оставалось, как вернуть Саиду неожиданно возникший долг.

— В дороге тебя будет сопровождать охрана, — сказал Саид, убирая деньги в бумажник.

— Охрана?! Зачем?

— Так положено. Это закон.

Саид рассказал мне, что раньше иностранцы действительно передвигались по стране без охраны, но где-то за четыре года до моего приезда на пути между Харгейсой и Берберой местные ваххабиты — сторонники организации «аль-Иттихад аль-ислами» («Исламский союз») — убили иностранцев за то, что у тех была недостаточно длинная борода. Вся страна бросилась на поиски злодеев. Их нашли и сурово покарали. Но с тех пор иноземцев не выпускали за пределы городов без сопровождения двух вооруженных «калашниковыми» полицейских. Тем самым убивались два зайца: властям, озабоченным международным признанием Сомалиленда, было спокойно за собственный имидж, и полициям — развлечение.

Я посмотрел на свое лицо в зеркало саидовского Suzuki. Первое время, рассчитывая повидаться с Хавой, я исправно брился по утрам, но потом, утратив надежду, бросил это мучительное занятие. В скором времени я мало чем отличался от местных последователей радикального ислама — сторонников движения «аль-Иттихад», тех самых, по вине которых мне пришлось раскошелиться на джип. Слоняясь по безымянным улицам Харгейсы, я приноровился закатывать джинсы, чтобы на них не оседала пыль, это еще более усиливало мое сходство с короткоштантными иттихадистами. За свою внешность я вдоволь наслушался шуток от Саида и других друзей Хандуле. Местные также недоумевали: сочетание китайца и ваххабита в одном человеке выглядело в их глазах чем-то несусветным.

Так вышло, что на следующий день после моего выздоровления я оказался в центре подле джума-мечети, которая до войны считалась самым крупным сооружением такого рода в Восточной Африке. Я не мог не зайти сюда, во-первых, чтобы возблагодарить Аллаха за исцеление от заморской заразы, и во-вторых, чтобы посмотреть как местный дом Аллаха выглядит изнутри. Когда я вошел, совершив омовение, вечерний намаз уже начался. Просторная мечеть была заполнена наполовину, и мне без особых усилий удалось пристроиться к последнему ряду верующих. Прежде чем присоединиться к коллективной молитве я посмотрел налево и увидел

устремленные на меня глаза стоявшего рядом парня, не выражавшие ничего, кроме безмерного удивления.

Машинально я бросил взгляд на свои покрытые мозолями ноги, побелевшие от местного солнца джинсы, не успевшую высохнуть на спине, где висел рюкзак, футболку. Когда я поднял глаза, я увидел, что на меня смотрит не только сосед слева, но и те, кто находился спереди. Я не нашел ничего лучше, чем улыбнуться. Еще не хватало того, чтобы я сорвал богослужение. Может, уйти пока не поздно? И возблагодарить Аллаха в другом, менее публичном месте? Я обернулся назад, но за моей спиной сомкнулся ряд обладателей любопытных глаз. Ретироваться в таких условиях значило бросить еще одну вязанку дров в пламя их любопытства. Я втайне надеялся покинуть мечеть после намаза одним из первых, но и этому желанию не суждено было исполниться.

Едва только молитва закончилась, как я буквально на носочках, опустив глаза, засеменял к выходу. Но я не успел сделать и трех коротких шагов, как на меня полетело отовсюду: «You are Muslim! Good! Very good! China — Muslim. Good! Welcome! Salam alaykum, China!»¹ Вслед за эмоциональными репликами последовали рукопожатия...

Не знаю, сколько бы времени еще я провел в мечети, рассказывая прихожанам, что никакой я не китаец, а татарин из России, что в России много мусульман, что в Петербурге — самая красивая в Европе мечеть, что Петербург раньше назывался Ленинградом, в честь Ленина — того самого, который сделал Октябрьскую революцию и подарил мусульманам Коран Усмана, и т.п., если бы меня не вызволил Саид...

— Так что, ты передумал ехать? — вывел меня из задумчивости Саид.

— Да уж, передумаешь с тобой, — пробормотал я по-русски.

— Что?

— Да нет, ничего. Еду, конечно, — без всякой радости отвечал я по-английски.

— Отлично тогда завтра рано утром они приедут за тобой.

— Кто приедет?! — слово «они» насторожило меня.

— Как кто? Водитель и охрана.

— Что, и за охрану мне тоже придется платить? — осторожно спросил я.

— Нет, государство предоставляет охрану бесплатно, — с гордостью отвечал Саид, но прежде чем я успел радостно выдохнуть, добавил: «Но принято платить им по 20 долларов каждому. Это — хэр, сомалийский обычай. Ты же хотел узнать, как он работает. Только не вздумай отдавать им деньги сразу. Только в конце. Запомни: в конце».

— Хорошо. В конце — так в конце, — беспомощно пробормотал я. Сто сорок долларов — во столько мне обойдется желание убежать от моей любви. Лучше бы за эти деньги я нанял уличных мальчишек. Они бы за такое королевское вознаграждение из-под земли достали бы мне Хаву. Что ж, неплохая мысль! Если до моего возвра-

¹Ты мусульманин! Хорошо! Очень хорошо! Китай — мусульманин. Хорошо! Добро пожаловать! Мир тебе, Китай! (искаж. англ.).

щения Хава не объявится, надо будет попробовать этот вариант. И если, конечно, у меня еще останутся деньги...

На следующий день рано утром мы тронулись в путь.

Белозубый водитель джипа, Абди, — в черных очках и одежде цвета хаки напоминал крутого негра — «морского котика» из американского кино. Я подумал, что, случись, не дай Бог, с нами в дороге какая-нибудь неприятность, от него будет больше толку, чем от моих телохранителей: сухопарого старика и совсем молодого толстого парня, своими чертами лица и фигурой мало походившего на других сомалийцев.

— Представитель одного из негроидных племен, — решил я.

Каждый раз, отлучаясь по надобности, парень забывал свой «калаш» на заднем сиденье джипа. В старике, напротив, чувствовался опыт: он всегда шел по своим делам с оружием. Полезная привычка даже там, где безопасно. Но несмотря на наличие некоторых боевых качеств у одного из моих телохранителей, я довольно быстро убедился, что большой пользы от моей охраны не будет, попади мы в засаду, устроенную бородачами. Какой нормальный телохранитель позволил бы мне сесть на переднее сиденье, рядом с водителем?..

Опять выходило, что, наняв совершенно бесполезных для меня телохранителей, я заплатил в казну Сомалиленда косвенный налог на содержание истомившейся без больших дел полиции. На выезде из города у первого же КПП полицейский, не проявив ко мне большого интереса, заглянул внутрь и, убедившись в наличии охраны, дал добро на проезд. То же самое потом повторилось при въезде в Берберу...

Первое время я, не отрываясь, смотрел, в окно на покрытую невысоким кустарником саванну. За нашей спиной остались два невысоких холма, называемых Наса Хаблод (Груды девственницы) — за сходство с этой примечательной частью женского тела.

Я не мог отказать себе в удовольствии взобраться на одну из «грудей». Мысленно соскальзывая по воображаемому гигантскому женскому телу с одного из сосцов Наса Хаблод, я обнаружил, что Харгейса раскинулась в еще более интересном с точки зрения любителя анатомии месте. На сомалийском это слово звучит как «*силь*».

Наса Хаблод — один из символов Сомалиленда и Сомали в целом. Любой местный житель расскажет вам, что эти созданные лучшим архитектором на свете — Аллахом — из гранита и песка холмы послужили образцом для пирамид в Гизе. По преданию, египтяне, прибывшие в эти края по торговым делам, увидели Наса Хаблод и попытались воссоздать увиденную ими красоту при построении усыпальниц фараонов. Сомалийцы горды этим своим весомым вкладом в копилку мировой цивилизации.

Единственными живыми существами на Земле, осмелившимися бросить вызов самому Аллаху, оказались термиты. По всей стране высятся их величественные, достигающие порою нескольких метров в высоту рыжие готические дворцы-соборы, сооруженные из песка, глины и прочих доступных материалов.

Сомалийцы называют термитники поэтично: *думдумо*. Труд множества трудолюбивых строителей, работающих не за зарплату, а ради всеобщего блага, приносит свои результаты: *думдумо* — не только дом, но и настоящая крепость, обороняющая ее обитателей и от капризов природы и от непрошенных гостей. Хищный

зверь, лев или леопард бессилен перед этим стройным, вызывающим удивление и восхищение сооружением. Надменный хищник скорее сломает зубы, чем доберется до святая святых — бережно выращиваемых на экскрементах обитателей термитника грибов, от употребления которых у термитов, наверное, рождаются такие великолепные архитектурные идеи. Употребление грибов помогает им также лучше вырабатывать слюну, которая лежит в основе липкой кашицы. Примешивая туда измельченную древесную труху, термиты намертво скрепляют свои дворцы. Другое сокровище, скрываемое за толстыми стенами термитников, — красноватого цвета земляца. Говорят, красная почва из термитника содержит специальную глину, которая здорово помогает от диареи. Об этом мне через Абди, выступавшего у нас в роли переводчика, сообщил старик-водитель, когда мы однажды вышли по нужде.

— Нам это очень сильно помогало во время войны, — признался он. — Бывало, перед боем так скрючит — умереть хочется.

Я засмеялся.

— У нас, в России, это называется медвежьей болезнью.

— Медвежьей? У нас нет медведей в Сомали. Были давно, но потом все умерли. Говорят, последнего убило во время войны шальной пулей...

Мои попутчики использовали *думдumo*, чтобы вдали от посторонних глаз справиться мелкую и большую нужду. Возможно, то, что они оставляли после себя, тоже находило применение в лапках трудолюбивых термитов. Но мне было как-то совестно осквернять эти дворцы. «Вдруг, когда я буду справлять нужду, из термитника выйдет злой дух и лишит меня орудия преступления, — подумал я. — А мне еще Хаву увидеть надо...»

По сомалийским поверьям, термитники являются обиталищем злых духов. Особенно это касается заброшенных термитников, оставленных по каким-то причинам проживавшей там колонией насекомых. Здесь зачастую находят пристанище разнообразные живые твари: от сов до мелких лисиц. Ночной крик совы, раздавшийся из величественных развалин термитного дворца, или лай оставшейся без ужина лисы способны были пробудить разные фантазии в уме неискушенных сомалийцев. Мало кому хочется иметь дело со злыми духами, или джиннами, — ближайшими друзьями термитов.

У сомалийцев в ходу легенда, рассказывающая о том, как джинны подружились с термитами. Эта легенда является местной интерпретацией известной коранической истории о смерти пророка Сулеймана.

Известно, что Сулейман был наделен Аллахом властью не только над людьми, животными, но и над всеми силами природы, духами и джиннами — существами, созданными из огня. Власть и авторитет Сулеймана были столь велики, что никто не смел ослушаться его приказов.

Однажды Сулейман стоял, прислонившись к большому дереву, и наблюдал за работой джиннов, трудившихся над созданием очередного грандиозного сооружения, призванного возвеличить Аллаха. Джинны, занятые строительством, и не подозревали, что Сулейман умер. Так он простоял, прислонившись к дереву, несколько дней, и все это время джинны, опасаясь гнева своего повелителя, боялись хоть на минуту прекратить работу. Так продолжалось бы целую вечность, если бы не тер-

миты, которые, пролагая себе путь под землей, перегрызли корни дерева. Дерево упало. Вместе с деревом оказался поверженным и Сулейман. Только тогда джинны поняли, что их повелитель умер, и немедленно побросали работу. С тех пор между джиннами и термитами существует союз. Джинны помогают термитами сооружать их дома и нередко гостят у них во дворцах...

Мои размышления о фараонах, гигантском женском теле и термитах прервал крик: «Mister, we have no time!»¹

Это кричал один из моих охранников, судя по голосу — молодой. Они не стали подниматься наверх, внимательно наблюдая за моими передвижениями по холму снизу. Бербера ждала нас. Позвонивший утром перед нашим отъездом Саид предупредил меня, что рабочий день у моего конвоя заканчивается в пять часов вечера, но в виде исключения (не иначе как из большой симпатии ко мне), они готовы уделить мне еще два часа, но не больше. Любая незапланированная остановка в пути означала для моих телохранителей опоздание к домашнему ужину. Сегодня каждый из них принесет домой честно заработанные двадцать долларов, и довольная жена выдаст ему тарелку, на которой среди слипшихся макаронин будут разбросаны кусочки козлинного мяса. А потом он сядет в углу и, пожевывая *кат*, начнет рассказывать были и небылицы про странного светлогожего китайца, которого ему пришлось сопровождать в Берберу. Но всего этого может не произойти, если они опоздают на ужин. Этого бы они мне никогда не простили.

Сбегая с холма, я, весело открывая рот навстречу ветру, машинально набрал номер Хавы. Сколько раз за последнее время я делал это, не рассчитывая всерьез на успех...

Не может быть! В трубке послышались гудки, неторопливые, едва слышные. Я замер, боясь одним неверным шагом покинуть зону охвата мобильной связи.

— Алло! — отвечал чей-то сонный голос.

— Салам, Хава!!! Это я, Ренат! Я здесь, в Сомалиленде! У тебя все в порядке?! Ты здорова?! Я потерял тебя.

— Аа... Ренат. Салам! Все хорошо. Я спала. Как дела?

— У меня все хорошо. Я хочу видеть тебя.

— Я не знаю... Я немного занята. Может быть, завтра.

— Нет! Сегодня. Когда?

— Я не знаю... Ты где сейчас?

— Я в Сомалиленде! В Харгейсе! Я давно уже здесь!

— Окей. Мы можем увидеться через час.

— Через час? Я не могу. Я не в Харгейсе сейчас.

— Ты же сказал, что в Харгейсе. Ты смеешься надо мной?

— Нет, что ты! Я в Харгейсе. Но я уехал в Берберу. Я скоро вернусь. Может, вечером?

¹ Мистер, у нас нет времени (англ.).

— Хорошо.

— Во сколько и где?

— Не знаю.

— Окей, в семь часов у отеля «Ориентал».

— Окей.

— Пока, до встречи, Хава!

— Пока.

Я сбежал с холма, смутив устроившихся на желтой сухой земле под небольшим деревом охранников.

— Едем, скорее едем! — весело прокричал я им.

Подгоняемый настигнувшим меня в пути счастьем, я мечтал лишь о том, как бы поскорее возвратиться в Харгейсу, сбежать из которой я столь страстно мечтал еще этим утром. Быстрыми шагами я приближался к джипу, мои телохранители, обремененные автоматами Калашникова, нестройным шагом поспешали за мной.

На ходу редко приходят хорошие мысли. Вот и эта, захватившая меня на пути к машине, лишь сначала показалась мне довольно дерзкой и потому, наверное, красивой. Мне подумалось: может, мне приказать водителю повернуть назад и помчаться на всех скоростях в Харгейсу?

Но прежде чем я вернулся на свое место, я решил, что эта мысль не столь красива, чтобы разрушить все предыдущие планы. Я вспомнил, что договорился с Хавой на вечер. Конечно, и водитель, и охранники, будут бесконечно рады, что их непыльный рабочий день так рано закончился, но едва ли мне вернут заплаченные за аренду джипа деньги. Да и мои телохранители будут недовольны, если их лишат ожидаемого гонорара. До Берберы ехать еще часа два: времени до семи предостаточно. Я даже успею заскочить в отель переодеться.

Только когда мы отъехали от Грудей девственницы на приличное расстояние, я вспомнил, что за нашей спиной остался Лас-Гиль. Еще в Москве в одной из статей профессора Пальцева я прочел об этом чуде, расположившемся между Грудями девственницы и Харгейсой. Местечко Лас-Гиль (в переводе с сомалийского — Верблюжий колодец) представляет собой сосредоточение пещер, в которых французскими археологами были обнаружены наскальные изображения возрастом в девять или даже десять тысяч лет.

Одетые в красочные ритуальные одежды гигантские коровы, виденные мною на фотографии из пещер, встали в тот момент у меня перед глазами и, жалобно мыча, потребовали, чтобы я непременно навестил их, раз уж оказался неподалеку.

— Стоп! — я взял водителя за плечо. — Мне надо в Лас-Гиль — туда, — я указал пальцем назад, в сторону Наса Хаблод.

Машина остановилась, но, вместо того чтобы выполнять мое распоряжение, водитель и телохранители стали что-то горячо обсуждать. Каждый раз когда я слышал знакомые слова Лас-Гиль, я демонстративно взмахивал руками и улыбался.

— Извините, но мы не можем ехать в Лас-Гиль, — наконец сообщил мне водитель.

— Почему?

— Потому что мы не успеем съездить в Берберу и вернуться назад.

— Почему не успеем? Сколько же ехать до Берберы?

Водитель снова принялся что-то обсуждать с телохранителями. Старик, прокашлявшись, толкнул какую-то речь, которую мне пришлось вместе со всеми терпеливо выслушать.

— Если мы сейчас поедem в Лас-Гиль, мы можем приехать во время обеда и никого не застанем в Бербере, — коротко перевел водитель, когда старик закончил шамкать губами. — Лучше поехать в Берберу сейчас, а потом, если останется время, на обратном пути завернуть в Лас-Гиль.

Я согласился, вовремя вспомнив, что приехал сюда не в качестве археолога или туриста. Моя задача — изучить особенности сомалийской *хавали* и проанализировать ее роль в экономическом развитии Сомалиленда.

Я дал себе установку не думать о Хаве до самого возвращения в Харгейсу. К чему истязать себя домыслами? В ситуации, когда мы оба практически ничего не знаем друг о друге, единственным мудрым решением было ждать. Ждать наступления вечера, который расставит все точки над «i».

На мое счастье, дорога не давала скучать, регулярно подкидывая пищу для размышлений. Завидев на обочине дороги сросшийся с пейзажем подбитый советский танк, я велел водителю остановиться. За кого воевал экипаж этой машины, ставшей памятником войне, разорвавшей на части одно из немногих моноэтнических государств в Африке, — за центральное правительство или за повстанцев? Выжил ли экипаж или погиб? Думал ли командир экипажа, прошедший Огаденскую войну, что через десять лет он будет подбит в танке на сомалийской земле, сражаясь против своих братьев-сомалийцев?

После окончания бесславно проигранной войны с Эфиопией дела в Сомали пошли скверно. Генерал Барре закусил удила и окончательно оформился в диктатора, прислушивавшегося разве что к мнению своих приближенных из клана Марехан, входящего в большой клан-семью дарод. Другие должны были либо подчиняться его приказам, либо умереть. Такой расклад мало кого устраивал. Первым звонком для генерал-майора Барре была неудавшаяся попытка военного переворота в 1978 г.

Тогда несколько офицеров, среди которых был и будущий президент Сомали Абдуллахи Юсуф Ахмед попытались свергнуть Барре. Переворот провалился, все заговорщики, как и полагается в таких случаях, были жестоко казнены. Смерти избежал лишь Абдуллахи Юсуф Ахмед. Встретив поддержку в соседней Эфиопии, которая была счастлива внести свою копеечку в дело развала опасного соседа, Юсуф Ахмед не теряя времени занялся оппозиционной деятельностью. Он организовал Сомалийский фронт спасения (СФС), основной целью которого было свержение диктатуры Барре.

В это время не дремали и другие недовольные. Выходцами из северных кланов в Лондоне также был создан своеобразный штаб по борьбе с диктатором. Позднее оппозиционеры с севера перебрались в Эфиопию, чтобы быть ближе к центру событий.

В таких условиях судьба Барре фактически была предreshена. В отличие от неггибаемого полковника Каддафи, у Барре не было столько ресурсов, чтобы противостоять оппозиции на военном и идеологическом фронтах. Оппозиционеры прекрасно

чувствовали себя под крылом эфиопского диктатора Менгисту Хайле Мариама, несколько не опасаясь за свою жизнь, наращивая силы, выигрывая короткие пограничные схватки и выбивая из-под ног Барре идеологическую почву.

С распадом СССР теория научного социализма утратила актуальность. Единственной платформой для объединения всех сомалийцев мог, как и в былые времена, стать только ислам. Но потерявший чувство реальности Барре не только не обратился к исламской идеологии, но и умудрился настроить против себя мусульманское духовенство. Несостоявшийся «Отец нации» превратился в кровавого Фараона, попирающего традиции сомалийского общества.

Очаги партизанского движения на территории Сомали появились еще в начале 1980-х, но в активную фазу война вошла в 1988 году. В этом году утратив поддержку со стороны Эфиопии, повстанцы на севере начали активную вооруженную борьбу с режимом. Барре бросил против мятежников войска: тысячи людей, включая мирных жителей, нашли смерть от солдат сомалийской армии. К 1990 году Барре было уже не до Севера: к Могадишо двигались войска, подконтрольные двум основным оппозиционным силам на Юге — Объединенному сомалийскому конгрессу (ОСК) и Сомалийскому патриотическому движению (СПД). Вышвырнув диктатора из столицы, победители стали делить власть. Вопрос этот не решен и поныне.

Пока представители разных кланов и группировок на юге страны спорили, кому быть у руля, северяне стали потихоньку строить независимое государство Сомалиленд.

Встречающиеся вдоль дорог в Сомалиленде покрытые ржавчиной железные орудия убийства, оставлены не случайно. Это — лучшее напоминание о войне, которая еще не закончена на сомалийской земле. Как и МИГ в центре Харгейсы.

Наверное, так же стояла вдоль сомалийских дорог после Второй мировой войны подбитая техника, пока предприимчивые англичане на Севере и итальянцы на Юге не нашли ей применение.

У каждого, кто видит такие монументы, в памяти возникают свои собственные мысли о войне. К счастью, у меня не было военного опыта. Но моему отцу этот поверженный танк напомнил бы его молодость, службу танкистом на Львовщине, когда в разгар второго Берлинского кризиса он, как и тысячи молодых новобранцев, ждал приказа идти на врага, предавшего, как говорил политрук, союзнические идеалы Второй мировой.

Если бы тогда, в 61-м, началась война, скорее всего, не было бы ни меня, ни поездки в Сомалиленд, ни этого танка, а может быть, даже самого Сомалиленда. А значит, и Хавы. Вот такая логика...

Ко мне подошел старик и нежно постучал указательным пальцем по циферблату своих выдавших виды электронных часов.

— Приходилось иметь дело с такими штуками? — обратился я к нему и указал пальцем в сторону танка.

— Да, однажды мы даже подбили такой, и меня отпустили на несколько дней домой — в качестве поощрения, — отвечал старик через Абди. — Пока меня не было, наша группа попала в окружение, и все погибли. Пленных люди Барре не брали.

— Значит, вы счастливчик.

— Может быть.

— Все мы немного счастливики, — добавил от себя Абди. — Уже пятнадцать лет без войны живем...

Больше в пути мы не останавливались. Я решил, что если буду горевать у каждого подбитого танка, то ни за что не доеду до Берберы, не успею к коровам Лас-Гиля и на свидание к Хаве.

КРАСНОАРМЕЕЦ С ДУШОЮ МУРАВЬЯ

«Те, у кого в проводниках навозный жук, ходят по дерьму»
(Сомалийская поговорка)

Первое, что нам надлежало сделать в Бербере, согласно плану, составленному накануне Саидом, — завернуть в местный филиал Банка Сомалиленда. Несмотря на все предосторожности, попали мы прямо к обеду. Об этом нас с Абди проинформировал куривший у входа парень в огромных черных очках с оторванным, еще не успевшим зажить правым ухом.

Мы зашли в большое помещение, где, отделенные друг от друга деревянными перегородками, сидели служащие банка. Царивший здесь желтый цвет создавал тоскливое настроение. Огромные вентиляторы сверху приятно прохаживались неровными лапами ветра по макушке.

Управляющего филиалом, которого накануне Саид предупредил о нашем посещении, не оказалось на месте. Его молодой, по возрасту похожий на вчерашнего студента, помощник, виновато улыбаясь, долго не выпускал мою руку из своих влажных ладоней, кротко улыбался и напоследок подарил снятый со стены в кабинете начальника отрывной календарь с видами страны и банка.

— Календарь за прошлый год, на этот еще не выпустили, так что не обижайтесь.

— Странно, — подумал я, разглядывая подарок. — Ведь сейчас уже почти сентябрь. — А вслух сказал: «Что вы. Здесь красивые фотографии. А нет ли у вас другой информации для нас? Вчера звонил мой коллега Саид...»

— Вам лучше пойти в центральный офис в Харгейсе, вся информация — у них, — отвечал помощник, озираясь по сторонам.

— Спасибо там я уже побывал.

— У нас еще были значки с названием банка, но они кончились, — бесцеремонно ковыряясь в ящике стола своего шефа, сказал помощник.

— Ничего страшного...

Оставалась надежда, что посещение порта компенсирует неудачу в банке. Наш лэндкрюзер подлетел к самому въезду в порт, перегородженному красно-белым шлагбаумом. Я собирался выйти, но Абди остановил меня жестом: я сам.

Пока он ходил беседовать на КПП, я изучал плакат, установленный на длинном шесте у входа в порт. На нем были изображены перечеркнутые красным всевозможные виды оружия: от «лимонки» до такого чисто сомалийского артефакта, как

хангол — увесистая длинная палка с крючком в форме трости. Сомалийцы используют ее для изготовления изгородей из колючих кустов и ветвей деревьев, оберегающих людей и скотину от хищников. Благодаря *ханголу* руки не касаются колючек и остаются невредимыми. Не случайно в сомалийских сказках то животное, физические возможности которого позволяют строить изгороди, пользуется наивысшим уважением среди других тварей. Обычно таким умением наделен лев — общепризнанный царь зверей.

В городских условиях *хангол* служит верной опорой и весомым аргументом в руках его обладателя. В эстетических целях его нередко покрывают лаком. При точном ударе рукояткой *хангола* можно почти наверняка раскроить оппоненту череп.

Я еще писал напоминание в телефон, что нужно перед отъездом купить *хангол*, когда водитель вернулся.

— Они сказали, что не могут пустить вас.

— Почему?

— У вас нет разрешения от министра.

— От какого министра?!

— Внутренних дел.

Опять этот дурацкий министр! Сколько я от него натерпелся, чтоб ему ни встать, ни сесть. Что же Саид не предупредил?

Я вышел из машины и направился к КПП. Расслабленно сидевший на высоком табурете толстый полицейский на всякий случай привстал и сделал два шага навстречу мне, волоча за собой автомат. Его менее упитанный коллега, сидевший напротив на обычном пластиковом стуле, бросил ковыряться в ухе и с интересом уставился на нас.

— Простите, могу я проехать на территорию порта? — спросил я по-английски.

— Нет. Нельзя, — быстро отвечал толстяк.

— А пройти?

— Тоже нельзя.

— Почему?

— У вас нет разрешения. Это секретный объект.

— Какой же здесь секретный объект? Это же обычный торговый порт. Вот другие же ходят, — я указал ему на двух парней-доходяг, ловко прошмыгнувших под шлагбаумом.

— Они — местные и работают здесь, а вы — иностранец.

— Но... я не совсем иностранец, я из России. Мы помогали сомалийскому народу строить этот порт. Вас еще не было тогда. Вон наши корабли кругом стоят. Наши корабли. Понимаешь?

— И что вы хотите сказать?

— Да так, ничего... просто тут у нас кое-какие вещички остались с прошлых лет. Меня попросили забрать.

Толстяк задумался и что-то спросил у своего коллеги. Тот тоже задумался. Их нерешительность сделала меня дерзким.

— Кто ваш начальник? Передайте ему, что человек из... Советского Союза приехал за оставшимися вещами.

Двое о чем-то посоветовались, и тот, что ковырялся в ухе, куда-то удалился. «Звонить начальству», — подумал я. Ждать подтверждения моей догадки долго не пришлось.

— У нас ничего нет, все, что было, уже давно забрали, — гордясь, что ему удалось так легко от меня отделаться, переводил мне слова своего товарища беседовавший со мной толстяк.

Я отправился назад к машине, сожалея о том, что так и не попал в порт и гордясь тем, что заставил поднять свои задницы двух местных бездельников, ничего не знавших о прежней дружбе наших народов.

— Не стоит переживать, — сказал мне Абди. — Сейчас мы отъедем чуть дальше, оттуда будет прекрасное зрелище, и все можно будет сфотографировать.

Мы проехали вдоль берега до небольшого мыса, откуда и в самом деле открывался дивный вид на порт и залив. Сгнившие, обезображенные ржавчиной трупы кораблей у берега напоминали о тех днях, когда Бербера служила морскими воротами единого государства Сомали. Теперь того, что осталось от прежнего берберского порта, хватало лишь на то, чтобы загружать местных овец и коз на пугающие своей древностью баржи и паромы и переправлять их на заклание в Саудовскую Аравию. Мелкий рогатый скот — основная статья экспорта Сомалиленда. Эти непривередливые пассажиры, конечным пунктом путешествия которых является станция с названием «Смерть», едва ли претендовали на бóльший комфорт. Похоже, что и других, более разумных посетителей порта, не смущает сокрушительная разруха вокруг. Например, эфиопов, для которых сам факт существования такого города, как Бербера, уже является подарком судьбы.

Так уж, видно, положено было на роду берберскому порту — служить интересам других государств. Сначала это была Англия, потом — Советский Союз, который, собственно, и построил глубоководный порт в Бербере, потом — США. Сейчас Бербера — скорее эфиопский, чем сомалилендский порт: после кровавого развода с Эритреей, для Эфиопии, утратившей выход к морю, Бербера стала спасением от вынужденной морской изоляции, а для Сомалиленда — достойной возможностью пополнить бюджет за счет доли от экспортно-импортных операций бывшего врага. Не зря говорит сомалийская пословица: «Если козе суждено умереть, она станет лизать морду леопарда».

Россия давно перестала быть леопардом для бывших друзей и коллег в странах «третьего мира», и потому, быть может, ее граждан не пускают дальше полосатого, цвета окровавленной зебры, шлагбаума. Лишь обладая ловкостью леопарда или хитростью шакала можно преодолеть это нелепое, унижающее гордость прямоходящего существа препятствие. Русский медведь способен только разрушить его, и то — лишь когда придет время. По-видимому, время для разрушения ненужных преград между нашими странами еще не настало...

Оказавшись на пустынном берегу, я не удержался и полез в воду, решив не нарушать установленной мною однажды традиции: куда бы я ни приезжал, везде я отмечался купанием в местном водоеме. К тому же в Бербере, как и предупреждал

Саид, жара стояла чудовищная. Только побывав в Африке, узнаешь, что жара имеет цвет и запах...

Прозрачная лазурная вода, и никого кругом — то, чего мне так не хватало на перенаселенных египетских курортах. Я махнул рукой моим охранникам, чтобы они последовали за мной, но они так и не решились, то ли из целомудрия, то ли по какой-то другой причине. В тот момент я старался не думать о том, что это купание, ставшее единственным светлым пятном за всю поездку, обошлось мне в сто сорок долларов.

— Почему вы не купались со мной? — спросил я, вернувшись на берег, Абди, а через него — и всех остальных. — Отличная вода.

— Нам нельзя. Мы должны охранять вас, — перевел слова старика водитель.

— Так, значит, вы должны быть рядом со мной. В воде всякое может случиться.

Старик не знал, что ответить, и рассмеялся: «Я и плавать-то не умею...»

Я посмотрел на часы. Полтретьего. Самое время выдвигаться назад, в Харгейсу. Но у моих телохранителей, похоже, были другие планы. Когда я попросил Абди ехать, старик доверительно взял меня за руку, а потом широко открыл рот и ткнул туда своим указательным пальцем, едва не коснувшись языка.

— Они хотят есть, — пояснил водитель.

— А вы?

— И я тоже.

Напутствуя меня в дорогу, Саид ничего не говорил об обеде. Но, взглянув на моих спутников, я решил, что накормить их также почитается здесь хэром, добрым обычаем, несоблюдение которого подорвет доверие ко мне моих спутников. Мы бросили якорь в одном из многочисленных ресторанчиков на берегу.

— Ты китаец? — неожиданно спросил меня старик, расправившись с куском рыбы.

— Нет, я из России.

— Россия — это Советский Союз?

— Да.

Старик кивнул.

— Это хорошо. Россия — наш друг. Жаль, что русских нет здесь.

— Вот я приехал.

Старик закивал головой: «Россия — наш друг...»

К моему большому удовольствию, мои попутчики быстро управились с обедом, который обошелся нам вчетвером в восемь с половиной долларов. Я уже перестал бояться отравления и ел наравне со всеми. Мы погрузились в машину и поехали прочь из города.

При выезде из Берберы мой взгляд упал на груду разбросанных камней. Среди них прогуливался поджарый беломордый сомалийский осел с умными, задумчивыми глазами. Я не мог не запечатлеть красавца. С недавних пор фотографирование этих слывущих упрямыми животных стало моим хобби. Каких только ослов не было в моей коллекции: и узбекские, и иранские, и суданские, и, конечно, российские. Почувствовав мой интерес, осел на всякий случай поспешил прочь. Я не стал преследовать его.

— Это кладбище, — пояснил подошедший Абди. — Здесь лежат жертвы гражданской войны.

Я огляделся по сторонам. Показавшиеся мне поначалу бесформенными грудями камни оказались самыми настоящими надгробиями. Все могилы были похожи друг на друга и представляли собой едва заметный холмик, опоясанный несколькими овалами из небольших разбросанных камешков. Над многими захоронениями возвышался небольшой камень, похожий на расплющенный кирпич. Ни имени, ни даты рождения и смерти на камне не значилось.

Вот и сбылось мое нелепое желание — увидеть сомалийское кладбище...

Как гласит поговорка: хочешь узнать традиции народа — побывай на свадьбе и похоронах. Памятуя об этом, еще в Харгейсе я упрашивал Саида притащить меня контрабандой на какую-нибудь местную свадьбу. Саид радостно согласился, но как назло во время моего пребывания в Харгейсе никто не сподобился обзавестись семьей. А я все не унимался: хочу на свадьбу! Видимо, я так надоел Саиду с этой, казавшейся ему бредовой прихотью, что он однажды сказал мне: «Давай сам женись, вот и поймешь на собственной шкуре, какая она, сомалийская свадьба». Знал бы он, несчастный, сколько соли своими словами он, сам того не ведая, высыпал на мою рану, имя которой было Хава. Но я предпочел смолчать, чтобы не раскрыть нашу с ней тайну.

Еще больше Саида смутила моя просьба прокатить меня до ближайшего кладбища.

— Зачем? — спросил он, внимательно наблюдая за моей мимикой, надеясь обнаружить намек на улыбку.

Но я был сама серьезность.

— Саид, у вас родители живы?

— Нет.

— Вот и отлично, — сказал я и тут же заткнулся, сообразив, что сказал оскорбительную нелепость, — ну в смысле ... я хотел сказать, когда вас... вы поедете на кладбище к родителям, возьмите меня.

Саид задумался

— Я, признаться, давно там не был.

— Тем более, — обрадовался я.

— Хорошо, я подумаю.

— А за могилой у вас разве не принято ухаживать?

— А что там ухаживать: камни одни, и все. Ветер сдувает песок, дождь моет камни.

Здесь, на кладбище в Бербере, я вспомнил про этот разговор с Саидом. Наверное, таким и должно быть настоящее мусульманское кладбище. Груда мелких камней по периметру, чтобы раскапывая новую могилу, не потревожить старожиллов, один вертикально поставленный кирпич, и — все. Остальное — не нужно ни мертвым, ни тем более живым. Когда ты можешь погибнуть в расцвете лет от пули, инфекции или от какой-нибудь другой глупости, ты начинаешь по-иному воспринимать смерть и все, что с ней связано. Средняя продолжительность жизни обратно пропорциональна дороговизне и пафосности надгробий. Если тебе отмерено сорок лет на

этом свете, то у тебя не так много времени, чтобы проливать слезы на могилах тех, с кем тебе предстоит очень скоро увидиться. Жизнь в таких странах, как Сомалиленд, слишком коротка, чтобы успеть соскучиться по тем, кто ушел навсегда...

Назад машина несла нас быстрее, чем в сторону Берберы. Единственная остановка в пути возникла вопреки нашей воле: дорогу нам преградил караван верблюдов. Мои телохранители немедленно воспользовались моментом, чтобы освободить свое тело от тяжести, а я с радостью принялся фотографировать одногорбых кораблей пустыни, таких же поджарых и независимых, как сами сомалийцы. Верблюды жевали колючки и не обращали на фотографа никакого внимания.

Верблюд — существо особое в жизни сомалийцев. Это — основное богатство кочевников, в пищу их употребляют крайне редко, только в голодные времена. Верблюды знают об этом и воспринимают такое повышенное внимание к себе как должное. В сомалийском языке известно более десяти слов, обозначающих верблюда. Больше всего из них мне полюбилось быстрозапоминаемое *калин*, что можно было перевести как «молодая верблюдица». Я даже решил прозвать так Хаву, если она, конечно, не будет возражать.

Верблюд для сомалийцев — такая же универсальная валюта, как водка — в России. Им можно заплатить штраф за непредумышленное убийство, конвертировать в него долг, заплатить им выкуп за невесту. Едва только я подумал о брачном выкупе, как меня настигла свирепая мысль. Вдруг родители Хавы потребуют от меня верблюдов в качестве местного аналога калыма, если мы решим с ней пожениться? Я читал, что по традиции сомалийцы платят свадебный дар — *мегер*, предназначенный самой невесте, и собственно выкуп родителям невесты. С *мегером* мы с Хавой как-нибудь договоримся. А вот что делать с выкупом? Моих доходов не хватит даже на то, чтобы купить верблюжье копыто.

— Вы женаты? — спросил я Абди.

— Да. А вы?

— Я нет. А что вы давали в качестве выкупа за невесту?

— Сто верблюдов.

— Сто верблюдов?!

— Шутка. Моя невеста из города, поэтому ее родители согласились взять выкуп деньгами.

— За сто верблюдов?

— Нет, я дал им 1500 долларов. Я небогатый человек, но это большие деньги для сомалийцев.

1500 долларов за невесту. Такие деньги я пожалуй смогу найти...

Пока я считал верблюдов и доллары, впереди замаячили вершины Наса Хаблод.

— Не забудьте, что нам еще надо в Лас-Гиль, — напомнил я Абди.

Машина резко затормозила, дремавший за моей спиной старик встрепенулся и что-то сказал по-сомалийски. Наверное, решил, что уже приехал домой, к жене.

— Уже поздно, — подтверждая свои слова зевотой, отвечал Абди, — там все закрыто. К тому же вас все равно никто не пустит без разрешения министра.

— Какого министра?

— Министра культуры...

Четыре часа двадцать пять минут. Если попытаться счастья, то можно успеть, дать в лапу зрителю и пробежаться по пещерам.

— Сколько времени займет посещение пещер?

— Часа полтора-два. Может, чуть больше.

— А сколько по времени нам осталось ехать до Харгейсы?

— Час, наверное.

Я закрыл лицо руками. Вот так из-за своей глупой беспечности и непредусмотрительности я лишил себя возможности побывать в Лас-Гиле. Верблюжий колодец так и остался для меня миражом в сомалийской саванне. Ряженые на скальных коровы Лас-Гиля стали для меня еще одной жертвой на пути к моей любви. Пусть они, невиденные и неоцененные мною, станут моим выкупом за Хаву...

У порога отеля я крепко пожал руку каждому из членов нашей маленькой экспедиции.

— Если будем нужны, обращайтесь, — перевел слова старика Абди. — Меня зовут Абдирахман Али, а его — Абикар.

— Отлично, вот и познакомились, — улыбнулся я в ответ. — Разве что съездим вместе в Лас-Гиль, но только не как в этот раз.

Но ни водитель, ни телохранители, которым Абди перевел мои слова, не почувствовали упрямый в моих словах укол. Я выдал Абдирахману Али и Абикару предписанные обычаем сорок долларов и поспешил в отель. До встречи оставалось сорок минут...

Давно я с таким удовольствием не освобождался от бороды и усов. Я пел и танцевал перед зеркалом, рискуя пораниться. Мысли о приближающемся свидании не давали проявиться даже намеку на усталость после изнурительной и по большому счету бесполезной поездки.

— Неужели, — думал я, смывая пену для бритья с лица, — через полчаса мы будем сидеть друг напротив друга и говорить, как мы счастливы? Или просто возьмемся за руки и будем молча любоваться друг другом?.. Может быть, зря я все это сбрил? Тогда, в Казани, на мне, кажется, была трехдневная щетина. Ладно, что сделано — то сделано. Я окропил затылок сладким парфюмом и полез в шкаф за чемоданом. Дождался-таки своего часа фарфоровый красноармеец из домашнего серванта — мой подарок Хаве. Занятый подготовкой к поездке, я лишь в самый последний день вспомнил о сувенире.

— Привези ей буденновца, — сказала мама. — Он все равно у нас место занимает, а для Сомали — диковинка.

Когда я освободил от бумаги и скотча свой подарок, оказалось, что у сурового фарфорового красноармейца из домашнего серванта откололся кончик буденовки — тот самый, который в народе называют умоотводом. Я заглянул внутрь бойца и обнаружил там издохшего муравья. Не знал, что в красноармейцах живут муравьи. Или, может, так выглядит душа фарфорового человечка? Но почему тогда она так бездарно умерла, когда звонкое тело борца за революцию осталось целым?..

Уже по дороге я решил, что выдам образовавшийся дефект за творческий замысел художника: дырка в голове красноармейца предназначена для ароматических палочек. От этой мысли я пришел в настоящий восторг: теперь мой подарок был не

просто безмолвным истуканом для серванта, которого у Хавы все равно нет, а верным помощником в таком наслаждении как ароматерапия. Ай да Беккин! В любой ситуации найдешь выход!..

В обычные дни путь от отеля до рынка занимал минут двадцать пять. Обитатели шалашей дивились: почему китаец не ездит на такси? Дело здесь, конечно, было не только в экономии. Каждая такая прогулка дарила мне надежду на встречу с Хавой. Я рассуждал, что даже если не столкнусь с ней на улице, то, вероятно, могу познакомиться с ее знакомых, которые расскажут ей, что видели на улице странного пришельца. Поэтому я старался не спешить, въезжаясь взглядом в лица встречавшихся на пути девушек. Впрочем, я, кажется, уже говорил об этом...

В тот вечер все было по-иному. Я шел своей обычной дорогой, не обращая внимания на ставшие привычными улыбки местных обольстительниц и однообразные, как жизнь в Сомалиленде, приветствия мужчин. Наверное, поэтому весь путь, не отягченный пустыми разговорами, занял у меня не более пятнадцати минут. Чтобы как-то заполнить остававшееся время, я зашел в книжный магазин, располагавшийся неподалеку от отеля — между салоном сотовой связи и чайной.

Это был единственный полноценный книжный магазин в городе. Назывался он незатейливо: «Books». Были еще несколько торговцев на базаре, предлагавших преимущественно религиозную литературу на сомалийском, английском и арабском языках, и пара магазинчиков, торговавших кассетами, где можно было отыскать отпечатанные на ротапринтере брошюры по исламу.

Большая часть книг в «Books» была на английском и посвящена Сомали. Изданы они были в основном в Англии, откуда их в единственном экземпляре привезли заезжие путешественники с Запада. Пару дней назад я подарил владельцу магазина — Ахмеду — свою книгу «Каникулы Кроша», которую взял с собой в дорогу и успел дочитать еще в аэропорту Джибути, когда ждал свой самолет.

Я рассказал Ахмеду, что у меня есть знакомая в Харгейсе. Ее зовут Хава. К моей радости, Ахмед отвечал, что, возможно, знает ее, она иногда заходит в его магазин. — Если я увижу ее, я скажу, что ты ее ищешь, — пообещал он.

Когда я вошел в магазин, Ахмед грустно развел руками: «Пока не заходила».

— Спасибо, Ахмед, я уже сам нашел ее.

— Поздравляю! — сдержанно отвечал Ахмед.

Я подошел к полкам с книгами. «Каникул Кроша» среди них не оказалось.

— Прости, а где та книжка, что я приносил тебе в прошлый раз? — спросил я Ахмеда.

— Ее купили. Один пожилой мужчина с усами.

— В бейсболке с надписью: СССР? — аббревиатуру «СССР» я произнес по-английски: «Си-Си-Си-Пи».

— Да, в красной такой.

Надо же, как неудобно получилось...

Ровно в семь я вновь был у главного входа в «Ориентал». Я оглянулся по сторонам, но не обнаружил никого отдаленно напоминавшего Хаву. Удобное место для встреч. По крайней мере, ни у кого не возникнет вопросов, что я здесь делаю. Живу в отеле, вышел подышать воздухом.

Прошло десять минут. Чтобы не стоять на месте, я сделал несколько кругов вокруг отеля... Надо позвонить Хава. Может, я что-то напутал.

Гудки! Ну, слава Богу! После долгого ожидания телефон что-то пробормотал сомалийски. У нас в таких случаях говорят: «Извините, абонент не отвечает».

— Ничего, — решил я, — может, не слышит, прихорашивается где-нибудь в соседнем кафе перед зеркалом. Волнуется, наверное. Не каждый день гости из Москвы приезжают!

Я подождал пару минут и снова набрал Хаву. Один, два, три четыре. Сброс. Что такое?..

Не помню точно, сколько еще кругов я сделал вокруг «Ориентала». Во время одного из таких обходов мне показалось, что вдалеке со стороны рынка приближается она. Счастливая улыбка влюбленного, добившегося наконец своего, неслась впереди меня. Но прежде чем я успел понять, Хава это была или не Хава, женская фигурка юркнула в сторону и исчезла в дверях чайной. Я набрал номер в третий раз, но вместо гудков услышал знакомую фразу, которая терзала меня все предыдущие дни. Еще звонок — и та же фраза. Еще звонок...

Я бросился в чайную, за дверью которой исчезла девушка. Среди посетителей чайной Хавы или девушки, похожей на нее, не оказалось. Одни мужики. Что за чертовщина!

Я почувствовал себя белкой из сомалийской сказки.

Однажды голодный лев проглотил белку, и та стала царапаться, требуя выпустить ее наружу. Лев и сам вскоре осознал свою ошибку и поочередно предлагал белке покинуть его тело через рот, нос и зданий проход. Но белка всякий раз отказывала ему, ссылаясь на то, что во рту у царя зверей слюни, в носу — сопли, а в зад — и так понятно, что. Не дождавшись новых предложений от льва, белка разгрызла ему желудок. Хищник издох в муках, а счастливая белка исполнила песню о том, как маленький зверь одолел большого.

Сейчас я был, как эта белка. Я оказался в желудке у льва. Вырваться отсюда я мог, только разорвав оковы, в которые я сам попал благодаря своей недалёковидности. До льва мне уже не было никакого дела...

Вот кто-то звонит! Саид.

— Ты уже вернулся? Как дела? Почему не позвонил?

— Ой, простите, забыл. Все окей, — скороговоркой ответил я.

— Ты в отеле? Я могу заехать сейчас?

— Я?.. В отеле... То есть нет, не в отеле.

— Что? Ты в городе?! Я сейчас приеду за тобой.

— Не надо! Все в порядке.

— Ты где?

— У «Ориентала».

— Жди, буду через десять минут. Стой у входа и никуда не уходи!

Боже мой! Какой же я идиот! Что стоило мне сказать, что я дома в кровати?..

Через десять минут он будет здесь. Хава, где же ты?!

Я принялся обходить здание с другой стороны, как будто это способно было что-то изменить. Телефон Хавы отплевывался от меня ненавистой фразой. Бросив трубку на дно кармана, я отправился на рынок к палаткам торговцев *катом*. Взял, не торгуясь, средних размеров пучок за два доллара и принял демонстративно жевать горькие листья, выплевывая со слюной всю горечь своего обидного поражения. За этим занятием меня и застал Саид.

— Что случилось? Почему ты здесь? Они не довели тебя до дома?

— Нет, просто захотел прогуляться.

— Я же просил тебя не ходить одному, я отвечаю за тебя, пока ты здесь.

— Спасибо, но сейчас еще не поздно.

— Ты ужинал?

— Нет, разве что этим, — сказал я и швырнул в сторону недожеванный пучок ката.

— Поехали перекусим. Я угощаю.

Еще несколько раз за тот вечер я отлучался «в туалет» и нервно набирал номер Хавы. Я не оставил своих попыток до поздней ночи, или, точнее, раннего утра, — пока не уснул, сбитый с ног усталостью и безысходностью. Сквозь сон я слышал, как телефон Хавы оживал, и она наконец отвечала на мой звонок. Свихнувшись от счастья, я пытался радостно прокричать ей что-то в ответ, но вместо собственного голоса слышал рев разъяренного медведя.

— Что?! Не слышу, повтори, — говорила Хава и вешала трубку.

Так продолжалось несколько раз: я дозванивался до нее, но всякий раз мой голос предавал меня.

Проснулся я от того, что кто-то тихо, но настойчиво постучал в дверь. На пороге стоял портье.

— Извините за беспокойство. К вам пришла какая-то женщина. Она ждет вас внизу.

Забыв обо всем, я устремился вниз. Глотая слюну, перепрыгивая ступеньки, поправляя прическу, не думая о том, что скажу и что услышу в ответ от той, которую накануне я готов был разорвать на куски.

Около ресепшн пусто, я бросился на улицу — никого.

— Эй, мистер, она здесь, — портье указал мне налево, где был маленький холл с телевизором. Когда я влетел туда, навстречу мне поднялась совсем юная, невысокая сомалийка с открытым лицом, в очках в красивой тонкой оправе, одетая в голубое с белыми прожилками платье.

— Но это же не Хава, — произнес я вслух по-русски.

— Простите, что вы сказали? — спросила девушка.

— Нет, ничего... Вы ко мне?

— Да. Здравствуйте, я корреспондент местной газеты «Сомалиленд Таймс». Хотела взять у вас интервью как у первого русского, побывавшего в Сомалиленде.

— О нет, только не сегодня, — сказал я. — Оставьте свой номер на ресепшн, я вам позвоню.

В тот день я проспал до обеда, чего никогда не случалось со мной ранее...

ЗЕБРА

«Каждый пьет молоко той скотины, за которой ухаживает»
(Сомалийская пословица)

Саид все-таки заставил меня встретиться с той журналистской из «Сомалиленд Таймс».

— Так нехорошо, — назидательно сказал он. — Девушкам отказывать нельзя. Тем более это первое ее задание в редакции. Ты же сам работал журналистом, знаешь, что такое первое интервью. Потом, к нам не каждый день приезжают люди из России. Ученые. Это важно не только для тебя и меня, это важно для наших стран.

— Ну, разве что для стран, — отвечал я, почесывая живот. Мне было приятно, что Саид назвал меня ученым.

К моей радости, интервью оказалось недолгим. Дебютантка заметно волновалась и постоянно заглядывала в блокнот. У нее были красивые живые глаза, карие — с покрасневшими белками, ухоженные руки с тонкими пальцами и новый диктофон «Олимпус». Голубое платье сменило фиолетовое.

— С какой целью вы приехали в Сомалиленд? — спросила она и приготовилась делать заметки в своем блокноте.

Я задумался. Этот банальный, в сущности, вопрос, который только и могла задать начинающая журналистка, заставил меня погрузиться в непростые размышления. Сказать правду?.. Избави Бог! Нашел с кем откровенничать... Или все-таки сказать?.. Пусть потом прочтет или ей передадут, что я приехал сюда ради нее, дурочки. Ведь другого способа достучаться до Хавы у меня нет и, кажется, уже не будет... Но, с другой стороны, газету прочтет не только она, но еще и Саид. Что скажет он? «Хорош, — скажет, — я с ним столько возился, а он к бабе приехал».

— Я что-то не то спросила? — заволновалась дебютантка, испуганная моим затянувшимся молчанием.

— Нет, простите, это я так — задумался. Бывает, знаете ли, со мной такое... Я здесь с научными целями. Приехал изучать особенности местной системы денежных переводов — *хавали*.

— Здорово. И удалось вам достигнуть цели своей командировки?

— Думаю, да.

— Что вам удалось узнать про *хавалю*?

— То, что это больше, чем просто обычная система денежных переводов.

— А что в России знают про Сомалиленд?

— Боюсь обидеть вас, но почти ничего.

— Как же вы сами узнали о нашей стране?

— Так получилось. Долгая история. Тут целый роман можно написать.

— Вы пишете романы? — оторвалась от блокнотика дебютантка.

— Нет, но после поездки в Сомалиленд у меня появился хороший повод.

Девушка, не оценив шутки, продолжала скользить глазами по блокнотику, где были записаны длинные сомалийские слова.

— Что вам больше всего понравилось в Сомалиленде?

— Красота местных девушек.

На этот раз она засмеялась, хотя я и не думал шутить.

— Тогда что вам больше всего не понравилось?

— Непостоянство местных девушек.

Дебютантка замолчала. Похоже, что два моих последних ответа не согласовывались с теми вопросами, которые были обозначены у нее в блокнотике.

— Вы еще приедете сюда? — наконец выдавила она из себя, пробежав глазами по своему списку.

— Сложно сказать... Вы от себя или от газеты интересуетесь?

— И от газеты и от себя, — сказала она чуть слышно, сжавшись в комочек.

Прощаясь, она попросила мой электронный адрес.

— Я могу вам писать, если у меня будут вопросы? Ой, извините, забыла представиться. Меня зовут Амина.

— Конечно. Пишите...

Это была последняя деловая встреча в Сомалиленде. После моего бесславного возвращения из Берберы оставшиеся дни в Харгейсе прошли невероятно быстро и незаметно. От моего бюджета остались одни бесстыдные крохи, так что о поездке в Лас-Гиль не стоило и помышлять. Просить Саида прокатить меня до неолитических «коровок» было бы с моей стороны настоящим свинством. Мы досрочно выполнили программу моей «командировки», и теперь оба имели полное право на «выходные».

— Вы больше не боитесь оставлять меня одного? — спросил я однажды Саида.

— Нет, ты здесь почти свой стал, — отвечал Саид. — Только все равно не ходи по ночам.

— Хорошо, не буду.

Мне уже не было нужды, таясь от Саида в зловонной уборной какого-нибудь ресторанчика, набирать номер Хавы. Я мог делать это открыто — и утром, и днем, и вечером. Но каждый день я все реже и реже пытался дозвониться до нее. Мне вдруг стало казаться, что вся история с Хавой с начала и до конца была придумана мною как шаманский заговор от скуки и снадобье от хандры, — подобно тому, как некоторые родители неумело высасывают из пальца нелепую назидательную сказку с беспомощным сюжетом, чтобы успокоить нежелающих уснуть детей.

В нашей истории с Хавой смысла было не больше, чем в том фарфоровом красноармейце с душой муравья, которого я привез ей в подарок. Я решил отдать буденновца Саиду. Не везти же его назад!

Схватив красноармейца, Саид крепко сжал его в своих ладонях.

— Спасибо, спасибо, дорогой! — бормотал он. — Это тебе Хандуле подсказал?

— Нет, а что он должен был мне подсказать? — изумился я.

— У меня, когда мы в Союзе жили, точно такой же был. Одна девушка подарила, которую я сильно любил. А потом он разбился. Случайно. Хандуле приехал в гости и смахнул его рукой на пол. И вот теперь ты привез его. Точно такого же, у него даже кончик буденовки был отколот, — Саид не выдержал и разрыдался...

Оставалось надеяться, что с сувенирами для Москвы я также не прогадаю, как с красноармейцем. Для Хандуле я приготовил большой глиняный колокольчик, которые вешают на шею верблюдам, чтобы они не заблудились. Говорят, у каждого верблюда в Сомали колокольчик — с особым звуком. С помощью колокольчика можно отыскать своего родного верблюда или верблюдицу в толпе многочисленных сородичей или даже в голой пустыне, если животное сбежало. Пальцеву я купил лакированный *хангол* с набалдашником в виде головы леопарда, маме — национальную рубашку с флагом Сомалиленда, а Леньке за помощь и участие — пепельницу из песчаника. Он, правда, и не курил никогда, только пил, но пепельница — вещь, необходимая в доме. Там можно держать кнопки или пятикопеечные монеты...

Вручение красноармейца Саиду состоялось за прощальным обедом, перетекшим в ужин. Речей не произносили. Я коротко поблагодарил его, а он сказал мне, что я непременно должен приехать еще, и тогда он поселит меня на вилле, как Олафа. Потом Саид уехал по своим делам.

— Не гуляй долго, а то проспишь, — сказал он мне. — Завтра приеду за тобой в восемь утра, и мы поедем в аэропорт...

Я прогулялся по рынку, посидел на берегу *туга*, наблюдая то за бандой псов, деливших дневную добычу на том берегу в тени дерева, то за джипами, перевозившими через мост обитателей вилл домой, где их ждал кондиционер и чашечка сомалийского чая. Или что-нибудь покрепче.

— А не зайти ли мне самому куда-нибудь попить чаю? — подумал я и поднялся с места. Я знал одну чайную у рынка. Мы заходили туда как-то с Саидом. Вроде даже не отравились.

Я выбрал столик в углу, чтобы не привлекать к себе внимания посетителей, и заказал чай.

— Something else? — спросил меня мальчишка-официант.

— No, — сказал я и не смог сдержать улыбку, вспомнив несчастного Гопала из дубайского отеля «Литтл Тадж Махал» с его слащавым «something else».

Попробовав чая с молоком и пряностями, я подумал, что все на самом деле не так уж плохо.

Я съездил в экзотическую страну, где мало кто бывал. Познакомился с хорошими людьми. Узнал наконец, как работает эта странная *хавалья* и, что тоже немало важно, помог профессору в его исследованиях... Вся история с Хавой не казалась мне больше трагедией. Мне было неприятно, больно, в особенности от того, сколько унижений мне пришлось пережить, сколько приятелей потерять, чтобы добыть деньги на поездку. И наконец, это отравление в первый день... Хорошо все-таки, что я не рассказал обо всей этой глупости Саиду. Вот он бы посмеялся надо мной... Но все это теперь было позади. Впереди была Москва. Но сначала Джибути и Дубай — к счастью, только транзитом... Если попробовать докопаться до сути, то я вообще мог тогда не поехать в Казань. Не пойти на эту улицу... Сафьян... И вообще, я имел все шансы не получить деньги и, стало быть, не приехать сюда. Но все-таки я здесь. Значит, кому-то это все-таки было нужно. Вот только вопрос: кому?..

Пока я пил чай и занимался самокопанием, народу вокруг прибавилось. Уже через полчаса после моего прихода все столики оказались заняты галдящим веселым

народом, попивавшим чай или колу и утолявшим голод ненавистными мне макаронами с козлятиной. Многие приходившие в кафе косились в сторону моего столика, но никто так и не решился разбавить мое одиночество. Самое время уходить!

Я попросил счет у официанта. В это время в чайную буквально ворвалась компания из трех девушек. Шум, сопровождавший их прибытие, заставил меня остановиться на них взгляд. Лицо одной из них показалось мне невероятно похожим на лицо Хавы.

Не может быть!

— Хава! — крикнул я через весь зал.

Она обернулась и испуганно стала озираться по сторонам полутемной чайной, словно преступник, которого застали на месте преступления.

— Хава, — повторил я уже не так громко, пробираясь к ней между рядами пластиковых стульев.

— А, это ты, — сказала Хава, приняв спокойный вид. — Ты опять испугал меня. Как в тот раз. Сказав это, она как-то неестественно рассмеялась. Как пьяная. Но она не была пьяна.

— Чем же? Я такой страшный?

— Нет, не говори глупостей. Что ты тут делаешь?

— Всего лишь пью чай. А ты?

— Я... я тоже зашла... с подружками.

— Да, я вижу. Куда ты пропала?

— Я никуда не пропадала, — бесстрастно отвечала она. — Я была здесь в Харгейсе.

— Я звонил тебе.

— Да?.. Я была немного занята.

— Но как... Мы же... я же приехал сюда ради тебя.

— Да?.. — произнесла она безразлично. — Прости, я не знала. Я думала из твоих SMSок и писем, что ты едешь в командировку.

— Командировка была лишь поводом. Как же ты этого не понимаешь!

Она снова засмеялась.

— Тебе не кажется, что мы с тобой с самого начала не понимали друг друга?

— Я так не думаю... Я завтра уезжаю. Утром.

— Да? — задумчиво произнесла она. — Тогда счастливого пути тебе.

— Как? И это все?

— Ну да. А что ты еще хотел?

— Не знаю, — я и в самом деле не знал, чего я хотел в тот момент: расцеловать ее или дать полную разочарования и горечи пощечину за все, что мне пришлось испытать.

— Меня ждут. Счастливого пути тебе, Ренат, — она повернулась и, не дожидаясь моего ответа, исчезла за занавеской, где, видимо, находилось еще одно помещение.

Я бросился за ней, но на пути у меня образовался высоченный, даже по сомалийским меркам, качок в красной футболке.

— No entrance, mister. It is for ladies only¹.

Я вернулся за свой столик. Появился официант со счетом.

— Нравится? — спросил он по-английски.

— Кто?

— Эта девушка.

— Нравится... А тебе что за дело? — резко ответил я.

— Не переживай, — понимающе улыбнулся официант. — Она не одному тебе говору вскружила. Я хорошо ее знаю. Она часто бывает у нас. За занавеской.

— И что она там делает?

— То же, что и все. Жует *кат*. Сюда приходят те, кто не хочет делать это прилюдно. Здесь, за занавеской, комната для женщин. А вот там, — он указал в противоположный угол чайной, — там тоже есть комната, но для мужчин. У нас бывает много женщин. Красивых. Может, тебя интересуют другие женщины? Скажи только, какие? Я помогу тебе перестать быть грустным.

— Нет, не надо! Так Хава что... Она...

— Не кричи так, пожалуйста. Нет, она не продает себя. Она гордая и богатая. У ее родителей есть деньги. Она просто испорченная девчонка. Знаешь ее прозвище? Ее зовут здесь все Зебра.

— Почему Зебра?

— У нее то черная, то белая полоса по жизни. То она добрая, то злая. Она сама выбирает тех, с кем общаться. Сомалийские мужчины этого не любят. Многие хотели покорить ее. Но никому еще не удалось. Поговаривают, что она встречается с одним богатым пиратом из Пунтленда. У него вилла под Харгейсой. Денег столько, что ни тебе, ни мне за всю жизнь столько не заработать. Но ты не грусти! Кроме Хавы, есть много хороших женщин. Хочешь, я проведу тебя в служебную комнату, и ты увидишь тех, кто сидит там, за занавеской? Если ты, конечно, пообещаешь мне бакшиш.

— Нет не надо, — я заплатил за чай и, опустив глаза, — мне казалось, что вся чайная в тот момент погрузилась в тишину и уставилась на меня, — поспешно выскочил на улицу...

Жизнь в Сомалиленде имеет другую скорость, и, чтобы все успеть, нужно провести здесь не один месяц, а может быть, даже год. Когда я по прилете сообщил Саиду, что приехал на девять дней, он расхохотался мне в лицо.

— Это ничтожно мало. Оскорбительно мало.

Но несмотря на свой скептицизм, Саид сделал все, чтобы я уехал из Харгейсы не с пустыми руками. Меньше чем за несколько часов до вылета произошло чудо: у меня на руках были бланки на открытие счетов в «Дахабшиле» и «Экономическая статистика по Сомалиленду за 2004 год», получения которых я добивался все время пока находился в стране!

¹ Нельзя входить, мистер! Это вход только для женщин (англ.).

Довольный, я перелистывал эту книжицу в аэропорту, дожидаясь своего самолета на Джибути.

Багаж в аэропорту проверяли старинным дедовским способом: попросили открыть чемодан, и представитель службы безопасности — лысый толстяк, — нежно пережевывая *кат*, меланхолично ковырялся в моих вещах. Рамки металлоискателя стояли то ли для красоты, то ли для устрашения. Вдруг что-то привлекло внимание лысого. Он окаменел и вслед за тем нежно извлек из чемодана большим, указательным и средним пальцем мои красные трусы, покоившиеся между рубашкой и футболкой.

— Это ваше? — спросил он сурово.

— Да, а что? — недоуменно спросил я. Мне не было известно такое преступление, как провоз через границу нижнего белья.

— Я всегда мечтал о таких трусах, — сказал полицейский. — Подари мне их, ради Аллаха!

— Черт с тобой, бери, — сказал я по-русски и махнул рукой.

Полицейский одобрительно похлопал меня по плечу и ушел куда-то — то ли при мерять обновку, то ли напрямик к жене — по крайней мере, больше я его не видел...

Вылет моего самолета был назначен на 15.30.

Я посмотрел на часы. 15.00. Полчаса до вылета. Никакого движения.

15.30. То же самое. Все продолжают жевать *кат*.

Я подошел к сотруднику аэропорта: «Когда вылет в Джибути?»

— В 16.00 будет объявлена посадка. Ждите.

В 16.05 прилетел древний ИЛ-18. Из него неторопливо выгружались пассажиры.

И тут я вижу, как мой чемодан, придавленный челночными сумками сомалийцев, едет на тележке к этой развалине.

Любопытно, когда же мы полетим? Он же только что приземлился.

Но как только последний пассажир слез с трапа, толпа, дожевав остатки *ката*, устремились к воротам, преграждавшим путь на взлетную полосу. Несколько раз я отчетливо слышал слово «Бурао», сопровождаемое возмущенными возгласами. Бурао — это такой город на востоке Сомалиленда.

Я бросился к офицеру, стоявшему у ворот: «Мистер, куда полетит этот самолет?»

— А вам куда надо?

— Мне? В Джибути.

— Тогда ждите. Этот самолет сейчас полетит в Бурао.

— То есть как это в Бурао?! Туда же повезли мой багаж! Я своими глазами видел!

— Не волнуйтесь, ваш багаж прилетит обратно. Сейчас этот самолет слетает в Бурао, вернется, заберет вас и других пассажиров и полетит в Джибути.

— Но почему? Ведь он должен был лететь в Джибути. Он уже и так опаздывает.

— Я знаю, что он опаздывает, — невозмутимо отвечал офицер, — но нам не хватает самолетов. Тут появились люди, которым срочно надо в Бурао. Он отвезет их и вернется. Не волнуйтесь. Это совсем рядом.

Сердитые вопли из толпы становились все слышнее. Видимо, не одному мне нетерпелось опасть в Джибути. Я мысленно попрощался со своим чемоданчиком. Слава Богу, хватило ума положить все нужные бумаги в рюкзак. Прощай мамии-

на рубашка и колокольчик для Хандуле. В руках моих оставался лишь *хангол* для Пальцева.

Прошло некоторое время, и ворота открыли.

— В Джибути? — неуверенно спросил я офицера, указывая, на самолет, где должен был находиться мой багаж.

— Да, в Джибути, — отвечал он, не моргнув глазом.

— В Джибути? — переспросил я аппетитную эфиопку-стюардессу.

— В Джибути.

Успокоившись, я сел, как и полагается, в первое приглянувшееся кресло.

Только бы не было как в тот раз. И так дышать нечем. Закрыв глаза, я вскоре задремал. Пробудился я от шума, поднятого опустившимся в кресло рядом со мной человеком.

— Мохаммед! О нет!

— Ну, как тебе понравилось в Сомалиленде?

— Супер!

— Я видел тебя в Харгейсе. Ты очень понравился моей сестре. В следующий раз я обязательно вас познакомлю.

Я ничего не ответил...

Вечером, в Москве, распаковав вещи из чудом долетевшего вместе со мной до Москвы чемодана и вздремнув пару часов, я позвонил Пальцеву.

— Алло, будьте добры Николая Платоновича.

— ... А кто его спрашивает?

— Ренат.

— Ренат? Что-то не знаю таких... Вы его друг?

— Да, то есть нет. Я — аспирант... Будущий...

Договорить мне не дали. Вместо ответа на том конце провода положили трубку.

Немного погодя я позвонил снова. Потом еще. Трубка молчала. Да что же это такое! Никто не желает со мной по телефону разговаривать! Даже Пальцев. Надо сходить к врачу. Или мулле. Чертовщина какая-то в самом деле!

Я хорошо помнил, что Пальцев, когда мы созванивались с ним перед отъездом, просил не тянуть с отчетностью по командировке и сразу принести ему авиабилеты и другие документы. На следующий день с утра я отправился в Институт африканистики, прихватив сувенир — *хангол* с головой леопарда, отвоеванный мною у службы безопасности аэропорта. В Дубае мне пришлось отдать его на время полета стюардессе, иначе меня бы просто не пустили в самолет.

В отделе кадров полнотелая тетушка сидела спиной к двери и играла на компьютере в «косынку».

— Здравствуйте, — я кашлянул.

— Привет, — отвечала тетушка, не отрываясь от игры.

— Меня зовут Ренат Беккин. У вас можно узнать, где найти профессора Пальцева? Тетушка прекратила играть.

— На Кунцевском он, кажется, — кротко произнесла она и обратила ко мне свое овальное с красноватым носом лицо.

— На каком Кунцевском?

— На кладбище.

— Вы шутите?

— Вы, что, молодой человек, с луны упали? Убили вашего Пальцева, еще на прошлой неделе.

— Кто убил?!

— Да аспирант наш, Семенов, зарезал среди бела дня. Вот я, вместо того чтобы в отпуск заслуженный идти, сижу сейчас с его бумагами. Порев приказал.

— Зарезал?! За что?!

— А Бог его знает. Из-за чего люди режут друг друга: из-за любви, или денег, или по слабости характера. А вы по какому вопросу его искали?

— Я по гранту. Я вернулся только. Хотел бумаги отдать.

— А-а. Тогда вам в бухгалтерию. Ступайте, голубчик. На второй этаж. Рядом с кабинетом Порева.

Меньше всего я тогда хотел видеть Порева, но у самых дверей бухгалтерии я чуть не сбил его с ног. От директора все так же пахло водкой и мокрыми шишками. Я извинился, и хотел прошмыгнуть мимо.

— А-а, молодой человек! — раскинув руки, вскричал Порев. — Вы ко мне? Очень, очень кстати! У меня для вас хорошая новость: у нас появилась вакансия. Видите, недолго ждать пришлось.

— Да, я знаю, но я, наверное, откажусь.

— Почему же? — Порев склонил голову набок и посмотрел на меня как на шута.

— Не хочу.

— Не хотите? Ну, как знаете... Кстати, тот человек, чье место освободилось, очень просил за вас... когда жив еще был. Профессор Пальцев, царствие ему небесное.

— Вы серьезно?

— Более чем. Так что думайте. Вы сейчас где-то работаете?

— Нет...

— Вот и отлично, вы подумайте и приходите. Он очень хвалил вас. Пальцев наш. Хлопотал. Он ведь можно сказать из-за вас погиб.

— Из-за меня?!

— Вы разве не знаете, из-за чего его убили?

— Н-нет. Я только вчера приехал.

— Семенов, этот сукин сын, осерчал на него, что он деньги по гранту ему не дал, да и пырнул заточкой. Прямо на скамейке, здесь у пруда, где Пальцев все время любил сидеть, кефир пить из своей советской бутылки. Представляете, он покупал обычный кефир, наливал его в эту бутылку, которую носил в дипломате, и пил. Забавный человек... Как, кстати, там, в Сомалиленде?

— Ничего...

— А что это у вас за тросточка такая в руках?

— Это *хангол*. Я Пальцеву привез.

— Замечательная вещица. Можно посмотреть?

— Возьмите его себе. Мне этот *хангол* все равно не нужен.

— Пальцеву, к сожалению, тоже, — сказал Порев и, громко заржав, принялся вертеть в руках подарок...

Та самая скамейка, на которой состоялась наше знакомство с профессором, была пуста. Я придирчиво осмотрел саму скамейку и пространство вокруг нее. Все, что я нашел, это маленький осколок стекла — быть может, от той бутылки, из которой пил кефир Пальцев. Я завернул стекло в носовой платок, сунул его в карман и уселся на скамейку.

Мое сердце отказывалось принять то, что произошло здесь несколько дней назад.

Что за глупость... Этот Семенов... Как такое вообще могло случиться?!. Неужели и в самом деле все из-за этой проклятой командировки... Из-за гранта... Он неспроста это сказал, этот сукин сын Порев... Он, конечно, гад, но он прав. Пальцев мог остаться в живых, если бы не моя командировка. Это факт... Я считал встречу с профессором своим счастливым лотерейным билетом. Для Пальцева наше знакомство оказалось роковым. Впрочем, и мне самому не принесла счастья эта поездка... Бедный Пальцев стал жертвой моей безумной затее с Хавой... Там, в чайной, я утешал себя тем, что помог профессору в его исследованиях. Кому теперь нужны все привезенные мною материалы?... Неужели вся эта история, закрутившаяся на безлюдной улочке в Казани, была придумана там, на небесах, лишь для того, чтобы какой-то убудок среди бела дня прикончил пожилого человека в самом центре Москвы?..

В такие отчаянные минуты не хочется никого видеть и слышать. Но телефон с незнакомым номером звонил уже третий раз.

— Добрый день, Ренат. Узнаете? Это Женя. Мы летели с вами до Дубая.

— Конечно, Женя. Вы уже вернулись?

— Да, я в Москве сейчас.

— Ну как, нашли свою царицу?

— Не поверите: нашел. Зовут ее Халида. Ей семнадцать лет. Красавица.

— Да вы что!

— Вот прилетел с ней, с родителями знакомить. На следующей неделе свадьба. Хотел вас пригласить. Вы ведь верили, что я найду ее. Так что, придете?

Я отвечал, что обязательно приду...

В тот же вечер я сел на поезд и уехал в Казань. Зачем? По правде сказать, не знаю. Наверное, развеять хандру...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Недавно, перебирая книги, привезенные из Сомалиленда, я нашел в одной из них высохший листок *ката*. Я бросил его в стакан и терпеливо ждал, когда он превратится в противную темно-зеленую кашицу. Потом выковырял его чайной ложкой и положил в рот. Я вспомнил Хаву, ее испуганные глаза во время нашей последней встречи и громко засмеялся.

Правы сомалийцы: «Вспоминать ушедшую любовь — все равно что жевать прошлогодний *кат*».

Беседа птиц

АФРИКА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

Наталья Хмелевская*

Сердце Африки пенья полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

(Гумилев Н.С. «Нигер»)

«О Гумилеве нельзя говорить без волнения. Еще придет время, когда Россия будет им гордиться. Читая его, понимаешь между прочим, что стихотворение не может быть просто «настроением», «лирическим нечто», подбором случайных образов, туманом и тупиком. Стихотворенье должно быть прежде всего интересным. В нем должна быть своя завязка, своя развязка. Читатель должен с любопытством начать и с волнением окончить. О лирическом переживании, о пустяке необходимо рассказать так же увлекательно, как о путешествии в Африку...» — так писал о Гумилеве В.В. Набоков.

Африка в жизни Гумилева — слишком большая тема. В одной статье невозможно охватить все африканское творчество поэта.

Любовь к Африке Гумилев пронес через всю свою удивительную жизнь. Мечта поэта посетить Африку — это не только любовь к путешествиям в экзотические, мало известные земли. Вероятно также, стремление поэта Гумилева попасть в Эфиопию связано с именем А.С. Пушкина, прадед которого был сыном одного из правителей северных районов Эфиопии. В России он известен под именем Абрам Петрович Ганнибал. Возможно, Гумилеву хотелось ступить на землю предка Пушкина.

Мечты об Африке наиболее четко проявились в 1907 году, когда в Париже, поступив в Сорбонну, поэт часто ходил в зоологический сад, в котором жили будущие герои его стихотворений: жираф, носорог, крокодилы, гиены. Мечта посетить Африку крепла. Ведь для Гумилева Африка была «отражением рая». И впервые он побывал в Африке в том же году, но только в Египте, посетив каирский сад «Эзбекие». В письме к В.Я. Брюсову из Парижа 21 июля (3 авг. — по новому стилю) 1907 года Гумилев пишет, что по дороге в Париж он неделю прожил в Константинополе, затем в Смирне,

* Наталья Александровна Хмелевская (р. 1937) — библиограф Информационно-библиографического отдела РНБ.

в Марселе и 20 июля (2 авг.), «не знаю зачем», очутился в Париже. Далее Гумилев пишет весьма загадочно: «В жизни бывают периоды, когда утрачивается сознание последовательности и цели, когда невозможно представить своего “завтра” и когда все кажется странным, пожалуй, даже утомительным сном. Все последнее время я находился как раз в этом периоде».

В книге «Труды и дни Н.С. Гумилева», составленной П.Н. Лукницким, можно прочесть, что в июне — начале июля 1907 года Гумилев отправляется в Севастополь, где отдыхала семья Горенко. Анна Горенко (Ахматова) была больна свинкой, что делало ее раздражительной, и целых две недели они ссорятся. Во время одной из ссор происходит неожиданный и унижительный для Гумилева разрыв, и он уезжает на пароходе «Олег» в Константинополь, затем в Смирну, затем в Каир, где в городском саду «Эзбекие» попытался покончить с собой, но испытал некое сильное мистическое потрясение, которое произвело в нем нравственный переворот. Об этом своем состоянии Гумилев написал в стихотворении «Эзбекие» в конце июля — начале августа 1917 года, в десятилетнюю годовщину посещения им каирского сада.

Как странно — ровно десять лет прошло
С тех пор, как я увидел Эзбекие,
Большой каирский сад, луною полной
Торжественно в тот вечер освещенный.

Я женщиною был тогда измучен,
И ни соленый, свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров —
Ничто меня утешить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И сам ее приблизить был готов.

Но этот сад, он был во всем подобен
Священным рощам молодого мира:
Там пальмы тонкие взносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит;
На холмах, словно вещие друиды,
Толпились величавые платаны,

И водопад белел во мраке, точно
Встающий на дыбы единорог;
Ночные бабочки перелетали
Среди цветов, поднявшихся высоко,
Иль между звезд, — так низко были звезды,
Похожие на спелый барбарис.
И, помню, я воскликнул: «Выше горя
И глубже смерти — жизнь! Прими, Господь,
Обет мой вольный: что бы ни случилось,

Какие бы печали, униженья
Ни выпали на долю мне, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чем вновь войду такой же лунной ночью
Под пальмы и платаны Эзбекие».

Как странно — ровно десять лет прошло,
И не могу не думать я о пальмах,
И о платанах, и о водопаде,
Во мгле белевшем, как единорог.
И вдруг оглядываюсь я, слыша
И в ужасающем молчанье ночи
В гуденье ветра, в шуме дальней речи
Таинственное слово — Эзбекие.

Да, только десять лет, но, хмурый странник,
Я снова должен ехать, должен видеть
Моря и тучи, и чужие лица —
Все, что меня уже не обольщает,
Войти в тот сад и повторить обет
Или сказать, что я его исполнил
И что теперь свободен...

Указанная Гумилевым хронология («ровно десять лет») 1907–1917 гг. подтверждает, что первое путешествие поэта в Каир состоялось в 1907 году, и оно спасло ему жизнь. Еще одним подтверждением версии, что Гумилев впервые попал в Африку летом 1907 года, служит ответ Гумилева в июле 1921-го на вопрос, заданный ему Н.Н. Берберовой за несколько дней до ареста поэта: «Как вы попали в Африку в первый раз?» Ответ Гумилева: «Я жил под Петербургом, было лето, но я не мог согреться. Уехал на юг — опять холодно. Уехал в Грецию — то же самое. Тогда я поехал в Африку, и сразу душе стало тепло и легко. Если бы вы знали, какая там тишина!..» («Сегодня». Рига, 1926. 27 авг.).

И впоследствии Гумилев всегда бежал в Африку для излечения душевных и сердечных ран. Африка действовала на него благотворно.

В том же 1907 году Гумилев написал рассказ «Вверх по Нилу: Листы из дневника», опубликованный в парижском журнале «Сириус» (1907, № 3) за подписью: «Анатолий Грант», — первое свидетельство возникшего интереса Гумилева к Африке. В этом рассказе речь идет о долгом пребывании в Египте: первая запись — от 9 мая, последняя — от 17 июня. И хотя поэт в это время еще не был в Африке, «фантастическое предвосхищение» путешествия в Египет, мечты Гумилева о встрече с африканским континентом воплотились почти достоверно.

И такие «африканские» стихи, как «Гиена» («Над тростником медлительного Нила...»); «Жираф» («Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...»); «Зараза» («Приближается к Каиру судно...»); «Носорог» («Видишь, мчатся обезьяны...») с под-

заголовком «Барабанный бой племени Бурну»; «Озеро Чад» («На таинственном озере Чад...»), были написаны Гумилевым все в том же 1907 году.

В стихотворении «Гиена» речь идет о могиле Клеопатры. Может быть, Гумилев видел эту забытую могилу во время своего первого путешествия в Египет? В стихотворении «Зараза» звучит тема губительной болезни:

Приближается к Каиру судно
С длинными знаменами Пророка,
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.....

.....

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.

Возможно, Гумилев видел и это судно.

Но три стихотворения из серии «африканские мотивы», составляющие цикл «Озеро Чад»: «Жираф» (посвященный Ахматовой), «Носорог» и «Озеро Чад» (о трагической судьбе африканки) были написаны поэтом под сильным впечатлением от посещения им зоологического сада в Париже. И хотя в 1907 году Гумилев еще не был в этих местах Африки, стихи производят впечатление увиденного. Например, «Носорог»:

Видишь, мчатся обезьяны
С диким криком на лианы,
Что свисают низко, низко,
Слышишь шорох многих ног?
Это значит — близко, близко
От твоей лесной поляны
Разъяренный носорог...

Все эти стихотворения вошли во 2-ю книгу стихов Гумилева под названием: «Романтические цветы» (Париж, 1908 г.) с посвящением А.А. Горенко (Ахматовой).

В письме к И.Ф. Анненскому (от 15 дек. 1908 г.) Гумилев пишет: «...я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об «Озере Чад», моем любимом стихотворении...» (Рец. И.Ф. Анненского на «Романтические цветы» // Газета «Речь». 1908. 15 декабря).

Второе путешествие Гумилева в Египет состоялось осенью 1908-го. В письме к В.Я. Брюсову (14 июля 1908 г.) он пишет: «...осенью думаю уехать на полгода в Абиссинию, чтобы в новой обстановке найти новые слова, которых мне так недостает...»

Но мечты Гумилева об Абиссинии не осуществились, и он отправился в Египет: утром 10 сентября поэт приехал в Одессу и днем на пароходе «Россия» отправился

по маршруту: Синоп—Константинополь. Затем — Пирей, Афины, где осматривал Акрополь.

На африканский берег Гумилев прибыл 1 (14) октября: Александрия, затем столица Египта — Каир, где он уже второй раз посетил знаменитый сад «Эзбекие», купался в Ниле. Путешествие по Египту продолжалось шесть недель. В письме к В.Я. Брюсову от 27 ноября, уже после возвращения в Царское Село, Гумилев пишет: «Из Каира я послал Вам большое письмо со стихами... Я много и серьезно работаю и написал около 15 стихотворений. Два из них я посылаю Вам для сведения...» Это — «Колдунья» («Она колдует тихой ночью...») и «Рощи пальм и заросли алоэ...» Последнее стихотворение особенно ярко отражает настроение Гумилева во время пребывания в Каире:

Рощи пальм и заросли алоэ,
Серебристо-мадовый ручей,
Небо бесконечно голубое,
Небо, золотое от лучей.

И чего еще ты хочешь, сердце?
Разве счастье — сказка или ложь?
Для чего ж соблазнам иноверца
Ты себя покорно отдаешь?

Разве снова хочешь ты отравы,
Хочешь биться в огненном бреду,
Разве ты не властно жить, как травы
В этом упоительном саду?

Для Гумилева путешествие в Египет было своего рода лекарством от всех недугов, особенно Каир, где он чувствовал настоящую свободу от европейской жизни. Образ «Эзбекие» будет занимать воображение поэта и во время следующих посещений Каира — в декабре 1909-го и в октябре 1910 года. Каирский сад исцелил Гумилева от печали и одиночества, спас его от самоубийства и помог ощутить ценность жизни. В 1917 году Гумилев написал об этом в стихотворении «Эзбекие», где были упомянуты и обстоятельства, связанные с взаимоотношениями поэта с А.А. Ахматовой.

В стихотворении «Египет» («Как картинка из книжки старинной...»), написанном в 1918 году, есть такие строки:

...Здесь недаром страна сотворила
Поговорку, прошедшую мир:
«Кто испробовал воду из Нила,
Будет вечно стремиться в Каир»...

В декабре 1909 года Гумилев осуществляет третье путешествие в Африку. Во время этой поездки он впервые попал в Абиссинию, о которой так долго мечтал. 1 декабря Гумилев из Одессы плывет морем: Варна, Константинополь, Александрия, Каир (и 3-е посещение сада «Эзбеки»), Порт-Саид, Джидда, Джибути. В письме к В.Я. Брюсову из Джибути 24 декабря Гумилев пишет:

«...Здесь уже есть все, до львов и слонов включительно. Солнце палит немилосердно. Негры голые. Настоящая Африка. ...Пишу стихи, но мало. Глупею по мере того, как чернею, а чернею я с каждым часом. Но впечатлений масса. Хватит на две книги. Если меня не съедят, я вернусь в конце января» [1910 г.]. В порту Джибути на побережье Красного моря началась «абиссинская» часть путешествия Гумилева. В 1918 году он, вспоминая свое первое путешествие в Абиссинию, пишет о Красном море с нескрываемым восторгом:

Здравствуй, Красное Море, акуля уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На утесах твоих вместо влажного мха
Известняк, словно каменный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабыты приливом, растущим в ночи,
Издыхают чудовища моря в тоске:
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг,
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелук...

Из Джибути 24 декабря Гумилев выехал на мулах в крупнейший город Харар — один из центров мусульманства в восточной части Эфиопии (Абиссинии). В дороге — охота на зверей. Харар — конечный пункт его путешествия.

Из Харара в январе 1910 года об абиссинском путешествии и своем состоянии Гумилев пишет М.А. Кузмину: «Дорогой Миша, пишу уже из Харрара¹. Вчера сделал двенадцать часов (70 километров) на муле, сегодня мне предстоит ехать еще 8 часов (50 километров), чтобы найти леопардов. ...леопарды показываются обыкновенно ночью. Здесь есть и львы и слоны. ...Я в ужасном виде: платье мое изорвано колючками мимоз, кожа обгорела и медно-красного цвета, левый глаз воспален от солнца, нога болит, потому что упавший на горном перевале мул придавил ее своим телом. Но я махнул рукой на все. Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для

¹Так у Гумилева.

глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом. ...я совсем забыл русский язык; здесь я говорю на пяти языках сразу. Но я доволен своей поездкой. Она меня пьянит, как вино...»

Возможно, в стихотворении «Леопард» (1921 г.) Гумилев вспоминает свою охоту в начале 1910 года.

Если убитому леопарду не опалить немедленно усов,
дух его будет преследовать охотника.

Абиссинское поверье

Кодовством и ворожбою
В тишине глухих ночей
Леопард, убитый мною,
Занят в комнате моей....

Поздно. Мыши засвистели,
Глухо крикнул домовый,
И мурлычет у постели
Леопард, убитый мной...

Неужели до рассвета
Мне ловить лукавый зов?
Ах, не слушал я совета,
Не спалил ему усов...

В мае 1910 года в Париже, во время свадебного путешествия (25 апреля состоялось венчанье Гумилева и А.А. Горенко), Гумилев написал цикл стихотворений, отразивших социальную и бытовую стороны жизни абиссинцев:

- I. «Военная» («Носороги топчут наше дурро...»),
- II. «Пять быков» («Я служил пять лет у богача...»),
- III. «Невольничья» («По утрам просыпаются птицы...»),
- IV. «Занзибарские девушки» («Раз услышал бедный абиссинец...»)

Позднее они были опубликованы под названием «Абиссинские песни», как и его переводы абиссинской поэзии.

Острая тоска по Африке — и уже в сентябре 1910 г. Гумилев совершает свое четвертое, самое длинное (более шести месяцев), путешествие в любимую им Африку.

22 сентября — из Петербурга в Одессу. Из Одессы — морем: Константинополь, Каир. Затем — Бейрут, Порт-Саид, Джидда, Жибути. В ноябре путь лежал (с преодолением пустыни) через Черчер в Аддис-Абебу — столицу Абиссинии. Во время путешествия им было написано стихотворение «У камина» («Наплывала тень... Догорал камин...»), в котором есть строки с явно автобиографическим подтекстом:

...Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города.

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы,

Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз....

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон...

В апреле 1911 года, уже после возвращения из Абиссинии, Гумилев пишет «Акростих» («Аддис-Абеба, город роз...»), посвященный А.А. Ахматовой. В переводе с амхарского языка Аддис-Абеба означает «Новый цветок». А в декабре — очень трогательное воспоминание об этой стране под названием «Рождество в Абиссинии».

Джибути, Харар — эфиопские территории, населенные сомалийскими племенами, где большинство населения исповедует ислам. В стихотворении «Паломник», как бы перевоплотившись в старика Ахмет-Оглы, Гумилев образно передает религиозные чувства мусульман:

Ахмет-Оглы берет свою клюку
И покидает город многолюдный.
Вот он идет по рыхлому песку,
Его движенья медленны и трудны.
«Ахмет, Ахмет, тебе ли, старику,
Пускаться в путь неведомый и чудный?..»

«Я этой ночью слышал зов Аллаха,
Аллах сказал мне: “Встань, Ахмет-Оглы,
Забудь про все, иди, не зная страха,
Иди, провозглашая мне хвалы;
Где рыжий вихрь вздымает горы праха,
Где носятся хохлатые орлы,
Где лошадь ржет над трупом бедуина,
Туда иди: там Мекка, там Медина”...»

И каждый вечер кажется, что вскоре
Окончится терновник и волчцы,
Как в золотом Багдаде, как в Бассоре
Поднимутся узорные дворцы
И Красное пылающее море
Пред ним свои расстелет багрецы,
Волшебство синих и зеленых мелей...
И так идет неделя за неделей.

Он очень стар, Ахмет, а путь суров,
Пронзительны полночные туманы,
Он скоро упадет без сил и слов,
Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный,
В одном из трех восточных городов.....

Он упадет, но дух его бессонный
Аллах не даром дивно окрылил....
Все, что свершить возможно человеку,
Он совершил — и он увидит Мекку.

Возможно, в этом дивном стихотворении Гумилев передает личное впечатление от увиденного.

В этом путешествии Гумилев собрал также интересную коллекцию предметов быта и оригинальных произведений местных живописцев. Привезенные им картины поэт опубликовал со своим предисловием в «Синем журнале» (1911 г. № 18. С. 12).

25 марта 1911 года Гумилев вернулся из Африки в Петербург, в Царское Село, будучи больным. По воспоминаниям А.Н. Толстого, путешественник привез из Африки желтую лихорадку, прекрасные стихи, чучело убитого им черного ягуара и экзотическое оружие. И снова — мечты уехать в Африку, которая действовала на Гумилева благотворно и была лекарством от всех недугов.

Можно сказать, что все четыре путешествия послужили Гумилеву хорошей подготовкой к его последнему, пятому, путешествию в Африку. Но это была уже научная экспедиция от Академии наук.

В декабре 1912 года Гумилев познакомился с академиком-востоковедом Б.А. Тураевым — автором статьи об Абиссинии в энциклопедическом словаре «Брокгауз и Ефрон» (1911 г.). Б.А. Тураев, заинтересованный привезенными Гумилевым из Абиссинии иконами, приехал к нему в Царское Село. Но это были не иконы, а картины абиссинских художников духовного содержания. В начале 1913 г. началась подготовка к «абиссинской» экспедиции, организованной Российской академией наук. Гумилев знакомится в это время с проректором университета С.А. Жебелевым, который дает ему рекомендательное письмо к директору Музея антропологии и этнографии Российской академии наук В.В. Радлову. Тогда же происходит знакомство с хранителем музея Л.Я. Штернбергом и, возможно, с председателем геогра-

фического отдела Российского общества любителей естествознания — академиком Д.Н. Анучиным.

В течение февраля–марта 1913 г. Гумилев хлопочет о получении от Академии наук командировки в Африку. И результаты получились отличные: Академия наук командировала Н.С. Гумилева на Сомалийский полуостров для изучения быта сомалийских племен и сбора коллекции предметов восточноафриканского быта. Вместе с Гумилевым едет его племянник Н.Л. Сверчков, которого дома называли Коля Маленький.

Документальная база экспедиции была составлена 20–26 марта 1913 г.: Музей антропологии и этнографии Академии наук им. имп. Петра Великого командирует в Абиссинию Н.С. Гумилева и Н.Л. Сверчкова для собирания этнографических и зоологических коллекций, делать снимки, записывать песни и легенды и для обследования племен галла и сомали. Директор Музея антропологии и этнографии академик В.В. Радлов обратился с письмом в российскую миссию в Абиссинии и к русскому консулу в Джибути с просьбой об оказании содействия экспедиции Гумилева. 26 марта Гумилев получил открытый лист от музея, благодаря которому на расходы было выделено 600 рублей, из Главного артиллерийского управления выдано 5 винтовок и 1000 патронов. 5 апреля из Правления Русского добровольного флота был получен ответ о согласии предоставить бесплатный проезд на пароходе Добровольного флота от Одессы до Джибути и обратно. Правительство Эфиопии (Абиссинии), предупрежденное о приезде Гумилева, выразило готовность оказать ему полное содействие.

28 марта, за несколько дней до отъезда, Гумилев писал В.Я. Брюсову: «7 апреля я уезжаю на 4 месяца по поручению Академии наук в Африку, в почти неисследованную страну Галла...» В своем «Африканском дневнике» (впервые опубликованном вторым сыном Гумилева, О.Н. Высотским, в журнале «Огонек» в 1987 году, № 14, 15), который Гумилев вел во время экспедиции, поэт пишет, что «приготовление к путешествию заняли месяц упорного труда. Надо было достать: палатку, ружья, седла, вьюки, удостоверения, рекомендательные письма и пр. и пр. Я так измучился, что накануне отъезда весь день лежал в жару. Право, приготовления к путешествию труднее самого путешествия». По воспоминаниям Г.В. Иванова, Гумилев за день до отъезда с сильной головной болью и с температурой 40 градусов бредил всю ночь. Но на следующий день за два часа до отхода поезда потребовал воды для бритья и платье. Успокоить его не удалось. Гумилев побрился, уложил вещи, выпил стакан чая с коньяком и уехал в свою любимую Африку.

7 апреля 1913 года Гумилев и Коля Маленький выехали из Петербурга и 9 апреля утром были в Одессе, откуда поэт написал в письме Ахматовой, что он совершенно выздоровел, даже горло прошло. В письме Гумилев прислал только что написанное стихотворение «Снова море».

Твердость и настойчивость Гумилева перед отъездом были не напрасны. Он знал, что путешествие излечит его от болезни.

В «Африканском дневнике» Гумилева читаем, что 10 апреля на пароходе Добровольного флота «Тамбов» они вышли в море, и 12 апреля был Константинополь, а затем — Порт-Саид и Суэцкий канал.

В письме к Ахматовой из Порт-Саида 16 (29) апреля Гумилев пишет: «С нетерпением жду Африки...» В «Африканском дневнике» есть такие строки: «Не всякий может полюбить Суэцкий канал, но тот, кто полюбит его, полюбит надолго...» Об этой долгой любви в 1918 году Гумилев написал стихотворение под названием «Суэцкий канал»:

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале,

Где идут корабли
Не по морю, по лужам,
Посредине земли
Караваном верблюжьим.

Сколько птиц, сколько птиц
Здесь на каменных скалах,
Голубых небылиц,
Голенастых, зобатых!..

20 апреля — остановка на рейде в Джидде, где Гумилев наблюдал за ловлей акулы, впоследствии описанной им в рассказе «Африканская охота: Из путевого дневника».

23 апреля на рейде в Джибути, где была трехдневная стоянка, Гумилев записывает сомалийские песни. Поэт отмечает вкус сомалийцев в выборе орнаментов для щитов и кувшинов, в выделке ожерелий и браслетов, но в поэтическом вдохновении им отказано.

В «Африканском дневнике» Гумилев приводит одну любовную песню сомалийцев в русской транскрипции: «Песня» («Беринга, где живет племя Исса...»). Но иным было отношение Гумилева к поэзии абиссинцев. Он отмечал величавую простоту абиссинских песен. Благодаря Гумилеву известны 12 оригинальных абиссинских песен, записанных им с помощью сопровождавших поэта толмачей. Эти песни, собранные и переведенные Н. Гумилевым, впервые напечатаны в первом после 1986 г. издании стихотворений и поэм Н.С. Гумилева, составленном М.Д. Эльзоном (Л., 1988) в «Большой серии» «Библиотеки поэта». В примечаниях к песням поэт пишет, что песни эти собраны в течение трех его путешествий в Абиссинию и переданы по возможности буквально. «Свежесть чувства, неожиданность поворотов мысли и подлинность положений делает их ценными независимо от экзотичности их происхождения».

Текст 2-й абиссинской песни «Смерти не миновать...» (в переводе с французского) был напечатан в 1914 г. в конце статьи Гумилева «Умер ли Менелик?» («Нива». 1914. № 5. С. 93).

7 (20) мая 1913 года Гумилев — в Абиссинии. В письме к Л.Я. Штернбергу он рассказывает о трудностях путешествия, о размытой дождями железной дороге, о преодолении 80 км на дрезине, а потом на платформе для перевозки камней. Прибыв в Дире-Дауа, отправились в Харар покупать мулов. Потом вернулись в Дире-Дауа за вещами и здесь взяли 4 слуг, двух абиссинцев и двух галласов и пятого — переводчика, бывшего ученика католической миссии, галласа. Гумилев установил дальнейший маршрут таким образом, чтобы попасть в наименее изученную часть страны Галла. В Хараре Гумилев собирал этнографические коллекции, входил в дома и пересматривал утварь, старался добиться сведений у хараритов о назначении какого-нибудь предмета. Для Гумилева охота за вещами чрезвычайно увлекательна: перед глазами встает картина жизни целого народа. В общем Гумилев приобрел 70 экземпляров чисто хараритских вещей. В те же дни ему удавалось собирать и местный фольклор, записывая песни галласов. Затем с грузовым мулом и тремя ашкерами экспедиция отправилась в Джиджигу к сомалийскому племени габаризаль.

4 июня Гумилев во главе экспедиции, состоящей из Н.Л. Сверчкова, переводчика Фасики и ашкеров, с вьюками на мулах вышел из Харара в пустыню с целью достигнуть городов Шейх-Гуссейн и Гинир.

С 4 июня по 26 июля Гумилев ведет уже не художественный подробный дневник, а краткий путевой. Путешествие пешком по пустыне, ночи в палатке и под открытым небом; охота, блуждания без дороги; отсутствие воды, дожди; ненадежность ашкеров. Очень опасна была переправа вплавь через реку Уаби, кишашую крокодилами; лихорадка и голод. Путешествие в город Шейх-Гуссейн — один из центров мусульманства в восточной части Эфиопии (Абиссинии) Гумилев подробно описал (1918 г.) в одном из лучших своих стихотворений под названием «Галла»:

Восемь дней от Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидел с горы —
Этот миг никогда не забуду —
Там внизу, в отдаленной равнине, костры,
Точно красные звезды, повсюду...

И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка...

Это путешествие нашло отражение и в стихотворении «Сомали (Сомалийский полуостров)», написанном также в 1918 году., где есть такие строки:

Помню ночь и песчаную помню страну
И на небе так низко луну,

И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.

Там светло и, наверное, птицы поют
И цветы над прудами цветут,

Там не слышно, как бродят свирепые львы,
Наполняя рыканием рвы....

В этот вечер, лишь тени кустов поползли,
Подходили ко мне сомали.

Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный мне приговор произнес...

В целой Африке нету грозней сомали,
Безотраднее нет их земли...

Несмотря на некоторую фантастичность сюжета этого стихотворения, впечатление от посещения Гумилевым Сомалийского полуострова передано очень ярко.

Во время своего пребывания в Восточной Африке Гумилев написал также не менее сильное стихотворение «Африканская ночь» («Полночь сошла, непроглядная темень...»).

О том, что Гумилев не раз подвергался смертельной опасности, известно не только из африканских стихов поэта.

Кроме дневника Гумилева был еще дневник, который вел Коля Маленький. Дневник этот, к сожалению, не сохранился. Но в архиве О.Н. Высотского сохранилась уникальная запись сводной сестры Гумилева — А.С. Сверчковой (матери Коли Маленького) об экспедиции, основанная на рассказах Н.Л. Сверчкова. По свидетельству Коли Маленького, Гумилев и в дикой Африке никогда не терял присутствия духа и ничего не боялся. Коля Маленький вспоминает, что однажды, возвращаясь в лагерь при свете факелов, он вдруг обнаружил, что Гумилев где-то отстал. Как найти его в непроницаемой тьме среди зарослей, где кругом рычание зверей и хохот гиен? Невольно вспоминаешь начало стихотворения «Африканская ночь» («Полночь сошла, непроглядная темень...»).

Оказалось, что Гумилев просто устал, сел отдохнуть и нечаянно заснул. Отсутствие страха и бесшабашность Гумилев проявил (со слов Коли Маленького), когда подошли к реке Уаби, где не было моста, а переправа была устроена довольно стран-

но: между двух деревьев на одном берегу и на противоположном был протянут канат, на котором висела корзина, в ней могли поместиться три человека. Чтобы перебраться с одного берега на другой, надо, перебирая канат руками, двигать корзину к берегу. Такое оригинальное устройство очень понравилось Гумилеву. Заметив, что деревья подгнили или корни расшатались, он стал раскачивать корзину, ежеминутно рискуя упасть в реку, кишашую крокодилами. Когда все вышли из корзины, перебравшись таким опасным способом, одно дерево упало, и канат оборвался. Рискованная смелость была как раз в духе Гумилева. Но сам Гумилев ничего не писал о трудностях переправы.

Конечный пункт маршрута экспедиции был Гинир (в 300 км к юго-западу от Харара). В Гинире пробыли два дня; покупали разные предметы для коллекции и провиант.

Экспедиция подходила к концу. В итоге можно проследить маршруты абиссинских путешествий Н.С. Гумилева:

1. Декабрь 1909 г. — январь 1910 г. (Джибути — Дире-Дауа — Харар).
2. Октябрь 1910 г. — февраль 1911 г. (Джибути — Дире-Дауа — Аддис-Абеба).
3. Апрель — сентябрь 1913 г. (Джибути — Дирк-Дауа — Харар — Джиджиги — Черчерские горы — Шейх-Гуссейн — Гинир — Метакхара — Дире-Дауа).

В Петербург и в Царское Село Гумилев и Сверчков прибыли во второй половине сентября 1913 года. В течение недели сдавали в этнографический музей привезенные предметы, но полностью рассчитались с его администрацией лишь к началу 1914 г. В музей были переданы 3 коллекции: 1-я коллекция была собрана в Хараре и состояла из многочисленных вещей хараритов — их домашней утвари, одежды и т.п. В свои сборы Гумилев включил кожаные переплеты для рукописей и книг, транспарант и орнаменты для тиснения; в коллекции оказалась также небольшая деревянная ступка с пестиком, армированная каменным кольцом; 2-я коллекция содержала предметы быта сомалийцев; в ней было много оружия: щитов, колчанов, копий, палиц, ножей; 3-я коллекция была собрана в провинциях Мета, Бали, Аппия и Арусси у галласских племен коту и арусси. В ее составе имелись всевозможные хозяйственные вещи: кувшины, корзины, женские украшения, обувь, а также письменные принадлежности: перья, чернильницы, доски с вырезанными на них текстами и др. В тех же местах был куплен и целый ткацкий станок со всеми необходимыми к нему принадлежностями. Помимо перечисленных коллекций в музее хранятся и привезенные Гумилевым четыре картины абиссинских мастеров. На картинах изображены архангел Рафаил, лев в пустыне, группа бегемотов и местный пейзаж.

О выполненном маршруте можно судить по маленькой синей тетрадке формата записной книжки, сданной Гумилевым в Музей антропологии и этнографии с надписью на обложке: «Галласские, харраритские, сомалийские и абиссинские вещи, собранные экспедицией Н. Гумилева в 1913 году от 1-го мая до 15-го августа».

Обложка разрисована в манере Гумилева: голова африканца, белый человек в тропическом шлеме, фигурки зверей и череп. В этой тетрадке собраны сведения почти обо всем, что собрал Гумилев для музея. Академик С.Ф. Ольденбург в выписке из «Отчета о работе историко-филологического отделения Императорской Академии наук»

за 1913 год отметил ценность для музея коллекции Гумилева из 128 предметов, собранной им в Восточной Африке (Харарское плоскогорье и северо-западная часть Сомалийского полуострова). Из них 48 сомалийских предметов дополняют картину быта племени сомали. По быту харрари в коллекции Гумилева представлено 46 предметов (до Гумилева каких-либо экспонатов харрари в музее не было). Остальная часть собрания пополняет коллекции музея по быту и культуре галла в Абиссинии и представляет несомненную ценность, учитывая и многочисленные фотографии, сделанные во время экспедиции. В 1918 году Гумилев вспоминает Музей этнографии в потрясающем по красоте и величии стихотворении «Абиссиния».

Представление о совершенном походе дают собранные материалы, записи во время путешествия и карточка маршрута экспедиции, нарисованная Гумилевым («План путешествия»). На основании карты-схемы маршрута экспедиции в Абиссинию в 1913 году исследователь творчества Н.С. Гумилева В.В. Бронгулеев проследил всю трассу странствий поэта-путешественника — от места высадки с парохода в Джибути до возвращения в тот же порт. Общая протяженность этой трассы составила примерно 1500 км, а ее отрезок, пройденный пешком и на мулах, — не менее 900 км. Для местных условий и тех лет это было почти подвигом. (см.: Бронгулеев В.В. Посредине странствия земного: Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Годы: 1886–1913. М., 1995. С. 341).

Самое удивительное, что это уникальное путешествие совершил не ученый-этнограф, а профессиональный поэт. Гумилев буквально открыл для нас Африку. В творчестве Гумилева Африка занимала гораздо больше места, чем у других писателей и поэтов.

Но и после возвращения Гумилев продолжал мечтать об Африке.

В 1914 г. он пишет поэму из абиссинской жизни (воспоминание о последнем путешествии в Абиссинию) под названием «Мик. Африканская поэма» («Сквозь голубую темноту...»), посвященную сыну Левушке (Л.Н. Гумилеву), который декламировал «Мика» наизусть. В том же году. Гумилев пишет начало статьи «Африканское искусство».

В 1917 году во время пребывания Гумилева во Франции им была написана «Записка об Абиссинии (Перевод с французского)» и далее подпись: «Прапорщик 5-го Гусарского Александрийского полка Российской Армии Гумилев», «Записка относительно могущей представиться возможности набора отрядов добровольцев для французской армии в Абиссинии». В этой «Записке» Гумилев пишет: «Я побывал в Абиссинии три раза и в общей сложности провел в этой стране почти два года. Я прожил три месяца в Харраре, где я бывал у раса (деджача) Тафари, некогда губернатора этого города. Я жил также четыре месяца в столице Абиссинии, Аддис-Абебе, где познакомился со многими министрами и вождями и был представлен ко двору бывшего императора российским поверенным в делах в Абиссинии. Свое последнее путешествие я совершил в качестве руководителя экспедиции, посланной Российской Академией наук».

Кроме африканских стихов Гумилев писал прозу, где также можно найти африканские мотивы. Рассказы Гумилева по отдельности были опубликованы в различных

журналах и газетах. Но полностью при жизни поэта они не были опубликованы. Только после его смерти, в 1922 году, в Петрограде вышел сборник африканских рассказов Гумилева, составленный другом Николая Степановича — Г.В. Ивановым под общим названием «Тень от пальмы». Сборник состоит из рассказов: «Радости земной любви: Три новеллы»; «Принцесса Зара»; «Золотой рыцарь»; «Последний придворный поэт»; «Черный Дик»; «Дочери Каина»; «Лесной дьявол»; «Скрипка Страдивариуса»; «Африканская охота: Из путевого дневника»; «Путешествие в страну эфира».

Мечты об Африке не оставляли Гумилева. Поэт намеревался поехать туда и в 1918 году. «По воспоминаниям поэтессы О.Н. Мочаловой, незадолго до смерти он сказал однажды, что в Африке ему нравилось все, вплоть до обиденных вещей, он не отказался бы жить там и простым пастухом, бродить по тропинкам, вечером стоять у плетня какой-нибудь затерянной в джунглях деревушки...» Африка, пусть даже идеализированная, всегда жила в сердце Гумилева.

Но, к сожалению, новая поездка в Африку так и не состоялась.

В 1920 году от тяжелой болезни умирает племянник Гумилева Н.Л. Сверчков (Коля Маленький), верный спутник его в последнем путешествии в Африку. В память о племяннике Гумилев выпустил книгу африканских стихотворений под названием «Шатер: Стихи 1918 года». (Севастополь: Цех поэтов, 1921) с посвящением: «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова».

В этих стихах заключена самая сильная любовь Гумилева — любовь к Африке. Вот некоторые отрывки из этого богатства:

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы...
(Вступление)

Здравствуй, Красное Море, акуля уха,
Негритянская ванна, песчаный котел,
На твоих берегах вместо влажного мха
Известняк, как чудовищный кактус, расцвел...
(Красное Море)

Как картинка из книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера.
И каналы, каналы, каналы,
Что несутся вдоль глиняных стен,
Орошая Дамьетские скалы
Розоватыми брызгами пен....
(Египет)

Все пустыни от века друг другу родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби —
Это лишь затиханье Сахарской волны,
В сатанинской воспрянувшей злобе.

Плещет Красное Море, Персидский Залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири...
(Сахара)

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале,...

А когда на пески
Ночь, как коршун, посядет,
Задрожат огоньки
Впереди нас и сзади;

Те красней, чем коралл,
Эти зелены, сини...
Водяной карнавал
В африканской пустыне...
(Суэцкий канал)

Ах, наверно, сегодняшним утром
Слишком громко звучат барабаны,
Крокодильей обтянуты кожей,
Слишком громко зывают колдуньи
На утесах Нубийского Нила,
Потому что сжимается сердце,
Лоб горяч и глаза потемнели,
И в мечтах оживленная пристань...);
(Судан)

Между берегом буйного Красного Моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа страна...

Колдовская страна! Ты на дне котловины
Задыхаешься, льется огонь с высоты,

Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сияньи заметишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, в рост человеческой травы,
Слишком много здесь этой паленой травы...
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы...
(Абиссиния)

Восемь дней из Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидел с горы —
Эту ночь никогда не забуду! —
Там, далеко, в чуть видной равнине костры,
Точно красные звезды, повсюду...
(Галла)

Помню ночь и песчаную помню страну
И на небе так низко луну,

И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.

Там светло и, наверное, птицы поют
И цветы над прудами цветут,
Там не слышно, как бродят свирепые львы,
Наполняя рыканием рвы...
(Сомали)

Берег Верхней Гвинеи богат
Медом, золотом, костью слоновой,
За оградой каменных гряд
Все пришельцу неожиданно и ново.

По болотам блуждают огни,
Черпаха грузнее утеса,
Клювоносы таятся в тени
Своего исполинского носа...
(Либерия)

Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке.
С каждым мигом все шире, шире
И светлей, и светлей река,
Я в совсем неведомом мире,
И ладья моя так легка...
(Мадагаскар)

Точно медь в самородном железе...
Иглы пламени врезаны в ночь,
Напухают валы на Замбези
И уносятся с гиканьем прочь...
(Замбези)

Человеку грешно гордиться,
Человека ничтожна сила,
Над землею когда-то птица
Человека сильней царила...
(Готтентотская космогония)

Я поставил палатку на каменном склоне
Абиссинских, сбегаящих к западу гор
И недели смотрел, как пылают закаты
Над зеленою крышей далеких лесов...
(Экваториальный лес)

Царь сказал своему полководцу: «Могучий,
Ты велик, точно слон, повелитель лесов,
Но ты все-таки ниже наваленной кучи
Отсеченных тобой человеческих голов...
(Дагомея)

Я на карте моей под ненужною сеткой
Сочиненных для скуки долгот и широт
Замечаю, как что-то чернеющей веткой,
Виноградной оброненной веткой ползет...
Ты торжественным морем течешь по Судану,
Ты сражаешься с хищною стаей песков,
И, когда приближаешься ты к океану,

С середины твоей не видать берегов....

(Нигер)

От Европы старинной
Оторвавшись, Алжир,
Как изгнанник невинный,
В знойной Африке сир.

И к Италии дальней
Дивно выгнутый мыс
Простирает печальный
Брат Алжира, Тунис...
(Алжир и Тунис)

Торжественно, даже почти молитвенно звучит первое стихотворение, открывающее книгу «Шатер»:

Вступление

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.

И, твое открывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думаю ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю
О вождях в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят воинов стройных и хмурых.

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются усмешкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор не открытую реку;

И последнюю милость, с которою
Отойду я в селенья святые:
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

19 марта 1923 г. (через 2 года после расстрела Гумилева) В.В. Набоков написал стихотворение «Памяти Гумилева»:

Гордо и ясно ты умер, умер, как Муза учила
Ныне, в тиши Елисейской, с тобой говорит о летящем
Медном Петре и о диких ветрах африканских — Пушкин.

Послания мудрости

СОМАЛИЙСКИЕ СКАЗКИ*

Перевод с сомалийского *Георгия Капчица***, *Александра Жолковского****

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

ЛЕВ, ГИЕНА И ШАКАЛ

Встретились как-то лев, гиена и шакал.

— Гиена, — спросил лев, — что из еды ты любишь больше всего?

— Я ем все, что не ест меня, — ответила гиена.

— А ты, шакал?

— Курдюк и грудинку, — ответил тот. — А что любишь ты, лев?

— Все, кроме старух, — ответил царь зверей. — Мой желудок их не переваривает.

* Сказки, переведенные А. Жолковским, отмечены знаком ☼.

** Георгий Леонидович Капчиц (р. 1939) — кандидат филологических наук, ведущий специалист по сомалийскому языку в современной России. В 1967 г. окончил Институт восточных языков при МГУ по специальности «Амхарский и сомалийский языки и литература Африки». С 1967 по 1994 г. работал диктором-переводчиком языка сомали в Главной редакции вещания на страны Африки Гостелерадио СССР. С 1994 г. — обозреватель Государственной радиокomпании «Голос России». Преподавал язык сомали в Институте стран Азии и Африки при МГУ, МГИМО, Гумбольдтском университете и Свободном университете Берлина. Неоднократно бывал в Сомали и Джибути. Автор книг и статей по сомалийскому языку и фольклору.

*** Александр Константинович Жолковский (р. 1937) — лингвист, литературовед, диссидент, эмигрант, мемуарист. Окончил филфак МГУ (1959) и аспирантуру Института восточных языков при МГУ (1963–1966); защитил диссертацию по грамматике языка сомали (1969). Автор двух десятков книг, в том числе монографии о сомалийском синтаксисе (1971, 2007), работ по лексикографии, о Пушкине, Толстом, Лескове, Пастернаке, Ахматовой, Бабеле, инфинитивной поэзии. Подписант (1968); эмигрировал в 1979 г. Профессор Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес). Живет в Санта-Монике (Калифорния). Среди последних книг — «Избранные статьи о русской поэзии» (2005), «Новая и новейшая русская поэзия» (2009), «Михаил Зощенко: поэтика недоверия» (1999, 2007), «Звезды и немного нервно. Мемуарные вignetки» (2008), «Осторожно, треножник!» (2010), «Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты» (2011), «Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе» (2011).

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Разговорились лев, гиена и шакал.

— Гиена, — спросил лев, — что делаешь ты, когда хочешь есть, но видишь, что стадо охраняют мужчины?

— Прячусь в кустах и жду. Потом хватаю теленка и уношу ноги.

— А ты, шакал?

— Поворачиваю назад, нахожу овец, которых пасет девчонка¹, съедаю пару курдюков и ложусь спать. А как поступаешь ты, лев?

— Очень просто, — ответил царь зверей. — Одного пастуха я убиваю, остальных обращаю в бегство. Потом делаю со скотом все, что хочу.

КОГО БЫ ТЫ ХОТЕЛ ВСТРЕТИТЬ?

Разговорились как-то гиена и шакал.

— Кого бы ты хотел встретить сегодня? — спросила гиена.

— Овец, которых пасет девушка, — ответил шакал.

— Почему девушка?

— Она заболтается с парнем, забудет об овцах, и я съем столько курдюков, сколько смогу. А кого бы хотела встретить ты?

— Овец, которых пасет беременная женщина, — ответила гиена.

— Почему беременная?

— Когда я схвачу и потащу большого барана, она не сможет меня догнать.

А КАК ПОСТУПАЕШЬ ТЫ?

Встретились однажды лев, шакал, гиена, земляной волк² и леопард. Лев сказал:

— Шакал, ты такой слабосильный! Как ты поступаешь, когда пастух застает тебя в стаде?

— Ложусь на землю и скулю.

— А ты, гиена?

— Если у пастуха в руке палка — подставляю бока, если копье — уношу ноги.

— Что делаешь ты, земляной волк?

— Обдаю пастуха зловонной струей.

— Ну а ты, леопард?

— Дерусь, пока я жив.

¹ У сомалийцев овец и коз обычно пасут дети, верблюдов и коров — мужчины.

² Земляной волк — хищное млекопитающее из семейства гиеновых, обитающее в Африке. Считается, что одним из основных средств защиты земляного волка являются выделения анальных желез, имеющие сильный отталкивающий запах.

«Интересно, как поступает лев?» — подумали звери, но спросить его не решились. Когда лев ушел, шакал предложил:

— Давайте пойдем к нему и спросим.

Звери пришли к логову льва и остановились. Земляной волк сказал:

— Лучше входить по очереди.

Звери сказали:

— Иди ты!

Земляной волк вошел в логово, получил оплеуху и выбежал вон.

— Лев спит, — сказал он, — и мне не хотелось его будить.

Вторым вошел леопард, получил затрещину, выскочил и сказал:

— Лев ест, и мне было неудобно мешать ему.

Когда в логово вошла гиена, лев огрел и ее. Гиена выбралась наружу и сказала:

— Лев угостил меня, и мне было неловко расспрашивать его.

Последним пошел шакал. Он остановился у входа и сказал:

— Лев, ты такой сильный! Как поступаешь ты, когда тебя застают в стаде?

— Подойди поближе, — сказал лев, — и я отвечу тебе.

— Сначала ответь, — попросил шакал. — Я потом подойду.

— Ладно, — согласился лев. — Если пастух один, я убиваю его. Если их много, убиваю храбрейшего.

— А остальные? — спросил шакал.

— Бросают стадо и разбегаются в разные стороны.

КАК ЗВЕРИ ОХОТИЛИСЬ ВМЕСТЕ

Лев, леопард, гиена, гепард и шакал договорились охотиться вместе, а добычу делить между собой по справедливости.

— Пусть того, кто нарушит наш уговор, покарает Аллах! — сказали они.

Вскоре звери напали на стоянку кочевника. Леопард схватил козу и сожрал ее прямо в загоне. Гиена поймала овцу, но есть ее не стала. Остальным зверям ничего не удалось добыть.

Когда гиена притащила овцу, лев очень обрадовался. Он разделил добычу на части и сказал:

— Пусть каждый из вас возьмет по куску, а то, что останется, съем я.

Первым к туше подошел гепард и взял голову. За ним подошел леопард и выбрал шею. Он стал глотать ее, но подавился.

— Что случилось? — спросил лев.

— Мясо застряло у меня в горле, — ответил леопард.

Лев понял, что тот уже что-то съел в загоне, и сказал:

— Леопард нарушил уговор и теперь наказан.

Затем к туше подошел шакал и взял курдюк. Лев огрел его лапой и сказал:

— Ты такой маленький, а умеешь отличать хороший кусок от плохого. Кто тебя этому научил?

— Мои собственные глаза, — ответил шакал.

Слова шакала рассердили льва. Он схватил оставшееся мясо и мигом проглотил его.

ЛЕВ И ШАКАЛ

Разговорились однажды лев и шакал.

— Я могу убить сразу десять мужчин, — сказал лев.

— А я могу довести их до слез, — сказал шакал.

— Как? — спросил лев.

— Ночью, — ответил шакал, — я краду у каждого из них по башмаку. Утром они встают, видят только один башмак и начинают искать второй. Потом замечают меня, бросаются следом, но догнать не могут. Тогда они останавливаются, проклинают меня и плачут!

ВЫБИТЫЙ ГЛАЗ ГИЕНЫ

Однажды лев убил верблюдицу и созвал всех зверей на трапезу.

Тушу взялась делить гиена.

— Одну половину пусть съест лев, — сказала она, — другую — остальные звери.

Лев рассердился и ударом лапы выбил гиене глаз. Потом сказал шакалу:

— Теперь дели ты.

— Нет ничего проще, — ответил шакал. — Тушу надо поделить пополам и одну половину отдать льву, оставшуюся половину опять поделить пополам и половину отдать льву, вторую половину половины снова поделить пополам и половину отдать льву, вторую часть этой половины половины еще раз поделить пополам и половину отдать льву и, наконец, половину от этой половины вновь поделить пополам. Одну половину надо отдать льву, другую — остальным зверям.

Лев рассмеялся.

— Молодец, шакал, — сказал он. — Кто тебя научил так хорошо делить?

— Выбитый глаз гиены!

УМНЫЙ ШАКАЛ

Саванну поразила засуха. Она длилась долго, и звери совсем обессилели. В один из дней из логова не вышел сам лев.

— Надо навестить его, — решили звери. — Будем ходить к царю по очереди.

Каждый день кто-нибудь из них приходил в логово льва и исчезал — голодный лев съедал его.

Последним к царю зверей отправился шакал. Он подошел к логову и остановился у входа.

— Заходи! — позвал его лев.

— Нет, — засмеялся шакал. — В твой дом ведет множество следов. Но ни один след не выходит из твоего дома!

КОЗНИ ШАКАЛА

Когда-то у зверей было стадо верблюдов. Лев стадо не пас. Остальные звери делали это по очереди. Каждое утро двое из них угоняли верблюдов на пастбище, а вечером пригоняли назад. Шакал задумал избавиться от зверей и завладеть стадом. Однажды он оказался в паре с гиеной. Как только пришли на пастбище, шакал убежал и вернулся только под вечер.

— Ты где пропадал? — напустилась на него гиена. Она трудилась весь день и теперь изнемогала от голода и жажды.

— Не сердись, — ответил шакал, — и взгляни на меня. Что ты видишь?

— У тебя морда в масле. Где ты его взял?

— В лесу. Я бился головой о дерево. Ударился два раза — ничего, а на третий из ствола полилось масло. Я съел, сколько мог, отдышался и прибежал и тебе.

Гиена была глупа. Она обрадовалась и побежала в лес, но вскоре вернулась.

— Я сделала, как ты сказал, и теперь у меня болит голова, — пожаловалась она. — Но масла не было. Зачем ты меня обманул?

— Не все деревья дают масло, — ответил шакал. — Пойдем, я покажу тебе мое.

Шакал привел гиену к большому дереву. Под ним он съел барана, а потом валялся весь день. Жир барана на его морде гиена и приняла за масло.

— Отойди подальше, — сказал шакал, — разгонись и ударься о ствол головой. Если будет больно, терпи. На третий раз из ствола хлынет масло.

Гиена так и поступила. Но когда она ударилась о дерево в третий раз, ее голова раскололась. Гиена свалилась на землю и умерла.

Поздно вечером шакал пригнал верблюдов домой, и лев спросил о гиене.

— Она зазналась, — ответил шакал, — и отказалась пасти стадо. Ушла куда-то утром, и до сих пор ее нет.

Лев рассердился и сказал:

— Пусть только попадетсЯ мне на глаза!

* * *

На другой день шакал отправился на пастбище со страусом. По пути он спросил:

— Ты любишь жевать смолу?

— Да, — ответил страус.

— Тогда сделаем так: пусть один из нас пасет верблюдов, а другой ищет смолу.

Страус согласился. Он остался со скотом, а шакал побежал в лес. Там он нашел дерево адад¹, собрал смолу и долго жевал ее. Потом он взял круглый камень, обмазал смолой и принес на пастбище.

— Вот смола дерева адад, — сказал он страусу. — Ее не жуют, а глотают. Ешь!

¹Адад — дерево, ароматную смолу которого любят жевать сомалийцы.

Страус взял камень, обмазанный смолой, попытался его проглотить, но подавился. Он хотел что-то сказать шакалу, но из его горла вылетело одно только «ги!».

Вечером шакал и страус пригнали верблюдов домой. У загона их ждал лев. Шакал сказал:

— Страус зазнался и не хочет ни с кем говорить.

Лев позвал:

— Эй, страус!

Тот молчал.

— Ты что, не слышишь меня? — прорычал лев.

Страус испугался и сказал:

— Ги!

Лев рассвирепел, прыгнул на страуса и убил его.

* * *

В тот день, когда шакал пошел на пастбище с зайцем, должна была родить любимая верблюдица льва.

— Если родится самка, — сказал лев, — принесите ее домой, если самец — можете резать и съесть.

Верблюдица родила самку.

— Давай ее съедем, — предложил шакал, — а льву скажем, что родился верблюжонок.

Заяц согласился.

Звери резали маленькую верблюдицу, а когда съели ее, шакал сказал:

— Надо вытащить из зубов застрявшее мясо. Ты поковыряй в моих зубах, а я поковыряю в твоих.

Заяц помог шакалу очистить зубы, а тот собрал остатки мяса из своего рта и засунул зайцу между зубов.

Вечером шакал сказал льву:

— Твоя верблюдица родила самку, но заяц ее съел.

— Это правда? — спросил лев зайца.

— Нет, — ответил тот.

Шакал сказал:

— Загляни к нему в рот — сам увидишь. Но сперва осмотри мой.

Шакал открыл рот и показал чистые зубы. Затем рот открыл заяц. Лев увидел застрявшее мясо и ударом лапы прикончил зайца.

* * *

Когда из зверей в живых остался только лев, шакал стал пасти верблюдов один. Он пригонял стадо на пастбище, снимал колокольчик с шеи верблюда, вешал на дерево,

а сам ложился спать. Ветер шевелил ветви, колокольчик звенел, и лев думал, что шакал перегоняет скот с места на место.

Когда солнце садилось, шакал снимал колокольчик с дерева, привязывал его к верблюду и возвращался домой. Лев был доволен шакалом и часто говорил:

— Ты — хороший пастух!

* * *

Однажды лев велел шакалу строить новый загон, а сам ушел в лес. Шакал закончил работу и соорудил *арда*¹. Потом он вырыл яму, насыпал в нее горячих углей, а сверху прикрыл ветками. Когда лев вернулся, шакал постелил ему циновку и сказал:

— Отдохни, вот твое место.

Лев лег, провалился в яму и сгорел. Так шакалу достались все верблюды.

ПЕТУХ И ШАКАЛ

Когда стемнело, петух взлетел на дерево, а собака улеглась спать внизу. Утром петух проснулся и закричал:

— Ку-ку-ку-у-у!

Его крик услышал шакал. Шакалу захотелось есть, и он прибежал к дереву.

— Петух, — позвал он, — спускайся. Давай вместе совершим утренний намаз².

— Хорошо, — ответил петух. — Но сперва разбуди имама³, он спит под деревом.

Шакал глянул вниз, увидел собаку и бросился бежать. Бежал он — чарараф, чарараф, чарараф — и никак остановиться не мог. А когда остановился и отдышался, сказал:

— Хотел вкусно поесть, да самого чуть не съели!

КАК ШАКАЛ ОТОМСТИЛ ГИЕНЕ

Однажды лев сильно заболел. Его навелили все звери, кроме шакала. Гиена сказала, что шакал не пришел, потому что зазнался. Лев расвирепел и велел позвать шакала. Тот прибежал, увидел гиену и сразу все понял.

— Ты почему не приходил? — грозно спросил лев.

— Я искал для тебя лекарство, — ответил шакал.

— И ты нашел его?

— Нет, но я узнал, как тебя надо лечить.

¹ *Арда* — огороженное место у дома кочевника; используется для размещения людей, охраняющих скот ночью, и приема гостей мужского пола.

² *Намаз* — ежедневная пятикратная молитва у мусульман.

³ *Имам* — зд.: предстоятель на молитве.

— Говори же! — прорычал лев.

— Намажься костным жиром гиены.

Лев схватил гиену за лапу, сломал ее и намазался костным жиром. Так шакал отомстил коварной гиене.

КАК ШАКАЛ ОТОМСТИЛ ЛЬВУ

Лев и шакал владели стадом коров. Пасли они его по очереди. Когда один из них уходил на пастбище, другой отправлялся искать смолу¹.

Однажды, когда лев пас животных, он проголодался съел самого жирного быка. Вечером шакал обнаружил пропажу.

— Где бык? — спросил он.

— Не знаю, — ответил лев. — Наверное, потерялся в пути.

Утром шакал пошел искать быка и наткнулся на его останки. Он понял, что произошло. «Как быть?» — подумал шакал. И тут он увидел камень. Шакал поднял его, обмазал смолой и вернулся на стоянку.

— Я не нашел быка, — сказал он, — зато собрал много смолы.

— Дай мне кусок, — попросил лев.

— Сейчас, — ответил шакал. — Это смола дерева адад. Ее не жуют, а глотают.

Лев сунул в пасть камень, обмазанный смолой, подавился и умер.

Так шакал отомстил льву и завладел всем стадом.

ЖАДНЫЙ ШАКАЛ

У черепахи и шакала было много коров. Одна половина стада принадлежала черепахе, другая — шакалу. Шакал задумал избавиться от черепахи и завладеть всем стадом.

Однажды звери забрались на гору и остановились у края пропасти.

— Я вижу, тебя мучает жажда, — сказал шакал черепахе. — Сходи вниз и напейся.

Я подожду тебя здесь.

Черепаша спустилась вниз, напилась из ручья и снова полезла в гору. Когда она появилась у края обрыва, шакал схватил большой камень. Он хотел бросить его в черепаху, но оступился, потерял равновесие и свалился в пропасть.

Шакал умер, и все его коровы достались черепахе.

ЧЕРЕПАХА И ШАКАЛ

Черепаша и шакал жили на берегу реки. Каждое утро они отправлялись на поиски пищи. Черепаша переплывала на другой берег, забиралась в огород, принадлежав-

¹ См. примеч. 1 к стр. 126.

ший человеку, и ела там овощи. Шакал же плавать не умел и поэтому добывал себе пропитание на этом берегу.

Однажды шакал попросил черепаху:

— Перевези меня на тот берег. Я тоже хочу полакомиться овощами.

— Хорошо, — ответила черепаха. — Но я должна предупредить: у огорода есть хозяин. Если он увидит нас там, будет плохо. А ведь ты любишь кричать, когда утолишь голод...

— Не беспокойся, — ответил шакал. — В огороде я не издам ни звука.

Черепаха посадила шакала себе на спину, перевезла на другой берег и проводила в огород. Шакал наелся досыта, забыл об обещании, данном черепахе, и залаял.

— Что ты делаешь?! — ужаснулась черепаха.

— Ничего особенного, — ответил шакал. — Когда я хорошо поем, я всегда лаю. У меня обычай такой.

На лай шакала прибежал хозяин, и испуганные звери еле спаслись.

На берегу шакал вновь забрался на спину черепахе, и она поплыла. На середине реки черепаха начала раскачиваться из стороны в сторону.

— Что ты делаешь?! — закричал шакал.

— Ничего особенного, — ответила черепаха. — Когда я достигаю середины реки, я всегда раскачиваюсь. У меня обычай такой.

Черепаха закачалась еще сильнее, шакал свалился в воду и утонул.

ШАКАЛ И ТРИ ЛЬВА

Как-то шакал и три льва отправились за добычей. Им долго не везло. Но вот они увидели на дне ущелья мертвую верблюдицу.

— Давайте спустимся и съедем ее, — предложил один из львов.

— Спуститься можно, — ответил шакал. — Но как мы потом вылезем оттуда?

— Зачем же вылезать? — сказал другой лев. — Разве мясо верблюдицы когда-нибудь кончится?

Львы спустились в ущелье, а шакал остался наверху. На другой день он окликнул львов. Те сказали, что наелись досыта и очень довольны. Шакал убежал, а через неделю вернулся. Львы сказали, что от верблюдицы осталась одна голова. Через три дня шакал увидел в ущелье только двух львов.

— Где же ваш друг? — спросил он.

— Сегодня мы его съели, — ответили львы.

Потом один из оставшихся львов съел другого, а когда опять проголодался, разорвал себе живот, съел собственные кишки и умер. Из всех зверей уцелел только шакал — у него голод не отнял разум.

ГОЛОДНЫЙ ШАКАЛ

Однажды голодный шакал увидел двор, полный кур. Двор был обнесен высоким забором. Шакал нашел в заборе дыру, протиснулся в нее и съел столько кур, сколь вместил его пустой живот.

Вечером шакал решил обратиться восвояси. Он подошел к дыре, но выбраться наружу не смог — мешал раздувшийся от еды живот.

«Ничего, — утешил себя шакал. — Посплю под деревом до утра, а за ночь живот станет меньше».

Так и случилось. К утру живот шакала спал, и он легко вышел на волю. Шакал отбежал немного и оглянулся

— Злосчастное место, — проворчал он. — Приходишь сюда голодным, а уходишь — еще больше есть хочется!

ГИЕНА И ШАКАЛ

Украл шакал у людей кумбе¹ с маслом, съел, сколько мог, остальное размазал по щечкам и пошел к гиене. Та увидала шакала и говорит:

— Где ты взял масло?

— Я помогал женщинам ставить дом², — ответил шакал. — Они меня и угостили.

— А если я помогу мужчинам поставить изгородь³, — спросила гиена, — дадут они мне масло, как ты думаешь?

— Думаю, что дадут, — ответил шакал.

Гиена срубила большой куст, притащила на стоянку и спрашивает:

— Куда мне его класть?

Мужчины увидали гиену, схватили копье и убили ее.

СЛЕПАЯ ОВЦА И ГИЕНА

Слепая овца отбилась от стада. Она забрела в пустынное место и паслась там одна. Как-то раз ее увидала гиена. Гиене захотелось съесть овцу, и она начала к ней подкрадываться. Овца услышала шорох. «Наверное, хозяин идет!» — обрадовалась она и побежала к гиене. Гиена испугалась и повернула назад.

¹ Кумбе — небольшой мешок из верблюжьей шкуры, используемый для хранения масла.

² По существующему у сомалийских кочевников разделению труда, дом (*акаль*) на месте новой стоянки собирают женщины, а изгородь для скота (так называемый *од*) сооружают мужчины. Так как на языке сомали шакал — существо женского рода, а гиена — мужского, шакал «помогает» женщинам, а гиена — мужчинам.

³ См. примеч. 2 на данной стр.

— Жизнь дорога, — сказала она, — а от овцы, которая бросается на гиен, всего ожидать можно!

БАРАН И ГИЕНА

Баран щипал траву в безлюдном месте, когда его увидела гиена.

— Тебя кто-нибудь пасет? — спросила она.

— Нет, — ответил баран. — Я здесь один.

— Не смей меня, — сказала гиена. — У меня от смеха ребра болят.

— Я говорю правду, — сказал баран. — Кроме нас с тобой здесь никого нет.

Гиена расхохоталась. Она долго тряслась от смеха, не в силах остановиться. Когда же наконец пришла в себя и оглянулась вокруг — барана нигде не было видно.

ГИЕНЫ И ЛЕВ

Однажды девять гиен отправились на охоту. В пути они встретили льва. Лев попросил взять его с собой. Гиенам этого не хотелось. Они боялись, что лев отнимет всю добычу, и сказали ему:

— Мы с тобой не поладим.

Но лев очень просил, и гиены в конце концов согласились.

Звери угнали девять верблюдиц и маленького верблюжонка, уселись и стали делить. Тут лев сказал:

— Вот девять верблюдиц и верблюжонок. Берите себе верблюжонка, тогда вас станет десять. А я возьму себе верблюдиц, тогда нас тоже станет десять. Но разве десять не равно десяти?

Гиены опешили. Они поняли, что лев их обманул, но возразить ему не посмели.

ОРАНГУТАН И ЛЕВ

Семь молодых орангутанов и лев отправились на охоту. Они угнали быка и семь телок. Добычу делил лев. Он дал обезьянам быка, а себе взял семь телок.

— Ну, — сказал старый орангутан, когда его дети вернулись домой. — Рассказывайте, как поохотились.

— Мы поймали семь телок и быка, — ответили те. — Лев дал нам быка, а себе забрал семь телок.

Орангутан рассвирепел.

— Я ему покажу! — прорычал он и вышел из дома.

Но у логова льва решимость оставила орангутана. Когда же лев взглянул на него и грозно спросил: «Ты зачем пришел?» — он и вовсе струсил.

— Дети пригнали быка, — пролепетал он. — Я возвращаю его тебе. Ведь без быка твои семь телок не дадут приплода!

АБОТО-ЯХАС¹ И КРОКОДИЛ

Однажды птица абото-яхас забралась в пасть к крокодилу и, ковыряя клювом в его зубах, сказала:

— Знай, я недовольна тобой. Ты дурно себя ведешь.

Крокодил сомкнул челюсти и проглотил абото.

— Глупая птица, — сказал он. — Нет чтобы сначала выбраться из моего рта, а потом жаловаться!

ЖИРАФ И ОСЕЛ

Подружились жираф и осел. Стали они пастись вместе. Осел щипал траву, а жираф объедал ветви деревьев. Но вот их пастбище оскудело. Жираф вытянул шею, огляделся и увидел зеленую поляну. Он сходил туда, поел и попил, а когда вернулся, сказал ослу:

— Я нашел место, где много воды и травы. Иди туда, но будь осторожен: я видел следы хищных зверей.

Отправился осел на поляну, наелся и напился, а потом радостно закричал, забыв о словах друга.

Услыхали крик осла дикие звери, набросились на него и растерзали.

ОСЕЛ И СОБАКА

Шли как-то вместе осел и собака. От голода, жажды и усталости еле ноги передвигали. И вот набрали они на еду и питье. Когда поели, попили и отдохнули, осел сказал:

— Теперь мне хочется покричать.

— Не делай этого, — сказала собака. — Крик привлечет хищных зверей, и тогда нам несдобровать.

Но осел и ухом не повел. Он открыл рот и закричал:

— Иа! Иа! Иа!

Вскоре прибежали три льва и бросились на осла. Убив его, львы сказали собаке:

— Разделай тушу, и тогда мы тебя не тронем.

Собака согласилась, но, когда делила мясо на части, съела сердце осла.

— Куда делось сердце? — спросили львы, когда собака принесла мясо.

¹Абото-яхас — небольшая птица, распространенная в Африке; питается остатками пищи, застрявшими у крокодила в зубах.

— У этого осла не было сердца, — ответила собака. — Будь иначе, разве бы он позвал вас сюда?¹

Львы сочли слова собаки справедливыми и отпустили ее.

Вол и осел

У одного человека были вол и осел. Осел возил хозяина, а вол работал на поле. Однажды вол так устал, что осел пожалел его.

— Хочешь совет? — спросил он.

— Хочу, — ответил вол.

— Сегодня вечером ничего не ешь. Хозяин подумает, что ты заболел, и завтра не пошлет тебя на работу.

Вол так и сделал. Утром хозяин увидел нетронутый корм, подумал, что вол заболел, и решил дать ему отдохнуть.

— Пусть сегодня вместо вола поработает осел, — сказал хозяин и погнал беднягу на поле.

Лев и мышь

Мышь пробежала по голове спящего льва. Лев проснулся, схватил ее и сказал:

— Я тебя убью. Как ты посмела разбудить меня?

Мышь испугалась.

— Это вышло случайно, — сказала она. — Прости меня и отпусти. Когда-нибудь я тебе пригожусь.

— Не думаю, что мне понадобятся твои услуги, — засмеялся лев. — Но я тебя отпускаю, беги!

Вскоре лев попал в сеть, поставленную охотником. Он бился и рычал, но порвать веревки и вырваться из ловушки не мог. Рычание льва услышала мышь. Она прибежала и сказала:

— Не горюй, я тебе помогу.

Мышь прогрызла в сети дыру и освободила льва.

Мыши и кошка

Вырыли мыши нору и поселились в ней. Узнала об этом кошка. Она стала караулить и хватать мышей, когда те вылезали наружу. Загоревали мыши, не зная, что делать. Наконец они собрались вместе и стали думать. Выход нашла самая старая мышь.

¹ По представлениям сомалийцев, сердце является вместилищем разума.

— Надо к шее кошки привязать колокольчик, — сказала она. — Тогда мы услышим, как кошка крадется к норе.

Это был хороший совет, но привязать колокольчик к кошкиной шее не согласился никто.

ТРИ БЫКА

Дружили когда-то три быка — белый, красный и черный. По соседству с ними жил лев. Однажды, когда лев проголодался, он подошел к красному и черному быкам и сказал:

— Белый бык принесет вам несчастье. Ночью его видно издалека. Что, если я его съем?

Услыхал это белый бык и говорит:

— Сейчас нас трое. Вместе мы одолеем любого зверя. А без меня ваши силы убудут, и лев убьет вас.

— Посмотрим, — ответили его друзья.

Лев прыгнул на белого быка и съел его.

Вскоре лев снова проголодался. Он отозвал черного быка в сторону и сказал:

— Красный бык очень заносчив. Как ты можешь дружить с ним? Позволь, я его съем.

Черный бык не возражал, и лев задрал его красного друга.

На другой день лев снова явился.

— Не знаю, что и делать, — сказал он. — Очень хочется есть. У тебя не осталось для меня чего-нибудь?

— Нет, — ответил черный бык. — Ведь ты уже съел моих друзей.

— Но я без еды не могу, — сказал лев. — Придется и тебя съесть. Ты не боишься умереть?

— Не боюсь, — ответил бык. — Я уже мертв. Я умер в тот день, когда отдал тебе моего белого друга!

Лев бросился на черного быка и растерзал его.

КТО СИЛЬНЕЕ ЛЬВА

Как-то раз лев спросил свою старую мать:

— Есть ли на свете кто-нибудь сильнее и храбрее меня?

— Есть, — ответила та.

Лев удивился, но ничего не сказал. Про себя же решил: «Если это так, я найду его и померяюсь с ним силой».

Вскоре лев отправился в путь. Встречая зверей, он задавал им тот же вопрос, но звери боялись его и не решались говорить правду.

Прошло много дней. И вот однажды, когда наступила весна, лев увидел стреноженного верблюда. Верблюд был разъярен: шел гон, а он был вынужден оставаться на месте.

— Послушай, — обратился к нему лев. — Я ищу того, кто сильнее и храбрее меня. Может быть, ты знаешь его?

— Еще бы! — ответил верблюд. — Взгляни на путы на моих ногах. Это он стреножил меня.

— Кто же он?! — воскликнул лев.

— Человек. Видишь то дерево? Он спит в его тени.

Лев подошел к дереву, человек проснулся и открыл глаза.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Я хочу сразиться с тобой!

Человек испугался, но не подал вида.

— Ладно, — сказал он. — Но ты голоден и устал с дороги. Отдохни, я принесу еды. Когда поешь, тогда и сразимся.

— Хорошо, — согласился лев.

Человек поспешил домой, поставил на очаг котел с водой и стал ждать. Наконец вода закипела. Человек снял отел с огня и вернулся на пастбище. Лев спал. Человек разбудил его и, когда он поднял голову, окатил горячей водой. Лев заревел от боли и, роняя клочья шерсти, побежал прочь.

С тех пор лев опасается человека и не любит встречаться с ним. А если нападает, то внезапно, стараясь застать человека врасплох.

ЦИКЛ О ВИЛЬ-ВАЛЕ¹

Горло

Бартирейцы резали скот. Виль-Валь позвал их и сказал:

— Принесите ту часть туши, из-за которой мужчины ссорятся.

Люди принесли лучшие куски мяса: грудинку, горб, муд² и лопатку. А один бедняк принес вождю горло. Люди подумали, что Виль-Валь рассердится на него. Но вождь засмеялся и сказал:

— Это то, что нужно. Когда пища³ есть, мужчины дружат, когда ее нет — ссорятся.

Потом он спросил бедняка:

— Ты сам догадался или тебе кто-нибудь помог?

— Меня научила дочь, — ответил тот.

— Как ее зовут?

— Эбла.

Виль-Валь просватал девушку и женился на ней, а ее отцу дал много скота.

¹ Виль-Валь — сомалийский вождь и поэт из племени бартире (1801–1864). Известен своей силой, храбростью и остроумием.

² Муд — кусок мяса из брюшной части туши животного, считающийся у сомалийцев особенно лакомым.

³ Игра слов «горло» и «пища», которые на языке сомали звучат одинаково.

Младшая жена Виль-Валя

У Виль-Валя было несколько жен. Младшую из них звали Эбла. После свадьбы Виль-Валь не лег с ней на циновку, а сказал:

— Я уезжаю и вернусь через год. К тому времени ты должна родить мне сына, а твоя кобыла — принести жеребенка от моего коня.

Виль-Валь сел на своего коня и ускакал. Как только он скрылся из виду, Эбла оседлала кобылу и поехала следом. В первом же кочевье она узнала, где вождь остановится на ночлег, поскакала другой дорогой и обогнала его. В кочевье, куда направлялся Виль-Валь, Эбла назвала себя, и ее отвели в отдельный дом.

— Когда приедет муж, — сказала Эбла, — покажите ему мой дом, но не говорите, что я здесь. А его жеребца пустите к моей кобыле.

Поздно вечером приехал Виль-Валь. Его хорошо накормили, а потом сказали:

— Вождь, видишь тот дом? Там живет красивая девушка. Многие пытались покорить ее, но это никому не удалось. Может быть, ты попробуешь?

Виль-Валь направился к дому Эблы, откинул полог, висевший у входа, и вошел. Там он увидел девушку. Ее лицо было закрыто платком. Виль-Валь поздоровался и заговорил с нею. Он был красноречив, и девушка с удовольствием слушала его. Когда наступила ночь, она сказала:

— Можешь остаться, если пообещаешь не открывать моего лица.

Виль-Валь обещал и лег с девушкой на циновку.

Утром Эбла проснулась, взяла один башмак мужа и вышла из дома. Она оседлала кобылу и поскакала на свою стоянку.

Через год Виль-Валь вернулся, и люди сказали:

— Пока тебя не было, твоя младшая жена родила сына, а ее кобыла принесла жеребенка.

— Этого не может быть! — воскликнул вождь. Он подозвал Эблу и сказал:

— Если не покажешь мужчине, от которого ты родила, и жеребца, от которого понесла твоя кобыла, я тебя убью.

Вместо ответа Эбла протянула мужу башмак. Тот взглянул на него и сразу все понял.

Виль-Валь и Эбла

Однажды Виль-Валь велел мужчинам бартире собраться на совет, а сам улегся спать. Мужчины целый день просидели на солнцепеке, но вождь так и не появился. Вечером они пришли к жене Виль-Валя и сказали:

— Эбла! Ждать вождя больше нет сил. Посоветуй, что делать.

— Разбудите его, — ответила женщина.

— Мы боимся, что он рассердится.

Услыхав это, Эбла вошла в дом и пнула мужа ногой.

— Вставай, — сказала она. — Люди давно собрались. Сколько можно ждать?

Виль-Валь поднялся и вышел из дома. Один из мужчин, видевший, как Эбла будила вождя, спросил:

— Виль-Валь, почему мы не решились потревожить твой сон, а Эбла сделала это не задумываясь?

— Эбла не видит меня в бою и не знает, каков я в гневе, — ответил вождь. — Поэтому она делает то, что считает нужным, и не заботится о том, понравится мне это или нет.

Виль-Валь и его сестра

У Виль-Валя была красивая сестра. Многие мужчины хотели жениться на ней. Но они боялись Виль-Валя и не решались просватать девушку. Однажды мужчины пришли и сказали:

— Если бы не Виль-Валь, ты бы уже давно вышла замуж. Помоги нам его убить.

Девушка согласилась и придумала, как это сделать.

— У Виль-Валя есть любимая корова, — сказала она. — Ее зовут Насо-адаг¹. Брат доит ее сам². У коровы тугое вымя, и перед дойкой я разминаю его. Спрячьтесь в загоне и когда услышите: «Сестра, разомни вымя Насо-адаг!» — приготовьтесь к нападению. Виль-Валь будет без оружия, и вы убьете его. Идя к Насо-адаг, он оставляет копьё дома.

Вечером Виль-Валь спросил сестру:

— У тебя сегодня кто-нибудь был?

— Нет, — ответила девушка.

Виль-Валь не доверял сестре и, когда приходил, внимательно осматривал дом. На этот раз он увидел на потолке плевков.

— Кто это сделал? — спросил Виль-Валь.

— Я, — ответила сестра.

— Плюнь еще раз!

Девушка плюнула, но слюна до потолка не долетела. Виль-Валь понял, что сестра соврала, и заподозрил неладное. Все же он сказал:

— Разомни вымя Насо-адаг.

— Размять вымя Насо-адаг? — громко переспросила сестра.

Подозрения Виль-Валя усилились, и он решил не расставаться с копьём.

Едва вождь присел, чтобы подоить корову, мужчины выбежали из укрытия и бросились на него. Виль-Валь был готов к нападению. Он вскочил, схватил копьё и несколькими ударами убил нападавших. Потом позвал сестру и сказал:

— Я понял, почему ты спросила, разминать ли вымя Насо-адаг.

Он привязал девушку к дереву и, прежде чем убить ее, сказал:

— Ты умираешь не от копья, а от собственного вероломства!

¹Насо-адаг — букв. «Тугое вымя».

²В Сомали верблюдиц доят мужчины, коров — мужчины и женщины, овец и коз — девушки.

Виль-Валь и гости

Однажды к Виль-Валю пришли сто мужчин и сказали:

— Мы слышали, что ты щедр и гостеприимен. Накорми нас как следует.

— Садитесь, — сказал Виль-Валь.

Он принес каждому из гостей огромную миску каши и сказал:

— Того, в чьей миске останется хоть немного еды, я убью.

Гости испугались: съесть столько каши никто из них, конечно, не мог. Когда вождь ушел, стали думать, как избежать смерти. Один мужчина сказал:

— Давайте есть вместе — сначала из одной миски, потом из другой.

Вскоре с кашей было покончено: каждому казалось что в чужой рот попадает больше, чем в его собственный, и он старался вовсю. Увидев пустые миски, вождь не по верил своим глазам.

— Как вам это удалось? — спросил он. Мужчины молчали. Они боялись, что Виль-Валь убьет человека, который их спас.

Но вождь сказал:

— Тот, кто придумал, как съесть столько каши, достоин признания. Пусть назовет себя. Я его не трону.

Мужчина встал, и Виль-Валь сказал:

— Уходи. Я не хочу тебя больше видеть.

Мужчина повернулся и пошел. Вождь посмотрел ему вслед и сказал:

— Умный человек опасен для власти!

Виль-Валь и муллы

Однажды к Виль-Валю пришли муллы и сказали:

— Вождь, мы не боимся тебя.

— Кого же вы боитесь? — спросил Виль-Валь.

— Одного только Аллаха.

Когда муллы ушли, Виль-Валь велел построить дом с отдельным входом и выходом и обнести его высокой оградой. Когда дом был построен, он запер в нем несколько баранов, приготовил большой нож и приказал позвать мулл. Те пришли и столпились у входа. Виль-Валь вышел и сказал воинам:

— За ограду никого не выпускать. Берите одного из мулл и ведите в дом.

Когда первый мулла оказался в доме, Виль-Валь вывел его через заднюю дверь, зарезал барана, вышел и сказал:

— Давайте второго муллу!

Муллы увидели кровь на ноже вождя, испугались и хотели бежать, но путь им преградили воины с копьями и щитами. Когда в доме исчез второй, а затем и третий мулла, оставшиеся обезумели от ужаса. Они бросились на ограду, повалили ее и побежали в разные стороны. А Виль-Валь хохотал и кричал им вслед:

— Не говорите больше, что боитесь только Аллаха!

Виль-Валь и Ганначе

Двое мужчин — Ганначе и Джибриль — поспорили из-за кобылы. Все попытки их рассудить ни к чему не привели. Тогда люди сказали:

— Обратитесь к вождю. Он решит, кому должна достаться кобыла.

Мужчины отправились к Виль-Валю. Из дома вышла жена вождя и сказала:

— Виль-Валь спит. Подождите, пока он проснется.

Но Ганначе рассердился и сказал:

— Я его разбужу.

Он вошел в дом и растолкал Виль-Валя. Вождь проснулся и потянулся к ножу. Ганначе перехватил его руку и сказал:

— Мой нож острее!

Виль-Валь удивился и спросил:

— Кто ты такой и чего ты хочешь?

— Меня зовут Ганначе, — ответил смельчак. — Мы с Джибрилем спорим из-за кобылы. Рассуди нас.

— Идите к дереву¹, — сказал Виль-Валь. — Там решим ваше дело.

Под деревом собралось много людей. Ганначе увидел циновку и сел на нее. Циновка принадлежала вождю, и люди испугались. Одни подумали, что Ганначе сошел с ума. Другие решили, что он ищет смерти. Когда же пришел Виль-Валь и сел рядом с Ганначе, люди потеряли дар речи. А Виль-Валь начал суд. Он спросил:

— Где вы взяли эту кобылу?

— Мы угнали ее, — ответили мужчины.

Виль-Валь сказал:

— Я отдаю кобылу Ганначе.

Люди спросили:

— Почему?

— Раз кобылу угнали, — сказал вождь, — ею должен владеть храбрейший.

Виль-Валь и Гольйо

У Виль-Валя была любимая корова. Ее звали Гольйо. Когда корова состарилась, стали говорить, что она скоро умрет. Узнав об этом, Виль-Валь сказал:

— Того, кто сообщит мне о смерти Гольйо, я убью.

Спустя какое-то время к жене Виль-Валя пришел человек и сказал:

— Гольйо умерла. Я это видел собственными глазами. Если я сообщу о несчастье вождю, он меня убьет. Что делать?

¹ Все важные дела, связанные с жизнью сомалийской общины, решаются под деревом, в тени которого заседают члены совета племени. Там же происходит рассмотрение жалоб, разбор тяжб и проч.

— Не бойся, — ответила Эбла. — О смерти Гольйо скажу ему я.

В тот день Виль-Валь промок под дождем и сильно озяб. Эбла передела его и накормила горячей пищей. Виль-Валь согрелся и быстро уснул. Ночью Эбла придвинулась к мужу, и тот проснулся.

— Виль-Валь, а Виль-Валь! — позвала она.

— Что, Эбла?

— Гольйо умерла.

— Ну и бог с ней, — ответил вождь. — Не горюй о корове. Иди лучше ко мне!

ГРУДИНКА, ЛОПАТКА И ГОРБ

Однажды во владениях Виль-Валя случилась засуха. Пали коровы, козы и овцы. У верблюдиц пропало молоко, и люди резали их на мясо¹. Три лучших куска — грудинку, лопатку и горб — они относили вождю. Но вот люди собрались и сказали:

— Виль-Валю достаются лучшие куски. Это несправедливо. Так больше продолжаться не может.

Однако пойти к вождю и сказать об этом не решился никто. Тогда выбрали трех человек. Одному поручили сказать: «Виль-Валь!», второму — «Три лучших куска...», а третьему — «... ты больше не получишь!»

Мужчины пришли к вождю, и первый сказал:

— Виль-Валь!

Второй добавил:

— Три лучших куска...

А третий испугался и произнес:

— ... ты будешь получать и впредь!

НАУЧИ МЕНЯ ХИТРОСТИ ❖

Один человек пришел к другому и говорит:

— Я хочу, чтобы ты научил меня хитрости!

Тот отвечает:

— Ладно, но сначала принеси мне молока от твоей верблюдицы.

Этот человек так и сделал, подождал, пока тот напьется молока, и говорит:

— Ну вот, а теперь поделись со мной своей хитростью.

— Пожалуйста, — говорит. — Вот, например, я только что хитростью напился за твой счет верблюжьего молока.

¹ Верблюды — основное богатство сомалийских кочевников. Их режут и едят лишь в исключительных обстоятельствах.

ХИТРЫЙ БАРАН ❖

Был в одном стаде молодой барашек с рожками. Вот однажды хозяева сказали:

— Заколем-ка сегодня барана.

Тогда барашек поднял повыше голову и смешался с козами.

В другой раз хозяева сказали:

— Заколем-ка козу.

Тут барашек повернулся к ним своим курдюком, голову опустил вниз и пристал к овцам.

Так баран то с козами, то с овцами пережил голодное время засухи.

Ловкий человек никогда не пропадет.

ХИТРЫЙ СКУПЕЦ ❖

Рассказывают, что жил на свете человек, который ничего никому не давал, но и прямо ни в чем не отказывал. Всех он умел обойти хитростью и обманом, так что всякий уходил от него довольным, хотя ничего и не получив. Пошли о нем слухи и пересуды.

Об этом прослышали четыре проповедника. Они подумали: «Пойдем познакомимся с этим человеком, о котором столько говорят, и, если он действительно такой скупец, скажем ему: “Послушай нас, опомнись, оставь свою скупость, чтобы на том свете тебя не постигла жестокая кара!” Если же люди врут, то мы положим конец этим сплетням!»

Пришли они к нему и первым же делом спросили:

— Скажи, это ты тот скупец, о котором столько разговоров?

Он ответил:

— Братья, неужели вы верите сплетням, которые обо мне распускают? Не слушайте тех, кто говорит, будто я скуп. Просите чего угодно — и вы увидите, что я ничего для вас не пожалею.

Проповедники переглянулись и подумали: «Что ж, может быть, люди врут, сядем и посмотрим, как он себя поведет!»

Хозяин позвал свою жену, понимавшую его с полуслова, и сказал ей:

— Дорогая жена, постели гостям собачью шкуру в поганой спальне.

Услышав о погани и собачьей шкуре, гости изумленно переглянулись. А жена тем временем расстелила в дальней комнате собачью шкуру.

Пока гости недоуменно переглядывались, не зная как быть, хозяин опять обратился к жене:

— Дорогая, возьми-ка верблюжьего дерьма и вычисти наш кувшин «Грязное дно».

Ну, тут гости, услышав мерзкое название кувшина и чем его будут чистить, снова переглянулись, совершенно пораженные. А жена взяла кувшин и стала протирать его чем-то, чего они не могли рассмотреть. Вскоре она подошла к мужу и сказала:

— Кувшин готов.

Тогда он сказал ей:

— Подай гостям корову, которую я угнал у сирот.

Тут проповедники не выдержали и бросились вон из дома со словами:

— Прочь, сатана, у тебя мы ничего и в рот не возьмем!

А хозяин выбежал за ними вслед, крича:

— Братья, не уходите, сами посмотрите, как я вас угощу!

Но они отказались, поклявшись не иметь дела ни с домом скупца, ни с его добром и оставив всякую мысль о проверке его скупости.

БЕЗЗУБЫЙ ВДОВЕЦ ❖

Жил беззубый человек. У него была очень хорошая жена, которая разжевывала для него пищу. Но она умерла. Когда ее похоронили и все разошлись с похорон, ее муж остался и долго плакал на могиле. Уже солнце село, а он все еще сидел там и плакал. Там он и заночевал. Наутро, когда рассвело, на кладбище пришел какой-то старик. Увидев человека, сидящего на могиле, он подошел к нему, поздоровался и стал спрашивать, что случилось.

Вдовец говорит:

— Вчера умерла моя жена, тут ее похоронили.

— Ну если ее больше нет, то что же тебя удерживает на ее могиле? — спрашивает старик.

Человек говорит:

— Теперь, когда она умерла, разве есть для меня какая-нибудь надежда? Пусть здесь, на этом самом месте, отлетит моя душа!

— Наверное, она была тебе хорошей женой? — спрашивает старик.

— Да.

— Она была твоей единственной женой?

— Да.

— А за что ты так любил ее?

— У меня нет зубов, а она разжевывала мне пищу.

Тогда старик говорит:

— И что же, по-твоему, другая женщина на это неспособна?

— Да, пожалуй, способна.

Старик говорит:

— Так ступай и найди себе жену еще лучше прежней и женись снова.

Вдовец погрузился в раздумье и сказал себе: «А что, может, и вправду так и сделать?» Потом встал и говорит:

— Ей-богу, ты прав. Так тому и быть.

Вскоре он женился на другой женщине. Эта уже не разжевывала, а протирала для него пищу. И что же? Оказалось, что прожеванную пищу не сравнить с протертой — протертая оказалась куда сочнее и вкуснее!

И вот как-то утром человек отправился на могилу своей первой жены, чтобы сжечь ее. По дороге он встретил того самого старика, который в прошлый раз дал ему совет вторично жениться. Старик спрашивает:

— Где это ты собрался разложить костер?

Тот отвечает:

— Я хочу сжечь могилу моей покойной жены.

— Почему?

— Она меня обманывала.

— Как же она это делала?

— Понимаешь, у меня нет зубов. А она, когда разжевывала мне пищу, сок сама глотала, а мне оставляла только безвкусную жвачку.

— Когда же ты об этом узнал?

Беззубый говорит:

— Недавно.

— А как ты узнал?

— У меня теперь другая жена, и она мне пищу не разжевывает, а протирает.

Тогда старик спрашивает:

— А меня ты узнаешь?

— Нет.

Да ведь это я, когда ты плакал здесь, на могиле, посоветовал тебе жениться еще раз. А теперь я тебе говорю: та жена твоя, которая тебе, беззубому, пищу разжевывала, вовсе не была тебе плохой женой, даже если ты теперь и нашел себе лучше. Брось эту затею со сжиганием ее могилы. Лучше иди и помолись за нее. И знай, что на всякого хорошего человека есть еще лучший.

Дуновение дружбы

СОВЕТСКО-СОМАЛИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

*Николай Косухин**

Прошло тридцать лет с того времени, когда в Сомали в период с 27 июля по 22 декабря 1971 г. работала совместная комплексная Советско-сомалийская научная экспедиция.

Традиционные дружественные связи советского и сомалийского народов послужили той основой, на которой возникла идея совместной научной экспедиции. Видный советский африканист С.Р. Смирнов предложил организовать экспедицию для сбора материалов по истории национально-освободительного движения, развернувшегося в Сомали в начале XX в. Такая экспедиция, по мысли ученого, много лет занимавшегося изучением махдистского движения в Судане, позволила бы проследить связи и наметить параллели между этим движением и крупнейшей антиколониальной борьбой сомалийского народа в 1899–1920 гг., проходившей под предводительством сеида Мохаммеда Абдилле Хасана.

В марте–апреле 1963 г. С.Р. Смирнов встретился в Сомали с одним из сыновей сеида Мохаммеда — шейхом Абдурахманом — участником освободительного движения и хранителем имевшейся информации по истории этого движения. Абдурахман поддержал идею организации экспедиции. Одобрил ее и главнокомандующий сомалийской национальной армией генерал Дауд Абдилле Херси во время его посещения Института Африки АН СССР осенью 1963 г.

Большую роль в подготовке экспедиции сыграл директор Института Африки, чл.-корр. АН СССР В.Г. Солодовников.

Уже после кончины С.Р. Смирнова в Сомали произошли события, которые заставили по-новому взглянуть на задачи экспедиции. Военный переворот 21 октября 1969 г. привлек особое внимание исследователей к современным проблемам страны. В итоге была организована комплексная Советско-сомалийская научная экспедиция по изучению истории национально-освободительного движения первой четверти XX в. и социально-экономических преобразований, происходящих в Сомали. С сомалийской стороны ее участниками были: Джама Омар Иссе, автор ряда книг и брошюр по истории Сомали, и молодой археолог Саид Ахмед Варсаме, окончивший

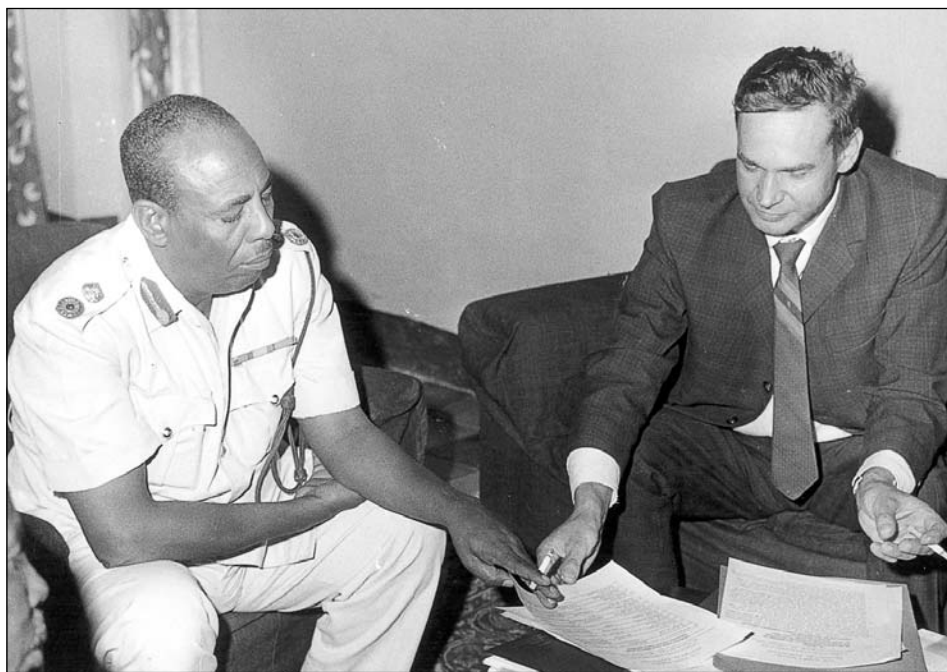
* Николай Дмитриевич Косухин (р. 1932) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. Член Научного совета РАН по проблемам Африки.

Ленинградский государственный университет. В состав экспедиции с советской стороны вошли научные сотрудники Института Африки АН СССР Н.Д. Косухин (начальник советской части экспедиции), П.И. Куприянов, А.В. Никифоров, В.П. Городнов, Е.С. Шерр.

Программа научных работ экспедиции предусматривала изучение национально-освободительного движения 1899–1920 гг. путем опроса свидетелей и участников войны дервишей, изучения на месте социально-экономических и политических процессов в современном сомалийском обществе: социальной структуры, проблем кочевого и земледельческого хозяйства, развития промышленности, государственного сектора. Экспедиции предстояло провести конкретные социологические обследования различных групп сомалийского населения. Кроме того, предполагалось провести рекогносцировочный археологический поиск в северных провинциях Сомалийской Демократической Республики (далее — СДР).

К работе экспедиции были привлечены советские ученые-геологи В.Н. Козыренко, О.А. Завадский, которые в тот период вели работы в Сомали по линии ООН.

Советские участники экспедиции прибыли в Могадишо 27 июля 1971 г. на специально созданную центральную базу. После ознакомления с обстановкой, согла-

*Президент Сомали Мохаммед Сиад Барре
и руководитель Советско-сомалийской экспедиции Н.Д. Косухин
(Фото Министерства информации Сомали)*

сования с местными властями маршрутов, уточнения индивидуальных планов они приступили к изучению архивов министерств и ведомств, научной литературы в библиотеках Национального университета, музея, служб ООН в Сомали.

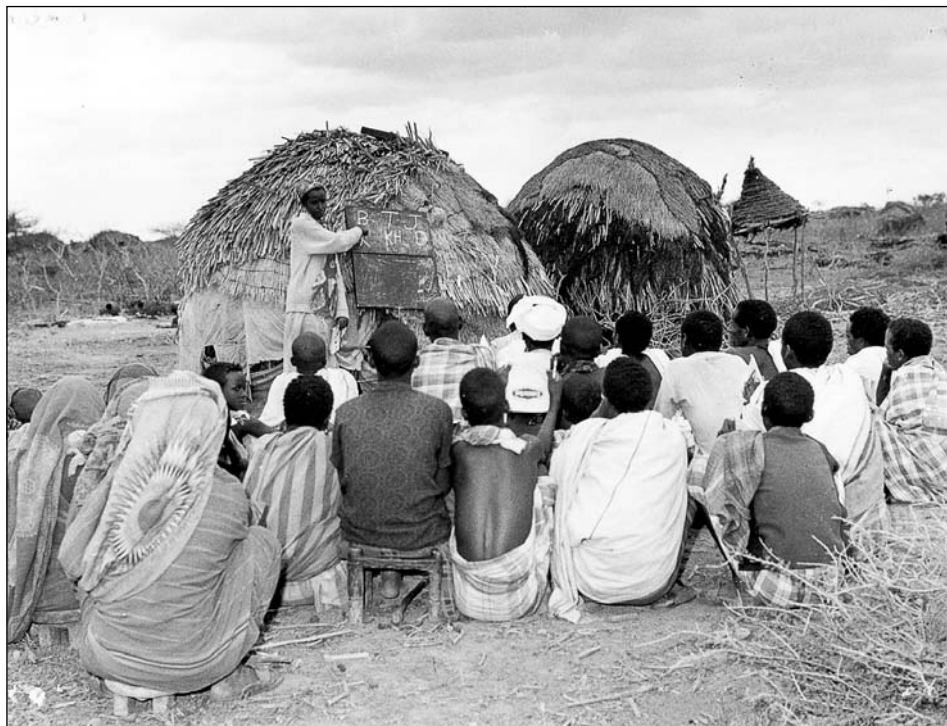
Сомалийская общественность и официальные лица проявили большой интерес к работам экспедиции. Непосредственное шефство над ней принял на себя Департамент культуры Министерства образования СДР. Сомалийские власти обеспечили экспедицию транспортом, переводчиками и проводниками. 10 сентября 1971 г. члены экспедиции были приняты президентом Верховного революционного совета СДР Мохаммедом Сиадом Барре, отметившим исключительную важность объективного изучения исторического прошлого сомалийского народа, которое некорректно освещалось в работах западных авторов.

В сентябре экспедиция развернула свои исследования на предприятиях Могадишо, Балада, Джохара, фермах, плантациях и в кооперативах провинций Бенадир и Верхняя Джуба. В конце месяца экспедиция разделилась на две группы: первая (историки, этнограф и археолог) направилась на север, а вторая (экономисты и социолог) — на юг республики. Северная группа, базируясь в г. Харгейса, совершила двухнедельную поездку по маршруту Харгейса–Бурао–Эригаво–Талех–Лас-Анод–Харгейса; южная, базировавшаяся в г. Кисмаю провинции Нижняя Джуба провела работы в Кисмаю и окружающих районах, в том числе в Афмаду, Джелибе, Джамаме. В ноябре обе группы, воссоединившись, вели исследования в северных провинциях страны. Были проложены маршруты в Берберу, Шейх, Бурао, Гелинсор, Борамо, Туг-Ваджале, Зейлу. Отдельные группы участников экспедиции совершили поездки в Гароэ, Афгой, Джохар, Эйль (здесь была обследована знаменитая крепость Давот, построенная сеидом Мохаммедом в начале XX в.).

Участники экспедиции производили фотосъемки, собирали рукописные и печатные материалы, сняли кинофильм о современном Сомали. Экспедиции были переданы демографо-статистические отчеты, составленные на основании исследований, проведенных Министерством планирования и координации в Могадишо, Харгейсе, Кисмаю, Афгое, Джелибе, Бербере и других городах, районных центрах и округах. Ряд сомалийских авторов предоставили экспедиции свои очерки, посвященные отдельным эпизодам истории страны. Например, Дахир Афгарше передал рукопись, в которой рассказывается о личности сеида Мохаммеда, шейх Ахмед Абдуллахи — рукопись главы «История Сомали» (о восстании дервишей), Ахмед Артан — заметки по истории восстания сеида Мохаммеда.

Сотни жителей страны, от государственных секретарей и губернаторов провинций до простых кочевников-скотоводов и рабочих, стремились помочь ученым в их работе. Услышав о прибытии экспедиции, сомалийцы приходили за десятки километров, чтобы рассказать о каком-либо историческом эпизоде, спеть забытый габей¹ сеида Мохаммеда или же принести свои записи по истории и фольклору страны.

¹ Габей — сомалийский поэтический жанр. — *Примеч. ред.*

*На занятиях в деревне Було Мерерта (округ Афгой).
(Фото Министерства информации Сомали)*

Впервые в практике советской африканистики было проведено выборочное социологическое обследование отдельных групп сомалийского населения путем опроса, интервью, наблюдений, контент-анализа и др. В результате получены материалы, характеризующие процессы формирования рабочего класса, его связь с сельским укладом, переход на оседлость кочевников-скотоводов. Большой интерес представляют ответы учащейся молодежи, раскрывающие ее общественные и личные интересы, отношение к социально-экономическим мероприятиям военного правительства.

Члены экспедиции выступили с рядом статей в местной печати, в которых освещались первые результаты полевых работ. Работе экспедиции оказывали содействие Министерство труда и спорта, редакция газеты «Стелла д'Оттобре», Национальный комитет по координации программ движения самопомощи и связям с общественностью (Политическое управление при ВРС). Большую помощь экспедиции оказали известный историк и государственный деятель Сомали Али Матан Хаши и сомалийский ученый Муса Галаал. Так, Муса Галаал рассказал нам о существовании в стране народного сомалийского календаря, где каждый год имеет название дня недели;

через каждые семь лет летосчисление начинается сначала. Согласно этому календарю, экспедиция прибыла в страну в год «пятницы» — предвестник катастрофического наводнения. Уже тогда мы удивились цикличности сомалийского календаря, но не придали этому особого значения. Однако в ноябре на севере страны в районе Лас-Хора произошло страшное бедствие. Штормовые волны Индийского океана нанесли большой урон народному хозяйству, а главное — разбушевавшаяся стихия унесла несколько десятков жизней сомалийских граждан.

Действительно ли сомалийский календарь настолько точен в своем предсказании или это просто стечение обстоятельств? Как отделить действительные факты от вымышленной истории, легенд, преданий, принимая во внимание, что сомалийский народ не имел своей письменности?

Нам предстояло изучить новейшую историю национально-освободительного движения 1899–1920 гг. Важнейшее значение при этом придавалось беседам с участниками и современниками освободительного движения, в частности с родственниками сеида Мохаммеда: его сыном — шейхом Абдилле Хакимом и братом — шейхом Хасаном. В соответствии с программой были проведены исследования в северной части Сомали, составлявшей Британский Сомалиленд, где происходили основные события освободительного движения. Большинство западных исследователей излагали историю национально-освободительного движения в Сомали с колониалистских или неоколониалистских позиций, затушевывали антиколониальную направленность освободительной борьбы, пытались представить ее как чисто религиозное движение, а самого сеида Мохаммеда называли Сумасшедшим, Безумным муллой. Они приукрашивали и, по существу, оправдывали действия колониальных властей, приписывая им мнимые победы во многих сражениях с армией повстанцев.

Советским и сомалийским ученым предстояло воссоздать подлинную историю этого движения на основе изучения новых материалов и документов. Важнейшим и до сих пор малоиспользованным источником служат многочисленные устные поэтические габеи сеида Мохаммеда, многие из которых не опубликованы. Экспедицией были записаны некоторые габеи, сохранившиеся в народной памяти. Кроме того, удалось записать беседы не только с родственниками, но и с другими сподвижниками и современниками сеида Мохаммеда, например с Мохаммедом Хошем из селения Бохотле, Дахиром Афгарше — сыном одного из ближайших друзей сеида Мохаммеда (Д. Афгарше — сотрудник радио Могадишо), Абди Нур Хидигом и Абди Варсаме Гулидом (оба — из г. Эригаво; они в течение длительного времени сражались в рядах повстанцев), Джамой Исмаилом Мире — сыном Исмаила Мире, командиром отряда, разгромившего в 1913 г. подразделение верблюжьей кавалерии британских войск, которым командовал Корнфилд. Важные подробности представил экспедиции председатель сельскохозяйственного кооператива «Кориссоо» («Растущий») — семидесятилетний Мохаммед Дади. Старый повстанец хорошо знал сеида Мохаммеда и участвовал в переносе его праха, который необходимо было скрыть от английских колонизаторов. Чрезвычайно интересным для реконструкции событий того времени был рассказ старого каменщика Салема Ахмеда Салаха (г. Эйль), отец которого и он сам участвовали в строительстве крепостей Давот и Талех.

Таким образом, деятельность экспедиции вовлекла общественность страны в работу по восстановлению героического прошлого народа и способствовала развитию его национального самосознания.

Результаты этой совместной работы были опубликованы в «Ученых записках советско-сомалийской экспедиции» (М., 1974). Проанализированные участниками экспедиции источники говорят о том, что движение сомалийских дервишей было значительным событием в новой истории Африки — его можно поставить в один ряд с махдистским движением в Судане, борьбой за создание Республики Риф в Марокко и др. Уделяя значительное внимание освободительному движению начала века, экспедиция изучала также и другие эпизоды и события национально-освободительной борьбы в Сомали, в частности связанные с деятельностью Лиги молодых сомалийцев. Участники экспедиции встретились с активистами женского движения, которые хорошо помнят героиню Сомали Хаво Тако, погибшую во время антиколониальной демонстрации в Могадишо 11 января 1948 г., и записали их рассказы; в 1971 г. в столице был воздвигнут монумент в память этой отважной дочери сомалийского народа.

*Парад, посвященный годовщине Октябрьской революции 1969 г. Могадишо, 1971 г.
(Фото Министерства информации Сомали)*

Хотя экспедиция не занималась проблемами национально-освободительного движения 1920–1959 гг., но собранные ею отрывочные данные свидетельствуют о том, что антиколониальная борьба не угасала и в эти годы, что подтверждается также материалами о восстании в Эль-Буре (1926) и массовых демонстрациях 1948 и 1949 гг.

Освободительное движение под руководством сеида Мохаммеда было звеном в цепи событий, связанных с борьбой сомалийского народа против угнетателей и колонизаторов, и нашло свое выражение в революционном выступлении военных 21 октября 1969 г. Во время встреч и бесед с сомалийскими военными последние нередко высказывали свои соображения по поводу «воссоединения всех сомалийских территорий». Очевидно, территориальные притязания Сомали к Эфиопии, Кении, Джибути дали толчок к созданию мощной национальной армии. Поражение Сомали в Огаденской войне с Эфиопией привело к постепенному разложению режима Сиада Барре, внутренним вооруженным столкновениям, хаосу и фактической дезинтеграции страны в начале 1990-х годов.

Изучение проблем кочевников-скотоводов страны, составлявших 60 % населения Сомали, позволило сделать важные выводы, имеющие не только теоретическое, но и практическое значение.

В результате рекогносцировочного археологического поиска, проведенного Саидом Ахмедом Варсаме и А.В. Никифоровым, были исследованы остатки средневековых поселений и городов, расположенных в северо-западной провинции. Наибольший интерес здесь представляют археологические памятники Гургаб, Амуд, Абаса, а также следы средневекового поселения на о-ве Саад-дине. Эти памятники описаны, составлен план отдельных, наиболее интересных и сохранившихся зданий, сделаны снимки объектов, а также собран подъемный археологический материал, большая часть которого передана в Министерство образования СДР.

Особый интерес представляет обследование и описание наскальных рисунков и надписей, имеющих важное значение для изучения культуры, хозяйства и быта населения Сомали ранних эпох. Члены экспедиции имели возможность посетить пещеры и описать наскальные рисунки в Год-Хардунне, расположенном в районе Эйль-Афуэйна.

Кроме статей непосредственных участников экспедиции, в «Ученых записках советско-сомалийской экспедиции» опубликованы научные работы советских специалистов Л.Л. Галкина, О.А. Завадского, В.Н. Козыренко, В.С. Ларцева, а также сомалийских авторов Мусы Галаала, Омара Ау Нуха, Ахмеда Али Абукара. Деятельность экспедиции была продолжена в феврале 1973 г., когда в Сомали в течение месяца находились П.И. Куприянов и Е.С. Шерр. Кроме того, в 1972 г. члены советской части экспедиции имели возможность обменяться мнениями о ходе работ с вице-президентом Сомали Мохаммедом Али Самантаром, членом ВРС Али Матаном Хаши и Абдуллахи — внуком сеида Мохаммеда, во время их визита в Институт Африки АН СССР.

Результаты полевых исследований, теоретические положения и практические выводы сомалийских и советских ученых по истории национально-освободительного движения и социально-экономическим и политическим проблемам современно-

го Сомали представлены в «Ученых записках советско-сомалийской экспедиции», монографии Е.С. Шерра «Сомали в борьбе за социалистическую ориентацию» (М., 1974), книге В.П. Городнова и А.В. Никифорова «Путешествие в Талех» (М., 1976). Особый интерес представляет Рабочий дневник советско-сомалийской экспедиции, изданный под грифом «Для служебного пользования» Институтом Африки в 1973 г.¹

Организация и проведение многомесячной экспедиции финансировались правительством нашей страны, учитывавшим важность совместных исследований советских и сомалийских ученых.

Деятельность экспедиции, помимо научного значения, способствовала и развитию дружественных связей народов двух стран. Экспедиция внесла ряд конкретных рекомендаций сомалийскому правительству по проблемам научных исследований. Авторитет советских участников экспедиции в Сомали был чрезвычайно высок. Не случайно Н.Д. Косухин и Е.С. Шерр в 1974 г. были приглашены для участия в национальной кампании по ликвидации неграмотности среди сельского населения Сомали.

Однако позитивные явления в деятельности правительства Сомали вскоре были свернуты. В последующие годы националистические настроения привели к развитию тоталитарных тенденций в деятельности правящего режима Сиада Барре. В результате возникли оппозиционные клановые военно-политические группировки, которые ввергли страну в состояние хаоса и анархии. Все усилия международного сообщества прекратить кровопролитие в стране до сих пор не увенчались успехом.

¹ Далее мы публикуем отрывки из этого дневника.

СОМАЛИ, КОТОРОГО БОЛЬШЕ НЕТ

*Николай Косухин,
Александр Никифоров, Евгений Шерр*

(Отрывки из рабочего дневника
Советско-сомалийской научной экспедиции 1971 г.)*

МОГАДИШО: НАЧАЛО РАБОТ

27 июля

Прибытие советской части комплексной советско-сомалийской историко-социологической экспедиции в столицу Сомалийской Демократической Республики — Могадишо.

Температура воздуха +27°C. Продолжается сезон дождей; дует юго-восточный муссон.

В аэропорту экспедицию в составе к.и.н. Косухина Н.Д. (начальник), к.э.н. Куприянова П.И. (зам. начальника), ст. научного сотрудника, к.и.н. Городнова В.П., мл. науч. сотрудников Шерра Е.С., Никифорова А.В. встречали: вице-консул советского посольства т. Кирюшин В.И. и представитель департамента культуры Министерства образования СДР Ахмед Артан.

Ахмед Артан, работник подкомиссии по составлению учебников для сомалийских школ, выпускник филфака МГУ им. Ломоносова, прилично говорит по-русски, но предпочитает объясняться по-английски.

Члены экспедиции разместились в центральной гостинице «Шебели». Стоимость двухместного номера в сутки (без кондиционера, фена и ванны) — 55,70 сом. шилл. Курс на июль 1971 г.: 100 сом. шилл. = 12,6 руб.

Начали питаться в столовой советского посольства. Примерная стоимость одного обеда — 6,5 сом. шилл., ужина — 3–4 сом. шилл.

29 июля

Знакомились с литературой об Африке, которая имеется в продаже. С удовлетворением отметили, что в магазине «Саматер букшоп» имеются издания нашего Института: «История Африки (1917–1967)», «Африка в советских исследованиях», «Говорят

* Сохранены стиль и орфография первоисточника.

африканские коммунисты» и другие публикации издательства «Прогресс», «АПН». Газеты и журналы: «Новое время», «Москоу Ньюс» и др.

В магазинах продаются книги русских и советских писателей, изданные в Англии: А.П. Чехова, М.А. Шолохова, К.Г. Паустовского, Е.А. Евтушенко и др. В целом подборка литературы — на достаточно высоком уровне.

По наблюдениям советских товарищей, ранее бывавших в Сомали, в городе значительно уменьшилось число европейцев. Он приведен в порядок, заасфальтированы многие улицы, по которым курсируют такси марки «фиат». Встречаются магазины под названием «Москва», «Украина», парикмахерская «Москва». В магазине «Украина» молодой торговец приветствовал нас словами: «Здоровеньки булы!»

В магазинах, где мы побывали, на видных местах висят портреты Сида Барре.

Участники экспедиции — сотрудники Института Африки АН СССР — обсуждают предстоящую поездку. Москва, 1971 г.

7 АВГУСТА

Утром вместе с шейхом Джамой и Саидом Ахмедом посетили Национальный музей. Директор музея — М. Хасан Юсуф рассказал об истории создания музея, о его экспонатах. В ходе объяснений он остановился на двух проблемах: во-первых, сомалийский народ — народ древней цивилизации, имеющий единый язык, самобытную

историю и культуру. Во-вторых, территория страны разделена на пять частей, три из которых находятся под господством других государств.

Здание музея было построено в 1873 г. и являлось резиденцией наместника занзибарского султана. Впоследствии здание служило резиденцией итальянских колониальных властей. С 1934 г. — Национальный музей. Но только с 1965 г. музей стал пополняться новыми экспонатами.

Как рассказал М. Хасан Юсуф, английская военная администрация во время II мировой войны вывезла половину наиболее ценных экспонатов. В целом музей носит этно-краеведческий характер, экспонаты — XIX–XX вв. Археологических материалов очень мало: несколько мусульманских надгробий, каменные плиты из старых мечетей с надписями. Сейчас здание музея ремонтируется.

В здании музея также находится Национальная библиотека.

17 АВГУСТА

Утром состоялась трехчасовая беседа с Мусой Галаалом, крупнейшим сомалийским ученым-просветителем, большим знатоком истории, традиций, нравов, устного народного творчества своего народа.

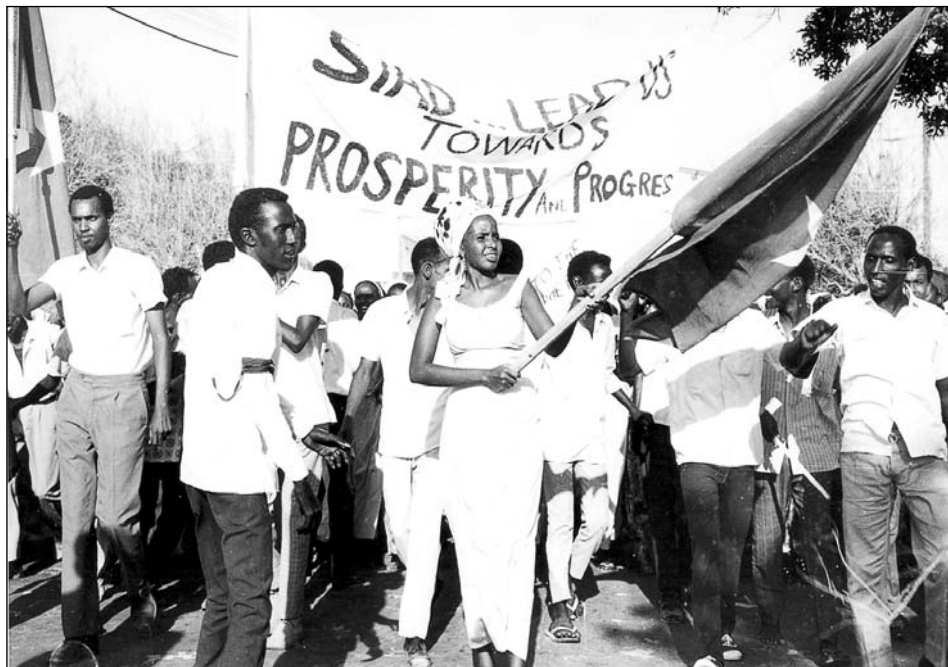
В настоящее время он является членом национальной комиссии по разработке сомалийской письменности, членом региональной комиссии Организации стран Центральной и Восточной Африки по сохранению культуры, представитель ЮНЕСКО в Сомали (глава национальной комиссии).

Муса Галаал приветствовал начало работы совместной научной экспедиции, отметил, что он также был инициатором этого начинания в 1963 г. По его мнению, именно культурные и научные связи между нашими народами явятся наилучшим каналом для взаимопонимания и укрепления дружбы.

В ходе беседы он изложил свое мнение на методы и формы работы экспедиции, подчеркнув важность изучения устного народного творчества (в условиях отсутствия письменности), а также археологических изысканий. На его взгляд, наша экспедиция должна носить рекогносцировочный характер, т.е. подготовить хорошую основу для последующих глубоких исследований.

В подготовленном им документе для ВРС (экземпляр которого подарен экспедиции) «Некоторые заметки о связи сомалийского фольклора с идеями социализма в Сомали» отмечаются традиции коллективизма, взаимопомощи, добрососедства, братства и равенства.

Он рассказал, что первых исследователей сомалийского народного творчества население встречало исключительно гостеприимно и радушно, но когда по их следам прошли колонизаторы, использовавшие данные этих исследований в своих корыстных целях, у сомалийцев появилась крайняя подозрительность и враждебность к исследователям. Муса Галаал настоятельно рекомендовал нам быть чрезвычайно осторожными и осмотрительными. Не делать поначалу никаких записей, а завоевать доверие и только потом просить разрешения записать беседу. При этом он советовал не очень полагаться на правительственных чиновников в наших свя-

Участники демонстрации, посвященной годовщине Октябрьской революции 1969 г. Могадишо, 1971 г. (Фото Министерства информации Сомали)

зях с местным населением, так как они уже в значительной степени оторваны от образа жизни кочевников.

Большое место в его рассказе заняла история сомалийского народа. По его словам, еще в доисламский период в Сомали существовала яркая, самобытная культура, свидетельства которой имеются по сей день (отдельные доисламские праздники, календарь и т.д.)

По его мнению, изучение габеев — устных поэтических произведений сомалийского народа (он несколько раз пел в нашем присутствии) являются важнейшим источником для изучения национально-освободительного движения, восстания дервишей под руководством М.А. Хасана. Его габей написаны сложным, иносказательным языком и даже для Мусы Галаала они представляют трудность для понимания. Однако он считает необходимым изучение не только габеев Хасана, но и габеев его противников. Габей, опубликованный в книге «Сомалийская поэзия» под названием «Дорога справедливости», нуждается в новом толковании и в новом переводе, ибо в нем заложен переломный момент в мировоззрении М.А. Хасана — от чисто религиозного к религиозно-националистическому.

М.А. Хасан никогда не объявлял себя «махди», как это было, например, в истории Судана.

Недавно Муса Галаал вернулся с Хартумского семинара, на котором он выступил по вопросу культурных и традиционных связей между суданским и сомалийским народами.

Муса Галаал подготовил для публикации ЮНЕСКО два больших тома антологии сомалийского фольклора и сомалийских обычаев.

В частности, наше внимание привлёк сомалийский календарь, в котором каждый год имеет название дня недели. С 30 июня начался год «пятницы». По сообщению Галаала, многие явления происходят циклично, в частности засухи — каждый седьмой год, холера — пятнадцатый и т.д. Нынешняя «пятница» является предвестницей катастрофического наводнения. «Суббота» является «счастливым» годом, но «по воскресеньям» наступают засухи и по «понедельникам» — наводнения. Предсказания погоды чаще всего основаны на поведении животных: верблюдов, коз, газелей и т.д.

26 АВГУСТА

Н.Д. Косухин и П.И. Куприянов присутствовали на утренней информации в посольстве. В газете «Стелла д'Оттобре» объявлен конкурс на написание национального гимна, в котором должны быть отражены: 1) прогрессивные сомалийские традиции; 2) приверженность сомалийского народа исламской религии; 3) героическая история борьбы за свободу; патриотические и национальные чувства народа; 4) богатое искусство и культура; 5) революционный дух народа.

Н.Д. Косухин присутствовал на пресс-конференции, которую проводил пресс-атташе советского посольства Е.М. Бирюков. Конференция была посвящена разоблачению фальсифицированной брошюры «Советский Союз и ислам», изданной под грифом АПН.

Получили книгу для временного пользования, написанную египетским ученым Мазруком «Разгневанный сомалиец» (Каир, 1964 г.).

Встреча показала, что сомалийская сторона стала проявлять большую заинтересованность к работе экспедиции. Обещали широко рекламировать работу экспедиции, организовать встречу с представителями сомалийской общественности, предоставить в распоряжение экспедиции записи бесед работников департамента с участниками национально-освободительного движения.

На встрече присутствовали корреспондент и фотокорреспондент СОННА¹.

В ходе встречи выяснилось, что ВРС уделяет большое внимание увековечению памяти героев, павших в борьбе за независимость. В настоящее время в центре города методом народной стройки сооружается памятник активистке «Лиги молодых сомалийцев», погибшей от рук колонизаторов в 1948 г., Хаво Тако. Недавно создана комиссия под председательством чрезвычайного комиссара Могадिशо майора Джелле для сбора данных о жизни и деятельности этой героини.

¹ СОННА — Сомалийское национальное информационное агентство. — *Примеч. ред.*

*Учителей доставляют на занятия (округ Брава).
(Фото Министерства информации Сомали)*

По сообщению члена комиссии по разработке письменности, в настоящее время правительству представлены рекомендации о выборе варианта сомалийской письменности. Ожидается, что ко 2-й годовщине Революции ВРС примет окончательное решение по этому вопросу. Комиссия подготовила проекты учебников для начальной школы.

29 АВГУСТА

Накануне отъезда В.П. Городнов и Е.С. Шерр встретились с ведущим сомалийским романистом Нуруддином Фарахом¹. Писатель рассказал, что первые его рассказы были написаны в 1965 г. и напечатаны в газете «Сомали Ньюс». Затем он уехал на учебу в г. Чандигарх (Индия), где окончил колледж. Он написал несколько рассказов, одну пьесу и три романа. Фарах сказал, что его любимые писатели — А.П. Чехов,

¹ Нуруддин Фарах (Нуруддин Фара) — современный сомалийский писатель. Подробнее о его творчестве см. статью Анны Мильто «Нуруддин Фара — писатель-изгнанник и кризис идентичности в Сомали» в настоящем номере «Чёток».

Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский. Из советских поэтов ему нравится Е. Евтушенко. А.С. Пушкина он считает потомком сомалийцев, проживавших в древности в провинции Харар. Это мнение разделяет и член нашей экспедиции Саид. По возвращении из Индии Фарах преподавал английский язык и английскую литературу в средней школе в Могадишо, затем — в педагогическом колледже в Афгое. В сентябре Фарах уезжает на учебу в университет г. Лидса (Англия) на два года, где будет совершенствовать изучение английского языка и литературы.

5 СЕНТЯБРЯ

Состоялась вторичная поездка на место массовой вакцинации скота, примерно в 60 км на северо-запад от Джохара в населенный пункт Бийод. На пути следования часто встречались поселения, искусственные водоемы «уары» с дождевой водой.

Бийод — довольно крупное поселение; дома — прямоугольные с двухскатной крышей. Имеется хорошо оборудованный государственный колодец с насосом (работает движок, который обслуживает присланный из Могадишо механик). Он вместе с полицейским представляет местную администрацию. В населенном пункте имеется школа и медицинский пункт.

На вакцинацию было пригнано большое количество различных пород скота, преобладали верблюды, которых, как нам сказали, было не менее тысячи. Население с интересом отнеслось к приезду советских людей. С большой благодарностью принимали от нас московские сувениры.

Беседовали с несколькими кочевниками. В присутствии большого количества людей информаторы отвечают на вопросы с большой неохотой. Пришлось позвать на помощь полицейского, но и эти меры не помогли. Информаторов вынуждены были пригласить для беседы в машину.

Более словоохотливым оказался 70-летний старик, его хорошо знает ветврач, который и попросил ответить на наши вопросы. Старик выглядит значительно моложе своих лет: довольно бодр и подтянут. У него четыре жены (первой — 45 лет, последней — 26), 13 детей (старшему сыну — 26 лет, младшему — 2 года). За 4 жен уплатил выкуп — 70 голов различного скота и около 1000 шиллингов. Старший сын женат, но продолжает жить в доме отца, который выделил ему 20 верблюдов.

В хозяйстве старика — 100 верблюдов, 20 голов крупного рогатого скота, 40 голов овец и коз. Земледелием не занимается. Об организации перекочевков старик рассказал следующее.

Кочуют группами, численность которых может меняться в пределах от 5 до 20 семей, иногда и больше. Объединение соседское, не обязательно родственники. Перед тем как совершить перекочевку, для разведывания новых пастбищ посылают знающих людей — сахн. Иногда им приходится искать новое пастбище около месяца. Раньше существовали споры относительно пастбищ, сейчас — редко. На вопрос: «Почему?» — старик ответил: «Раньше не было сомалийцев, сейчас мы — сомалийцы!»

Встают кочевники рано — в 4 часа утра (примерно), ложатся спать в полночь. В самое жаркое время дня скот сам располагается в тени деревьев или сбивается в группы. Здесь можно отдохнуть и людям.

Вечером вернулись в Могадишо.

6 СЕНТЯБРЯ

Утром состоялась встреча Н.Д. Косухина с генеральным директором Министерства юстиции и религии Абдуллахи, на которой присутствовал шейх Джама.

В состоявшейся беседе были затронуты вопросы о роли ислама и об участии религиозных деятелей в строительстве нового общества. Абдуллахи придерживается широко распространенной в мусульманском мире концепции, согласно которой принципы социализма присущи религии ислама (в качестве примера Абдуллахи привел требование Корана помогать бедным и т.д.). Культура и традиции народа развивались и утверждались также в соответствии с принципами и догмами мусульманской религии. Говоря о роли религии в национально-освободительном движении, Абдуллахи утверждал, что движение Мохаммеда Хасана, а также организации армии дервишей основывались опять-таки на принципах ислама.

В беседе был затронут также вопрос о состоянии религии в Советском Союзе. Абдуллахи сказал, что сомалийцы знают, что в СССР существует свобода вероисповедания и что Советский Союз не ставит во главу угла в своих отношениях с другими странами религию.

В заключение Абдуллахи поблагодарил за экономическую и техническую помощь, которую СССР оказывает Сомали. Эта помощь заставляет сомалийцев работать еще лучше и больше на благо родины. «Мы говорим с вами как друзья, такая же дружба существует и между нашими народами. Прошу вас передать советскому народу благодарность за помощь, которую он оказывает нам». Со своей стороны г-н Абдуллахи обещал всяческое содействие в работе экспедиции.

Вечером того же дня продолжалась теоретическая конференция в советском посольстве на тему: «Эффективность советско-сомалийского экономического сотрудничества». В конференции приняло участие более 10 человек.

В сообщении т. Купорева (Аппарат экономического советника) «Пути повышения советско-сомалийского экономического сотрудничества» говорилось об общих показателях в развитии экономики страны. Указывалось, что построенная с помощью Советского Союза типография в Могадишо уже дает стране прибыль; за первое полугодие 1971 г. она составила 747 тыс. сомал. шилл. Имеются резервы для повышения рентабельности типографии, например много заказов передается частным типографиям.

Начал прибыльно работать и молокозавод в Могадишо; на повестке дня стоит создание бытовых молочных кооперативов и молочно-товарной фермы.

Популярностью пользуются больницы, построенные Советским Союзом в Шейхе и Уоджите. Морские перевозки через порт Бербера, построенный при помощи советских специалистов, составляют почти 50 % грузооборота всей страны. Толь-

ко за первое полугодие 1971 г. прибыль здесь составила около 2 млн сомал. шилл. В 1971 г. в Берберском порту национализированы стивидорные операции, что позволяет увеличить рентабельность порта еще больше.

Резервные мощности мясокомбината в Кисмаю также позволяют увеличить экспорт мясоконсервов в три раза. С Советским Союзом подписано соглашение на поставку в течение трех лет по 10 млн банок консервов в год — на 13 млн сомал. шилл. Комбинат на 10 % увеличил проектную мощность. В 1970 г. на комбинате работало 32 советских специалиста, в настоящее время — только 10.

Трудности развивающейся промышленности в республике заключаются в том, что недостаточно быстро решаются вопросы подготовки национальных кадров, проблемы сбыта и т.д.

В СССР получило образование около 550 сомалийцев. На государственных объектах, построенных с советской помощью, занято свыше 2 тыс. сомалийских рабочих.

Производство зерна за год составляет около 150 тыс. т, а импорт — около 50 тыс. т. В то же время уже сейчас возможно производить 400 тыс. т зерна путем расширения ирригационной системы и т.д.

В стране имеются возможности для выращивания или увеличения производства овощей, фруктов, риса, табака, масличных культур и т.д.

*Сбор хлопка, выращенного при помощи советских специалистов.
(Фото Министерства информации Сомали)*

Выступивший в прениях бухгалтер мяскокомбината в Кисмаю тов. Потрясаев сообщил, что с 16 июня 1971 г. на мяскокомбинате введен двухсменный рабочий день, в результате чего была достигнута проектная мощность 55–60 тыс. банок в день. В августе проектная мощность была перекрыта на 10 %. На сентябрь планировалось увеличить проектную мощность на 20 %. Комбинат дает прибыль, но еще есть и резервы. Например, уже третий год простаивает оборудование, предназначенное для использования отходов; из-за этого в 1971 г. за 8 мес. недополучено 160 тыс. сомал. шилл. В целом по разным причинам комбинат недополучает 450 тыс. сомал. шилл. На комбинате не хватает рабочих, технических специалистов. Советские специалисты работают по две смены. Им не дают учеников-сомалийцев для обучения. В октябре Советским Союзом полностью будет выполнено обязательство по закупке 10 млн банок мяскоконсервов, запланированных на этот год.

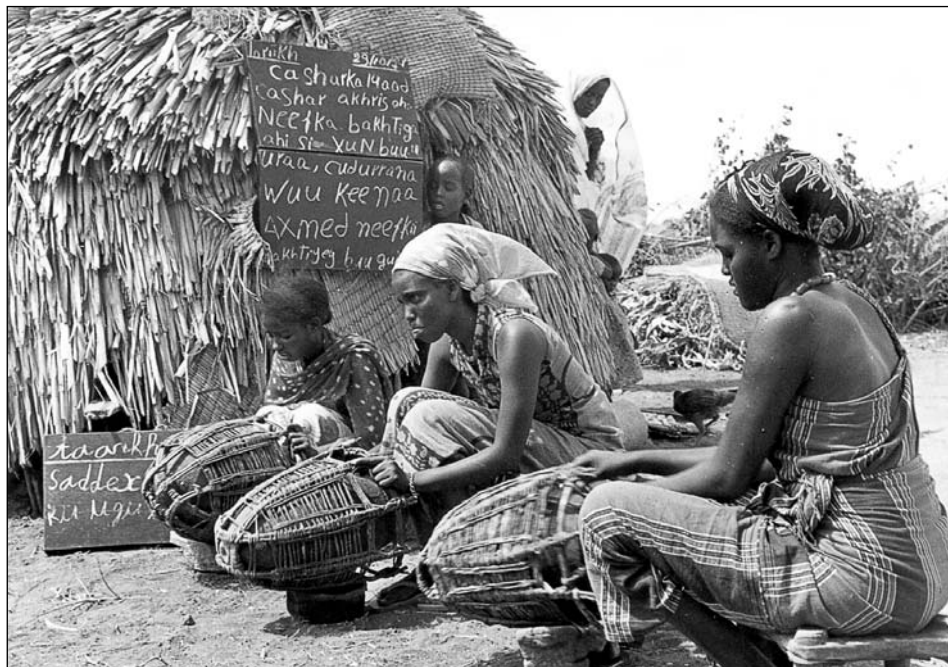
Сотрудник Аппарата экономического советника т. Григорьев рассказал о перспективах развития рыбного хозяйства в Сомали. В связи со сложными погодными условиями рыбная ловля носит сезонный характер.

В стране действуют два итальянских завода — в Хабо и Кандале. Итальянцы проводят политику подкупа вождей, чтобы снизить закупочные цены на рыбные уловы. Подобными хитростями они заставляют рыбаков сдавать улов на свои заводы, а не на государственный завод в Лас-Хоре, построенный с помощью СССР. На итальянских заводах себестоимость производства рыбных консервов низкая, на предприятиях применяется жестокая эксплуатация женского и детского труда, царят антисанитарные условия.

В 1970 г. на заводе в Лас-Хоре выработано 1,1 млн банок консервов; осенью 1971 г. завершит изыскание рыбных ресурсов в Аденском заливе наше исследовательское судно «Железняков». Наиболее эффективен ярусный и частично кошельковый лов рыбы в этих водах.

Представитель могадишского молокозавода тов. Марков рассказал, что по проекту завода предусматривалась закупка молока по 0,5 шилл. за литр, а производство большей части продукции — в нерасфасованном виде. На самом деле закупка молока производится по 1 шилл. за литр, а 90 % продукции фасуется. Несмотря на это, сменная проектная мощность достигнута. В скором времени будет приобретен автомат по упаковке молока в бумажные пакеты. Производство сыра также не предусматривалось, но советские специалисты организовали его. Молокозавод испытывает трудности, характерные для других предприятий страны, построенных с советской помощью: нет сомалийских дублеров у наших специалистов: за 5 лет ни один сомалиец не был командирован для учебы на молочное производство; трудности с водоснабжением.

Руководитель группы советских советников при министерствах СДР тов. В.Н. Арсеньев сделал сообщение о новом трехлетнем плане развития на 1971–1973 гг. Он кратко рассказал о содержании и задачах плана. Как и прежде, главным источником ассигнований остается иностранная помощь, большая часть государственных ассигнований будет расходоваться на развитие инфраструктуры. Первый вариант плана, составленный сомалийскими экономистами, был передан на рассмотрение советским советникам при министерствах. Они внесли свои предложения, которые

*Женщины сбивают коровье масло
(округ Мерка).
(Фото Министерства
информации Сомали)*

были учтены во втором, исправленном варианте плана. Так, например, были включены предложения о проведении переписи населения, об осуществлении контроля за выполнением плана и т.д.

Тем не менее план не лишен недостатков и в исправленном виде: высок удельный вес иностранной помощи, причем основная часть этой помощи направляется в инфраструктуру и непроизводительную сферу. Значительную долю внешней помощи должна составить помощь КНР (147 млн сомал. шилл., или 18 % ассигнований из внешних источников).

Помощь СССР составит 8 млн сомал. шилл. (1 %).

Основная трудность при составлении планов — отсутствие статистической базы.

Тов. Арсеньев, в свою очередь, считает, что насущными потребностями для Сомали являются: проведение кадастра земель и каналов и введение платы за воду для орошения.

Советник при Министерстве финансов тов. Ю.П. Литинский рассказал о финансовых проблемах Сомали. Он подчеркнул, что «даровые» кредиты порождают ин-

фляционные тенденции, что может неблагоприятно сказаться на дальнейшем экономическом развитии страны.

Организация финансовой системы страны представляется слишком громоздкой. Министерство финансов ведаёт текущим бюджетом и бюджетом развития; у муниципальных советов, а также на автомобильных предприятиях своя финансовая система. Таким образом, отсутствует централизация, единство финансовой, бюджетной и кредитной политики.

Платежи в бюджет намного отстают от плана доходов, в результате чего плохо обстоит дело с мобилизацией ресурсов. Подсчеты показывают, что через госбюджет перераспределяется всего около 25 % национального дохода страны. Страна постоянно испытывает бюджетный дефицит. Основные трудности, которые испытывает финансовая система страны, — объективного характера: нет настоящей промышленности, которая может составить твердую базу для бюджета. Кроме того, финансовые органы не обеспечены квалифицированными кадрами, плохо обстоит дело с финансовой дисциплиной, со сборами налогов и т.д. На решение финансовых вопросов большое влияние оказывают представитель Международного валютного фонда, а также итальянские советники.

В выступлении доктора геолого-минералогических наук В.Н. Козыренко говорилось о значении развития минеральных ресурсов Сомали для советско-сомалийского экономического сотрудничества, в первую очередь — открытые месторождения урановых руд в провинции Мудуг. Вторым важным открытием является пьезооптический кварц, обнаруженный на севере страны.

По предварительным расчетам, имеются значительные запасы шаговых ильменитовых руд в районе Кисмаю. На севере найдены месторождения кианита, касситерита, марганца, гипса и др.

Тов. В.В. Степанов (советник Национального банка) рассказал о значении банков в развитии экономики Сомали.

С 1 января 1971 г. начали работать Сберегательно-кредитный банк Сомали и Банк развития Сомали. Национальный банк Сомали, по существу, не выполняет функции центрального банка. Его методика работы напоминает принятую на Западе: он — не регулятор, не контролер, а лишь фиксатор, советник. Банковская система испытывает те же трудности, что и финансовая система страны, особенно трудности, связанные с отсутствием квалифицированных специалистов. Западные советники в банках дают рекомендации, противоречащие социалистическому курсу, объявленному Сомали.

Тов. Мухин В.Н. (торговый советник посольства СССР) рассказал о путях расширения торговли между Сомали и СССР.

До 1970 г. торговля шла в основном по обслуживанию кредитных операций. К 1971 г. все обязательства по кредитам были выполнены, и начался переход к торговле на коммерческой основе.

Сомали сохраняет дискриминационный таможенный тариф по соглашению с ЕЭС. Сохранились и старые торговые связи с Западом. Внутренний рынок узкий, возможности экспорта ограничены.

Имеет место рост торговли с СССР за счет покупки мясных и рыбных консервов. 24 марта 1971 г. подписан протокол о закупке в Сомали 30 млн банок мясоконсервов в 1971–73 гг. Первые 10 млн банок будут закуплены в конце 1971 г. Оплата будет производиться советскими товарами. По мнению В.Н. Мухина, задача советских организаций заключается в увеличении удельного веса машин и оборудования, ввозимых в Сомали из СССР. Для этого необходимо организовать обслуживание оборудования и сбыт запасных частей. Большие трудности испытывает Сомали с ввозом нефтепродуктов, ибо закрыт Суэцкий канал¹ и, кроме того, на побережье Сомали нет достаточного количества нефтехранилищ.

Тов. Попов А.П. (эксперт ООН по водным ресурсам) рассказал об использовании подземных вод в стране. Подземные воды имеются почти во всех районах, но довольно низкого качества. Очень плохо с водоснабжением портов Бербера, Лас-Хор, а также Туг Ваджале, Шейх и других городов и населенных пунктов.

Необходимо бурение скважин, устройство фильтров.

В Могадишо строящийся при помощи США водопровод, по существу, является лишь временным, ибо вода здесь засаливается из-за близости океана. По мнению А.П. Попова, лучше всего построить водопровод от Шебели (30 км). Необходимо создать в стране систему водопунктов через 25–30 км друг от друга. Это позволило бы равномерно обеспечить водой население и скот, а также сохранить травы от чрезмерного вытаптывания возле водопунктов. Устройство поверхностных водохранилищ здесь нецелесообразно, т.к. мало осадков и сильная испаряемость. Опасно проникновение КНР, специалисты которой для рекламы выбирают только заведомо перспективные участки для бурения и, конечно, получают воду. На свои объекты они никого не пускают.

17 СЕНТЯБРЯ

Сегодня выходной день. П.И. Куприянов и А.В. Никифоров еще не вернулись из Байдоа.

Н.Д. Косухин и Е.С. Шерр были приглашены зональным комитетом «самопомощи» и национальной ориентации квартала Медина на обед. Присутствовали представители Национального комитета по связям с общественностью, руководители зонального комитета и представители трудящихся зоны Медина. Обед был устроен в доме лейтенанта, находящегося в настоящее время на учебе в Советском Союзе. На стенах комнаты — портреты В.И. Ленина и президента Барре. Комната была украшена цветами и рисунками местных художников. Присутствовал также корреспондент телеграфного агентства Сомали — СОННА. (Сообщение агентства — см. «Стелла д'Оттобре», 18.IX.71). Сидели на циновках, поджав по восточному обычаю ноги. Угощали рисом и изюмом, бараниной, жареным картофелем, бананами, па-

¹ Суэцкий канал был закрыт для судоходства после Шестидневной войны и оккупации Израилем Синайского полуострова в 1967 г. — *Примеч. ред.*

пайей и верблюжьим молоком. Беседовали о местных обычаях, об истории народа и т.д. После обеда обменялись речами и сфотографировались.

20 СЕНТЯБРЯ

Е.С. Шерр и Саид Ахмед Варсаме продолжали знакомиться с г. Брава. Посетили шариатский суд; судья шейх Мохаммед ознакомил с судопроизводством. Все дела рассматриваются здесь в соответствии с Кораном и шариатом. Кроме того, поскольку в Брава нет гражданского суда, мелкие вопросы, входящие обычно в компетенцию гражданского судопроизводства, решают кади. Например, старику-сомалийцу присудили уплатить штраф в размере 750 сомал. шилл. за охоту на газель, что запрещается законом об охране фауны, принятым недавно в стране. Если он не уплатит этой суммы, то будет подвергнут тюремному заключению сроком на 2–3 года.

Осмотрели город. В нем имеется несколько мечетей старой постройки, гробницы, в которых, по предположениям, несколько веков назад были захоронены иранцы, дом вали (наместника) султана Занзибара с двумя древними пушками у входа. Посетили кораническую школу, в которой обучается около 30–40 ребятишек от 3 до 6 лет. Дети сидят в полутемной комнате на земляном полу, едят на деревян-

Митинг против трайбализма. Могадишо, 1971 г.
(Фото Министерства информации Сомали)

ных досках разведенной в воде сажей с клеем арабские буквы и фразы из Корана. Учитель-шейх монотонно что-то бормочет, а дети повторяют и записывают. Со всем маленькие ребятишки сидят тут же и подражают старшим. Шейху помогают двое-трое юношей, уже окончивших курс. В руках шейха — два прута, которыми он наказывает нерадивых учеников.

Посетили государственную неполную среднюю школу. Сейчас в связи с приближающимися празднествами по случаю годовщины революции занятия в школах заменили спортивной и строевой подготовкой. Мальчики и девочки маршируют под командой полицейских и армейских унтер-офицеров на пустыре возле школы.

Зашли в лавку торговца тканями Омара Бакра. Его ежедневная выручка составляет 20 сомал. шилл. Вечером уехали из Бравы в Мерку.

24 СЕНТЯБРЯ

Сегодня — выходной день. Диктор и корреспондент радио Абди Гобдон и его друг, заведующий отделом научных исследований по статистике при Национальном банке Сомали доктор Мохаммед Мохамуд Араб «Пинос», пригласили нас на обед в ресторан. В ходе беседы выяснилось, что доктор «Пинос» часто выступает в местной прессе со статьями на экономические темы, сознательно делая их абстрактно-теоретическими. Дело в том, что в настоящее время власти осуществляют строгую цензуру на все публикации, поэтому «Пинос» не имеет возможности давать конкретные материалы по экономике страны и выступает на отвлеченные темы.

Абди Гобдон рассказал, что в настоящее время в Сомали появилась тенденция к очищению сомалийского языка от иностранных слов. В связи с этим создана Комиссия по созданию толкового словаря сомалийского языка, которая занята переводом различных иностранных технических и политических терминов на язык сомали. Для этого комиссия широко использует сомалийский фольклор. Например, такие современные слова, как «ракета», «самолет» и др. были обнаружены в поэзии Мохаммеда Абдилле Хасана, относящейся к началу (!) XX века. Совсем недавно на сомалийском языке появилось словосочетание «хаул ханти вадаг», означающее «социализм» (дословно — «общие плоды труда»). На вопрос, как же переводят на сомалийский слово «коммунизм» наши собеседники не смогли ответить.

Абди Гобдон рассказал также о том, что в настоящее время сомалийская молодежь активно включилась в проведение «социальной» революции: раскрепощение женщин, брак по любви, освобождение от деспотической власти родителей и родственников и т.д.

Выяснилось, что те лица, которые длительное время учились в СССР, относятся к Советскому Союзу хуже, чем те, кто вообще не учился у нас. Это объясняется, вероятно, тем, что лица, не обучавшиеся в СССР, по своему социальному положению и происхождению являются выходцами из трудящихся слоев. Среди них велика тяга к учебе в Советском Союзе, они часто обращаются с просьбой направить их в СССР для продолжения учебы.

Авторитет В.И. Ленина здесь высок. Сомалийский персонал очень интересуется советской литературой, спрашивают почему в г. Кисмаю нет русской школы и курсов русского языка. Значительная часть персонала отправляет религиозные обряды в период работы (в основном мужчины), но для этого необходимо разрешение администрации. Те, кто был в Советском Союзе, не придерживаются обрядов. Это, видимо, основание массам делать вывод о том, что учившиеся в СССР становятся коммунистами и не верят в Бога. Религия еще очень сильна. Отмечается, что с 16 октября на 50 % будут снижены цены в заводской столовой, где рабочие питаются в кредит. На комбинате построили школу повышения квалификации, которую должны окончить все рабочие. Рабочие трудятся хорошо. Тезис о лениности сомалийцев, распространенный на Западе, не имеет никаких оснований.

10 ОКТЯБРЯ

Сегодня в 8.00 выехали из г. Буроа. Группу сопровождали в качестве охраны два полицейских из г. Буроа.

В нескольких километрах от поселка Магадир (66 км от г. Буроа) на горе возвышается памятник Корфильду, англичанину, командовавшему верблюжьим корпусом, который был убит в этом районе в сражении с дервишами. Лендровер проходит по бездорожью прямо к подножью горы. Подъем занимает минут пятнадцать. Памятник представляет собой пирамиду из камня, окрашенную толстым слоем белой извести. Дощечка с надписью снята. По бокам памятник выщерблен. С подножия памятника открывается великолепный вид на бескрайнюю сомалийскую боскалию — бушленд. Вдалеке видны горы. Гора, на которой стоит памятник, называется Дуль-Мадобе.

После осмотра памятника возвращаемся по дороге назад, огибаем невысокую горную гряду, и дорога поворачивает почти на восток.

На 100-м километре от г. Буроа — ущелье Шимбер-беррис. По обе стороны ущелья видны выступы. На них — оставшиеся развалины форпостов дервишей, сейчас осталась лишь груда камней, из которых когда-то были сложены укрепления. На боковых скальных склонах ущелья — пещеры. Они служили укрытием для дервишей. О них есть упоминания англичанина Жардена, написавшего книгу «Сумасшедший мулла». Недалеко от г. Гарадага дорога сворачивает на северо-восток, сливается с долиной реки Адад, где местами даже сохранилась вода, затем тянется по этой долине примерно километров 10 и выходит прямо на г. Гарадаг. Гарадаг — небольшой городок. Дома из местного строительного материала окрашены в белый цвет. К городу «прилепились» хижины кочевников. Кочевое население, как правило, концентрируется вблизи каких-то постоянных поселений. Электричества в Гарадаге нет.

11 ОКТЯБРЯ

В 7.00 выехали из Гарадага. В пути встречаем лендровер с надписью «Германская техническая помощь». Знакомимся с молодым немцем из ФРГ. В Сомали уже работает два года ветеринаром. Доброжелательно отзываясь о стране.

Через 2 часа приезжаем в город Эль-Афвейн. Делаем остановку, чтобы осмотреть пещеру Годхардунне. В зарубежной литературе имеется описание английским ученым Льюисом¹ этой пещеры.

Пещера находится в 13 км от Эль-Афвейна. Ширина входа в пещеру примерно 6–7 м, высота — около 5 метров. При входе огромный «зал», на западной стене — рисунки, изображающие верблюдов, львов, всадников и трудно идентифицируемые изображения. На северо-западной стене — рисунки такого же содержания и стили, выполненные точечной техникой скалывания основы. Затем на запад уходит узкий проход вглубь.

После осмотра пещеры направляемся дальше. Впереди — Кал-Шейх. Большой поселок, выстроенный из местного строительного камня. На северной окраине поселка — современное кладбище, а слева — восемь каменных холмов-могил. Древние руины, которые обозначены у нас в списке археологических объектов Кал-Шейха, находятся далеко в стороне от дороги. За Кал-Шейхом постоянно встречаются каменные насыпи-могилы. Местное население считает, что это могилы древних людей. Конкретно чьи, они не знают.

Англичанин Льюис предполагает, что это древнейшие захоронения сомалийцев. Так или иначе, по этому поводу нет ясности. Подобные насыпи довольно часто встречаются на территории Северного Сомали, особенно по дороге от г. Бурао в г. Шейх и от Кал-Шейха к г. Эригаво.

Начиная от Магалира и вплоть до г. Эригаво — местность малонаселенная. Из домашних животных в этих местах разводят черноголовых овец, коз, коров, верблюдов.

Город Эригаво расположен на высоте 2100 м над уровнем моря. Город сплошь застроен каменными зданиями; очень уютный, зеленый. Разделен на две части, одна — более разбросанная, здесь расположены государственные учреждения — полицейский участок, госпиталь, здание комиссариата, «рест-хауз», а также тюрьма; другая часть, более скученная, — жилые дома. Нас разместили в «рест-хаузе». Вечером же состоялось знакомство с представителями местной власти — офицером полиции, зав. городским транспортом, начальником тюрьмы.

Электричества в городе нет.

12 ОКТЯБРЯ

Утром состоялась беседа с одним из основных информаторов истории движения Хасана — Абди Нуром Хидиком. Абди Нур Хидик и его отец были приближенными лицами Хасана. Абди Нур Хидик лично знал Хасана, участвовал в сражениях, однако впоследствии из-за личных обид и недоверия со стороны Хасана перешел на сторону англичан. Сейчас ему, по его словам, около 90 лет.

¹ Речь, по-видимому, идет об И. Льюисе — выдающемся британском антропологе, специалисте по Сомали. — *Примеч. ред.*

Наиболее интересным в его рассказе было повествование о заговоре верхушки приближенных к Хасану людей, вождей *реров*¹. В основе заговора лежало недовольство деспотичностью Хасана и его стремлением к централизации личной власти. Заговор был раскрыт. Несмотря на свою беспощадность по отношению к изменникам, Хасан не решился казнить руководителей заговора, опасаясь ухода многочисленных *реров*, вождями которых были заговорщики.

Во второй половине дня была беседа с другим участником движения Хасана, бывшим дerviшeм Абди Варсаме Гулидом. Абди Гулид в течение семи лет участвовал в движении Хасана, но ушел из движения после того, как от руки Хасана погибли его братья и их семьи. После его ухода Хасан расправился также с его отцом и семьей. Несмотря на личные счеты, Абди Гулид подчеркнул, что Хасан стремился создать централизованное государство.

Наиболее интересным сообщением Абди Варсаме был рассказ о методах обсуждения и принятия важных решений. Мохаммед Абдилле Хасан делил своих приближенных на «четверки», которые обсуждали предлагаемое решение, голосовали «за» или «против», а затем Хасан принимал сам окончательное решение, учитывая мнение «четверок».

В конце беседы Абди Хидику и Абди Гулиду были вручены экземпляры Корана, изданного в Москве.

Затем осмотрели город, строящуюся электростанцию, жилые дома. Перед зданием комиссариата осмотрели остатки мотора английского самолета, сбитого, по рассказам сомалийцев, в районе Эригаво, когда англичане применили против движения Хасана авиацию.

13 ОКТЯБРЯ

С утра ездили в долину Мираши (36 км от г. Эригаво на северо-восток). Долина представляет собой плодородное зеленое ущелье, вытянутое с юга на север. Население долины, по словам жителей, насчитывает до 2 тыс. чел. Абдилле Хасан намеревался построить здесь сильное укрепление, однако, во-первых, он не сумел достроить его и, во-вторых, оно было подвергнуто бомбардировке с воздуха англичанами. От шести построенных укреплений в настоящее время остались развалины. Укрепления расположены на западных и восточных склонах хребтов, образующих ущелье, и находятся примерно в центре долины. Наиболее сохранившееся укрепление находится на западном хребте. Внутри этого укрепления находится захоронение одной из жен Хасана. В одном укреплении нашли осколки бомб.

Набросали план расположения укреплений. По рассказам жителей и других информаторов, Хасан собирался построить мост, который соединил бы два противоположных укрепления.

¹ *Рер* — сомалийский клан, куда входят несколько семей, имеющих общего предка. Под *рером* также понимается семья в общепринятом значении, а также место, где данная семья проживает. — *Примеч. ред.*

Внизу, в долине, находятся развалины тюрьмы. В настоящее время вдоль всей долины и особенно в ее центре — поселение местных жителей, которые занимаются земледелием, выращивают дурру, тыкву, цитрусовые. При пахоте используют быков в качестве тягловой силы. Участки размечены колючим хворостом, размер которых — 80х80 шагов. Разводят коров и овец. Когда в долине нет воды (речка пересыхает), живут за счет продуктов животноводства и в это время откочевывают, но недалеко.

Во второй половине дня продолжалась беседа с Абди Хидиком и Абди Гулидом. Абди Гулид подробно рассказал о своей дервишской жизни. Оба бывших дервиша подчеркивали жестокость Хасана, которая явилась одной из причин его поражения. Дервиши не помнят, чтобы был сбит английский самолет, а вот то, что он разбился в дистрикте Эригаво, это они рассказали подробно и сказали, что мотор, который мы видели, принадлежит этому самолету.

Вечером в городе были устроены народные танцы — идет подготовка к предстоящему празднику. Собрался почти весь город.

Зрители образовали большой круг. При свете керосиновых ламп зрелище выглядело довольно экзотично. Танцы района Эригаво по красочности и темпераменту считаются самыми красивыми в Сомали. В центр выходят несколько пар, состоящих из мужчин и женщин. Рисунок танца простой. Женщина делает несколько шагов вперед, потом назад, несколько поворотов. Мужчины более подвижны, их танец как бы сопровождает танец женщины, повороты более энергичны и сложны. Все это происходит под монотонный напев зрителей. Мужчины меняются чаще, чем женщины, танец продолжается без перерыва. Танцовщиц в круг выводит пожилая матрона.

16 ОКТЯБРЯ

Укрепления Талеха представляют собой грандиозные сооружения, состоящие в настоящее время из трех основных частей. Дар-Илало — комплекс сторожевых башен высотой около 15 м. Силсилат — главная крепость, расположенная у подножья холма, стены и башни которой имеют высоту 10–12 м и толщину у основания около 2,5 м. Диаметр внутренней площадки Силсилата — около 100 м. Недалеко находятся башни Фалада — главной резиденции Мохаммеда Абдилле Хасана и его семьи. К юго-востоку от этих сооружений — несколько гробниц-мавзолеев родственников и приближенных Хасана.

Талех строился Хасаном в течение 7 лет, с 1913 по 1920 год.

Населенный пункт Талех состоит из нескольких десятков каменных и глинобитных домов, а также хижин кочевников. Имеется полицейский пост, который поддерживает радиотелеграфную связь с Лас-Анодом. Перед отъездом из Талеха состоялась импровизированная беседа о Советском Союзе с местными жителями, которые впервые увидели советских людей в своем поселке.

Во второй половине дня выехали в Лас-Анод.

17 ОКТЯБРЯ

Лас-Анод — небольшой, разбросанный по предгорьям невысоких хребтов город. Большинство домов построены из серого камня, отчего город сливается с окружающими его горами. В небольших сомалийских городах все официальные правительственные учреждения находятся в стороне от жилых и торговых кварталов. Лас-Анод не составляет исключения. Дом, в котором нас поселили, находится на юго-западной окраине города, в стороне от других строений. Дом этот знаменит тем, что в октябре 1969 г. перед входом этого здания был убит бывший президент Сомали Али Шермарк. Дом просторный, большая гостиная, комната-спальня на втором этаже дома — открытая веранда и в виде мезонины небольшая комната. Лас-Анод — один из оплотов движения Хасана, где он находил постоянную поддержку среди племени дулбаханте. Кстати, наш шофер Нур и шейх Джама — выходцы из Лас-Анода оба дулбаханте. На северной окраине города, в горах, находится одно из укреплений Хасана — небольшой полуразрушенный сторожевой и наблюдательный пост. По программе полевых исследований у нас было предусмотрено остановки в Лас-Аноде, и на следующее утро мы выехали в Боходлех, районный центр северо-восточной провинции. По дороге в Боходлех А.В. Никифоров провел в населенных пунктах Боран-Каламбейт, Дулей и Видвиде опросы кочевников. Придорожные поселки — одна из специфических и характерных черт в жизни сомалийской *боскалии*¹. Это своеобразные небольшие торговые центры, куда стекается кочевое население, чтобы купить продовольственные товары, выпить чашку чая, узнать новости и вечером или на следующий день уйти опять в район своего кочевания. В таких поселках всегда можно купить сахар, чай и т.д. Здесь часто останавливаются шоферы. Хозяин «ти-шоп» — зачастую в прошлом сам бывший кочевник или кочевник в настоящем, и его семья кочует где-нибудь от поселка недалеко. Поселки эти разной величины — есть просто временные, построенные из сухого хвороста навесы, или уже большие, постоянные поселения, где население иногда занимается земледелием.

Дорога от г. Лас-Анода до г. Боходлеха идет все время в западном направлении. На днях прошли дожди, во многих местах по дороге проехать невозможно, объезжаем. Географически территория, по которой мы едем, относится к области, называемой Хауд. Тут и там зеленеют невысокие кусты акации, карликовые деревья — все после дождей имеет свежий вид. Много животных — дик-дики, газели, мелкие грызуны и др.

К вечеру приезжаем в г. Боходлех, проделав 157 км от г. Лас-Анода. Поселились в доме комиссара дистрикта, его сейчас нет, уехал в КНДР. Вечером встретились с представителями местной власти: Абдуллахи Элабе Варсаме, полицейскими чинами, *набаддонами*². Абдуллахи Варсаме — молодой человек, недавно окончивший

¹*Боскалия* — сомалийская полупустыня.

²*Набаддон* — миротворец.

курсы работников местной администрации в ФРГ. Организовал для нас ужин и был весь вечер очень внимателен. Вечером же привезли из *боскалии* главного информатора по истории движения Хасана Мохамуда Хоша. Ему, по его словам, больше ста лет, хотя выглядит значительно моложе. Он поселился в нашем доме.

29 ОКТЯБРЯ

Сегодня выходной день. Посетили несколько магазинов. Один из них называется «Ленин Стор», его хозяин говорит по-русски, показал нам барельеф с изображением В.И. Ленина.

5 НОЯБРЯ

Утром встретились с начальником гарнизона майором Мохаммедом Абди Кошеном, который познакомил нас с одним из влиятельных местных шейхов — Аденом, возглавляющим религиозную общину («тарики»). Шейх Аден рассказал, что поселок Шейх назван по имени первого его основателя шейха Оду, жившего шесть веков тому назад. Недалеко от поселка находится гробница шейха Адена Ахмеда, который поселился здесь после того, как 40 лет прожил в Саудовской Аравии. Шейх Аден Ахмед создал первую в этом районе религиозную общину, которую сейчас возглавляет наш собеседник. По его словам, в общине состоит 300 членов, одни из них кочуют, другие уезжают на учебу за границу, но все они поддерживают связь с общиной. Членом религиозной общины может стать любой сомалиец при условии выполнения всех религиозных требований. Виновные в нарушении правил общины караются денежными штрафами. Высшей мерой наказания является исключение из общины. Руководит общиной собрание старейшин, которое возглавляет шейх. Шейх живет в таких же условиях, как и рядовые члены общины. Раньше члены «тарики» принадлежали к секте ахмедийя, а теперь ее состав смешанный: в нее входят как представители секты ахмедийя, так и другой секты — кадирийя. На вопрос, чем сегодня отличаются секты салихийя, ахмедийя и кадирийя¹, шейх ответил, что «практически ничем».

Затем мы беседовали со старейшиной Хаджи Хасаном, 85 лет. О движении Хасана он слышал только однажды, когда отец приказал срочно увести стадо коров и овец подальше от поселка, т.к. «приближается Мохаммед Хасан и может их отобрать».

10 НОЯБРЯ

Сегодня в 9.15 утра по маршруту Харгейса–Борамо–Зейла выехали члены экспедиции А.В. Никифоров и Саид Варсама для полевого изучения проблем кочевничества

¹ Речь идет о тарикатах ахмадийя и кадирийя. — *Примеч. ред.*

и описания археологических объектов по маршруту путешествия. Дорога из г. Харгейсы сначала идет в гору, затем поднимается на каменистое плато, с которого открывается панорама города. Полчаса езды по выщербленной каменистой дороге, и начинается небольшой спуск в обширную и плодородную долину. Меняются краски ландшафта и сам ландшафт. Вместо привычных необработанных пространств сомалийской боскалии бросается в глаза чередование посевов кукурузы и дурры. До г. Борамо (вдоль дороги) часто встречаются благоустроенные поселки, почти в каждом — полицейский участок, в некоторых поселках дорогу преграждает шлагбаум — контроль над контрабандой *ката*. В то же время в поселках, иногда даже в присутствии полицейского, свободно продают *кат* — оказывается, достаточно уплатить налог — и торгуй. Таким образом, вскрывается другая сторона медали борьбы с *катом* — пропаганда в государственном масштабе против его употребления и молчаливое, в какой то степени узаконенное, поощрение его продажи.

Встречаются также стада домашних животных — коров, черноголовых овец, коз. Кроме поселков городского типа — традиционные поселения, состоящие из *акалей*. В отличие от восточных районов севера Сомали, где отдельная семья имеет один-два, в редких случаях три, *акаля*, огороженных колючим кустарником, здесь — в одном ограждении три-четыре, иногда и больше, *акалей*. В одном поселении мы

Школьницы, приехавшие из города, учатся строить арда́ (округ Корполе).
(Фото Министерства информации Сомали)

видели новый *акаль*, отличающийся размером от остальных — это *акаль* свадебный. Время сбора урожая — одновременно время свадеб.

По дороге заехали в военный гарнизон. Командир гарнизона капитан Осман некоторое время учился в Москве и Ташкенте, немного говорит по-русски. Заправились бензином. Через несколько минут въезжаем в г. Борамо. Весь путь от г. Харгейсы с небольшими остановками занял три часа.

Подъехали к офису чрезвычайного комиссара, но нам сообщают, что он находится в здании Национальной ориентации. Едем туда. Здесь заседание представителей местной администрации. Обсуждаются положение в районах, пострадавших от наводнения, и меры по оказанию помощи населению. Короткое знакомство с комиссаром, он дает провожатого и едем в «рест-хауз», который находится на северной окраине г. Борамо. Видно по всему, что здесь редко останавливаются. Комнаты не убраны, один служитель.

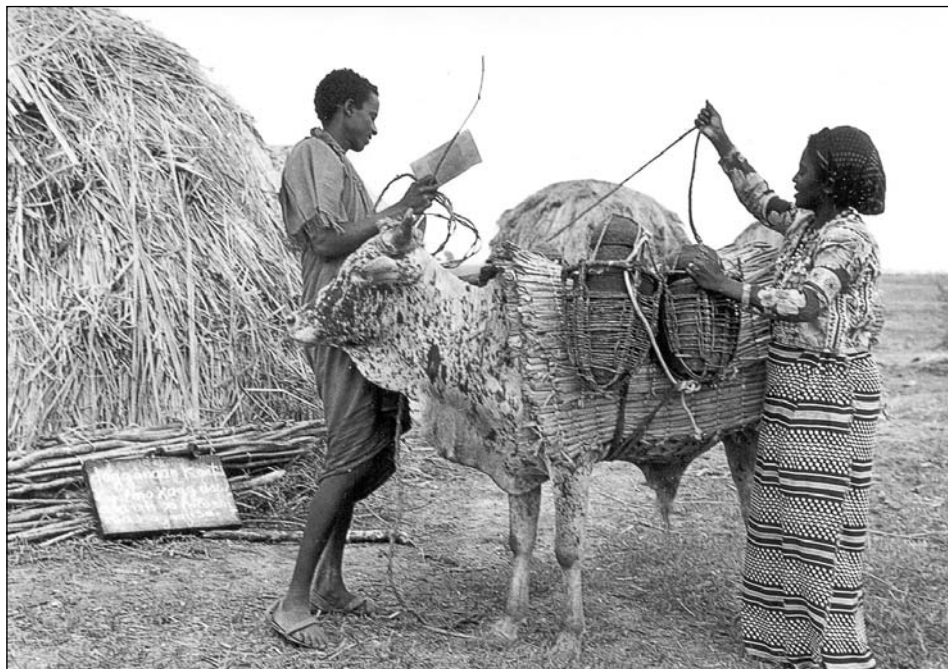
После короткого отдыха знакомимся с городом. Город Борамо, на наш взгляд, один из красивейших и уютных городов Северного Сомали. Расположен в горах, много зелени. Небольшие дома-коттеджи из местного камня, иногда орнаментированные, что придает своеобразие и оригинальность его архитектуре. Большинство таких домов построено за последние годы. Старый город, состоящий из глинобитных прямоугольных построек, окрашенных белой известью, судя по всему, доживает свой век: старые строения будут ломать и строить новые. Город электрифицирован. В каждом вновь построенном доме — вода. Там, где воды нет, ее продают по 10 центезимов¹ за четыре галлона (20 литров), в г. Харгейсе такое же количество воды стоит, по словам Сайда, 40 центезимов. Борамо называют городом учащихся. Здесь находятся две начальные школы. В Амуде имеется средняя школа, где преподают и советские учителя. В г. Борамо так же, как и в г. Боходлехе, чувствуется искусственное разделение сомалийского народа. Сомалийцы из французского Сомали, особенно из Джибути, довольно свободно посещают своих родственников, живущих в г. Борамо и других городах. Сомалийцы из Джибути даже предпочитают отдавать своих детей в школы г. Борамо, Амуда, т.к. здесь изучается английский язык; по их мнению, после воссоединения он пригодится. В Амуде, кроме советских учителей, преподают сомалийцы, индийцы, англичане.

12 НОЯБРЯ

Сегодня ездили осматривать археологический памятник Амуд. Амуд расположен в двух километрах восточнее ныне существующего поселка Амуд, известного в стране своей школой-интернатом.

Дорога от г. Борамо идет на восток, и минут через десять уже виден поселок Амуд, а еще через пять минут проезжаем и сам поселок. Он напоминает чем-то Шейх — расположен среди гор, в богатой водой долине, тот же опрятный вид и чистота.

¹ *Чентезимо* — итальянская разменная монета, 1/100 часть лиры. Во второй пол. XX в. вышла из употребления по причине высокой инфляции. — *Примеч. ред.*

*Подготовка к перекочевке (округ Брава).
(Фото Министерства информации Сомали)*

Минувем глубокое обрывистое русло высохшей реки, и дорога идет на подъем. По склонам разбросаны отдельные поселения, традиционные *акали*. Хозяйство — смешанное. Виднеются небольшие участки обработанной земли, жатва закончилась и идет уже обмолот собранного урожая. Из домашних животных — преимущественно овцы и козы, имеются небольшие стада коров. Несколько минут езды по очень плохой дороге, и на склонах небольшой горы видны развалины многочисленных каменных строений — мы среди руин древнего Амуда.

Амуд уже посещался археологами. По мнению английских исследователей (в частности, Дж. Мэтью), Амуд представляет собой памятник двух эпох — античной, датируемый II–VII вв. н.э. (хронологически соответствует расцвету Аксумского царства) — Мэтью называет его Амуд-I, и средневековой — датируемый им XVI–XVII вв., — Амуд-II. Амуд-II, по мнению Дж. Мэтью, выстроен на развалинах Амуда-I. Что же представляют собой руины Амуда? Прежде всего начнем с географии его расположения. Амуд расположен на западном склоне отдельно стоящей горы с совершенно плоской вершиной. Гора по площади небольшая — в длину она едва достигает 700 м, в ширину составляет не более 150 м. Западный склон горы — пологий, северный, восточный и южный круто спускаются в долины, образуемые противоположными склонами гор. Со всех сторон — отличный радиус кругозора,

и особенно это характерно для западного склона, с которого виден пос. Амуд и г. Бо-рама и на котором расположен сам разрушенный город. Амуд расположен точно по прямой с осмотренными вчера развалинами Гургаба, и это наводит на мысль о связи двух городов и о возможном одновременном их существовании. Техника кладки и планировка зданий на обоих памятниках почти одинакова, с той лишь разницей, что здания в Амуде больше по размерам и в их планировке добавлены новые элементы. Об этом говорит и идентичность керамики, собранной на двух объектах, — гончарная керамика грубого теста, одинаковые ручки и горлышки сосудов. (Нужно оговориться, что параллели с керамикой проводить опасно, ибо никакой классификации и хронологии не существует, тем более что в современном Сомали изготавливаются керамические изделия, которые трудно отличить от керамики археологической). От всех зданий сохранились лишь внешние стены, и во многих из них можно проследить внутреннюю планировку. Почти в центре города — развалины мечети с полуразрушенным михрабом. Внутри мечети остатки «колодца» — выложенной камнем ямы, и на квадратном каменном фундаменте — остатки цилиндрического сооружения, обмазанного глиной, — вероятно, развалины основания минарета. На западном склоне — небольшие земляные возвышения, на одном из них видны следы засыпанной траншеи — вероятно, свидетельство предварительных архео-

*Труженицы села осваивают городские прически (округ Корполе).
(Фото Министерства информации Сомали)*

логических работ англичан. Возвышения, видимо, представляют собой мусорные ямы, о чем свидетельствует их местоположение (почти на окраине развалин ниже по склону), а также сохранившиеся на них фрагменты керамики. На самом плато, сложенном из больших каменных плит, постепенно выходящих на поверхность в восточной части горы, никаких сооружений обнаружено не было, за исключением двух каменных насыпей неизвестного назначения. Одна из них находится под деревом и лишена каких-то очертаний, другая — напоминает могильные каменные холмы, разбросанные по всему Северному Сомали.

Амуд — археологический памятник, заслуживающий пристального внимания. Не говоря уже о детальных археологических работах на этом объекте, даже предварительное археологическое обследование памятника специалистами может пролить свет на многие неизвестные стороны средневековой, а может быть, и древней истории этой части Сомали.

13 НОЯБРЯ

Сегодня день был посвящен опросу населения. По совету комиссара, опрос проводили среди городских жителей, занимающихся сельским хозяйством. Дистрикт Бо-рама — земледельческо-животноводческий, в долинах преобладает тип хозяйства, который можно назвать отгонно-пастбищным при одновременном занятии земледелием. Из сельскохозяйственных культур выращивают в основном маис и дурру, из животных — разводят овец и коз, однако встречаются поголовья крупного рогатого скота. Верблюдов разводят мало, во-первых, из-за гористого рельефа, и, во-вторых, малое поголовье верблюдов вообще характерно для полуоседлых земледельческо-скотоводческих групп населения Сомали. Земледелием в дистрикте занимаются давно, землю получили еще при англичанах. Обычно часть семьи кочует со скотом, сезонные передвижения определяются в основном режимом выпадения осадков. Во время сезона дождей (март, апрель, май) скот сосредоточивается в основном в южных частях дистрикта, иногда выпасается на границе с Эфиопией и даже в ее пределах. Июнь–июль — сухой сезон, скот возвращается в пределы дистрикта к постоянным источникам воды. Август, сентябрь, октябрь — дождливый сезон, скот опять двигается к южной границе дистрикта. Ноябрь, декабрь, январь, февраль — сомалийская «зима», большинство скота передвигается в прибрежную часть дистрикта, где выпадают дожди. Если дождя нет, скот распределяется по отдельным местам, где имеются постоянные источники воды. Скот, таким образом, мигрирует в пределах дистрикта, иногда заходя на территорию Эфиопии. Однако бывают случаи, когда отдельные группы кочуют за пределы дистрикта вплоть до Шейха и Бурао. Но такие случаи редки.

16 НОЯБРЯ

Рано утром выехали в г. Зейлу. Дорога тянется среди песчаной полупустыни. Разнообразится животный мир — страусы, антилопы, зайцы, лисицы — типичная фауна

пустынных районов Сомали. Где-то в этом районе, между Чире и Зейлой, зародилась профессиональная сомалийская музыка и песня. Любой сомалиец расскажет вам историю о том, как лет двадцать–тридцать тому назад в этом районе сломалась машина, на которой ехали двое сомалийцев — мужчина и женщина. Они провели среди песков 15 дней, ожидая помощи и попутного транспорта, и вот тогда-то они стали сочинять песни, аккомпанируя себе на различных подручных предметах. Женщина уже умерла, а мужчина до сих пор живет в Джибути. Мы проезжаем эти легендарные места и вскоре встречаем 14 машин японской марки «исудзу», застрявших в непролазной грязи несколько дней назад. Сейчас дорога подсохла, машины вытягивает наш тягач ЗИЛ.

17–18 НОЯБРЯ

Чрезвычайный комиссар г. Зейлы старший лейтенант Хасан Али Варсаве прибыл сюда в начале этого месяца, так что здесь он человек новый. Выделил нам в качестве помощника Абди Адена, очень приветливого и исполнительного человека.

Поселились в «рест-хаузе» г. Зейлы — огромном трехэтажном здании, стоящем на берегу Аденского залива. Первый этаж здания в настоящее время служит амбаром, здесь хранится соль, добываемая недалеко от города. На втором этаже живет сам комиссар с семьей и прислуга. Комнаты для гостей находятся на третьем этаже. Перед зданием — монумент, сложенный из такого же серого камня, что и сам дом, посвященный Дню независимости. По обеим сторонам монумента — старые, колониальных времен, пушки. Из окон дома открывается вид на Аденский залив, на остров Саад-дин. По ночам в нашей комнате летают летучие мыши, пищат и не дают спать. Вообще дом производит впечатление заброшенности и запущенности, недаром среди местных жителей ходят легенды о привидениях, посещающих этот дом.

Такое же впечатление производит и сам город. Старый город почти полностью разрушен. От старых времен сохранилась лишь гробница шейха Ибрагима, датированная предположительно XII веком.

Все остальные здания — мечети и жилые постройки времен арабского владычества и Османской империи — лежат в развалинах. Правда, в некоторых из полуразрушенных зданий еще живут люди, так как новых жилых строений в городе почти нет, за исключением лишь административных зданий, а также школы и больницы. Разрушение города происходило естественным путем. Потеряв свое значение портового города, Зейла постепенно обезлюдела. Большинство жителей уехало в Джибути, Лояду и другие города. Сейчас в Зейле едва ли насчитывается тысяча жителей. Солнце, ветер, дожди сделали свое дело — город постепенно разрушался. При осмотре создается впечатление, что город пострадал от землетрясения.

С точки зрения археологии город представляет, конечно, большой интерес. На некоторых развалинах видны обнажения богатого культурного слоя. По развалинам разбросана поливная керамика с росписью. Надежда на обнаружение каких-либо письменных источников маловероятна, так как люди, у которых, возможно,

сохранились какие-либо письменные источники, уехали из г. Зейлы. Реставрация города, т.е. того, что сохранилось, маловероятна, за исключением одного-двух жилых зданий и двух мечетей. Один из уникальных исторических архитектурных памятников Сомали практически пропал для будущих поколений и представляет интерес лишь с археологической точки зрения.

19 НОЯБРЯ

Арендвали лодку и посетили остров Саад-дин, лежащий примерно в двух милях к северу от побережья, на котором расположен город Зейла. Лодка небольшая, парусная, владелец ее, по происхождению суданец, ловит рыбу в прибрежных водах Аденского залива и продает жителям города Зейлы и Лояды.

В 1934 г. англичанин А.Т. Кэрл побывал на этом острове и обнаружил остатки поселений, по его мнению, относящихся к XII в. н.э. Площадь острова составляет приблизительно 2 кв. км. Остров пустынный, песчаный, по южному берегу покрыт зарослями. Внутренняя часть острова — пустынная равнина, с мелкой сухой, эфемерной растительностью. На южной оконечности острова находится могила шей-

*На концерте, посвященном годовщине Октябрьской революции 1969 г. Харгейса, 1971 г.
(Фото Министерства информации Сомали)*

ха Саад-дин (шейха называют по имени острова, а не наоборот), сложенная из размельченного камня. Во внутренней части острова по всей его площади разбросаны остатки поселений, которые исследовал Кэрл. Всего их больше 15. Мы осмотрели все поселения. В настоящее время от них остались лишь небольшие насыпи, состоящие из ракушечного камня, сильно разрушенного. Планировка поселений — прямоугольная, обычно по обе стороны разрушенного поселения находятся валы, представляющие остатки стен, хотя кладки не видно. От поселения часто тянется прямая полоса из ракушечного камня, возможно определяющая границы поселения. Кроме куска обмазки стен и нескольких обломков лепной грубой керамики, других находок на поселениях обнаружено не было. В центре острова находится хранилище для воды, представляющее собой траншею глубиной примерно 3 м и длиной 7 м. Над траншеей — арочное перекрытие.

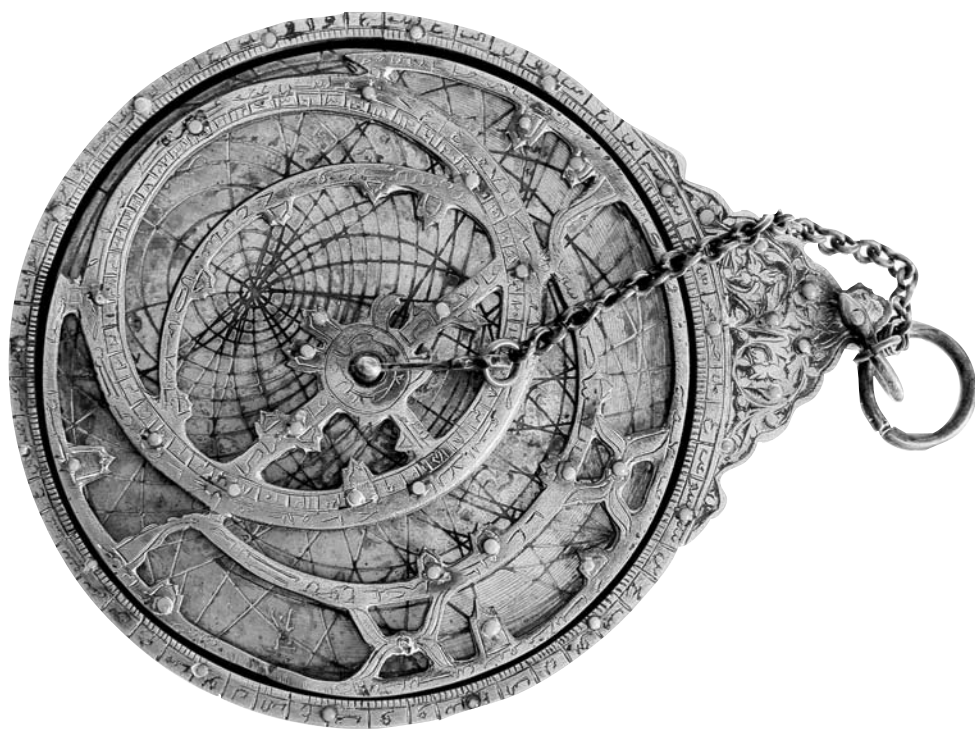
На южном побережье острова в западной его части был обнаружен богатый выход керамики, вероятно, более позднего происхождения (остров часто посещается местными рыбаками, именно в этом месте они делают обычно стоянку). Мы собрали несколько образцов. Других сооружений на острове не обнаружено. Несомненно, остров заслуживает детального археологического обследования, в комплексе с археологическими работами в Зейле можно получить богатый материал для изучения средневековой истории сомалийского побережья. Интересно отметить, что в прошлом остров служил местом ссылки некоторых представителей местной власти и шейхов. Однако сооружений этого времени на острове нет, кроме, вероятно, могилы шейха Саад-дин.

Сегодня в Зейле отмечается окончание рамадана. Вечером состоялся импровизированный концерт молодежи. Новое поколение поет песни о родине, революции; нам было странно и несколько необычно смотреть на этих юных певцов и танцоров, исполняющих песни и пляски в почти вымершем, разрушенном городе.

28 НОЯБРЯ

Е.С. Шерр посетил Министерство информации, где от имени экспедиции подарил директору радио Могадишо Абдуллахи Шего пластинку с записями песен Н. Сличенко.

Чудеса стран

«ДЕРЕВНЯ СОМАЛИЙЦЕВ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ*

Ренат Беккин

В мае 1912 г. при скоплении большого числа зевак в Петербурге на территории Демидова сада, располагавшегося по адресу: Офицерская улица, дом 39 (ныне — улица Декабристов), был открыт первый в России Луна-парк. Его основателем и владельцем был петербургский предприниматель, купец первой гильдии Хабибулла Хасанович Ялышев — один из выдающихся представителей татарского купечества Петербурга.

Выходец из села Бутаково Нижегородской губернии, Хабибулла в начале 1890-х, подобно многим своим землякам, татарам-мишарям, перебрался в Петербург. Первое упоминание о Ялышеве на новом месте встречается в адресном справочнике «Весь Петербург» за 1894 год. Через несколько лет предприимчивый Хабибулла открывает на Крестовском острове ресторан «Крестовский сад».

Этот ресторан возник на месте, где, по легенде, Петр I в 1724 г. заложил камень в основание пивоварни, которую должны были построить два немца из Баварии — Карл и Фридрих. Но вскоре царь умер, и пивоварня так и осталась в проекте. А на месте, где Петром был заложен камень, стали открываться рестораны и питейные заведения. Во второй половине XIX века это был ресторан «Крестовский сад», где подавали известное на всю столицу пиво. А в конце века XX на месте, где когда-то располагался «Крестовский сад», был построен пивной ресторан «Карл и Фридрих».

Надо сказать, что подобная не вполне соответствующая принципам ислама сфера бизнеса не была редкостью среди татар-мишарей. Сами спиртное не употребляя, они, тем не менее, считали возможным держать рестораны и трактиры. К числу таких предпринимателей принадлежал и Ялышев, специализацией которого стал ресторанный бизнес.

При ресторане, принадлежавшем Хабибулле Хасановичу, обычно открывалась театральная сцена, где выступали подающие надежды актеры. Будучи женат на актрисе Кравченко, Хабибул Касьянович (так на русский манер стал зваться обрусевший Ялышев, которого коллеги-купцы запросто именовали Иваном Касьяновичем) покровительствовал начинающим актерам.

* В качестве иллюстративного материала к данной статье использованы открытки из коллекции отдела эстампов Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга.

Деревня Сомали. Луна Паркъ, С.-Петербургъ.

Так, на сцене нового театра, открытого при Луна-парке после того, как Ялышев продал «Крестовский остров» и находившийся при нем маленький театр, в декабре 1913 г. был показан футуристический спектакль по пьесе Маяковского. Спектакль, правда, провалился, актеры и автор пьесы вынуждены были спешно покинуть сцену. Помимо театра при Луна-парке работали театр оперетты, мюзик-холл, варьете и целых два кинотеатра — «Дона Глория» и «Глория».

Главным развлечением для публики, приходившей в Луна-парк, были, конечно, аттракционы, вызывавшие неподдельный восторг не только у детей, но и у взрослых. К услугам любителей пощекотать нервы были такие развлечения, как «Горная железная дорога», «Пьяная лестница», «Чертовое колесо», «Бой у Гаваны», и др.

За время существования Луна-парка с 1912 по 1924 г. здесь побывали сотни, если не тысячи горожан и приезжих. Поэт Александр Блок, живший поблизости, на Офицерской, катался по «Горной железной дороге» едва ли не каждый день. К слову сказать, поэт был завсегдатаем другого заведения, принадлежавшего Ялышеву, — уже упоминавшегося «Крестовского сада».

Но подлинным магнитом для посетителей Луна-парка была так называемая «Деревня сомалийцев». Вот что писала об этом одна из петербургских газет: «Гвоздем Луна-парка является "Деревня сомалийцев". Словно хорошо вычищенные гуталином, негры блестят под электрическим светом... Здесь в отдельных конурках расположились резчик, булочник, оружейник, сапожник и т.д. Интересны игры негритянской молодежи, с танцами и бросанием копий в цель. Трудно представить себе, как все это могло уместиться на сравнительно небольшой территории сада...»¹

¹ Зуев Г. «Воксал в Нарышкинском саду» // Нева. 2002. № 12 // <http://magazines.russ.ru/neva/2002/12/gzu.html>

Деревня Сомали. Луна Паркъ, С.-Петербургъ.

Надо сказать, что такие этнографические деревушки — своего рода «человеческие зоопарки», позволявшие в воссозданной естественной среде увидеть быт африканцев, не были изобретением Ялышева. Африканские деревни к тому времени существовали во многих странах Запада. Так, например, в швейцарском городе Базель африканцев показывали в местном зоологическом саду со второй половины XIX века вплоть до 1935 года. Там, как и в Петербурге, также была воссоздана атмосфера настоящей сомалийской деревни.

Сомалийцы были в первой половине прошлого столетия, пожалуй, самым популярным объектом для «человеческих зоопарков». Представители эфиопской расы, высокие, с правильными чертами лица, они вызывали восхищение у публики (эфиопов, поскольку они были христиане, выставлять было не вполне политкорректно).

В условиях петербургского климата «Деревня сомалийцев» в Луна-парке функционировала всего два-три месяца в году. Чем занимались сомалийцы в холодное время года в Северной столице, нам пока выяснить не удалось. Но едва ли стоит сомневаться в том, что предприимчивый нижегородский татарин Хабибулла Ялышев нашел им надлежащее применение и зимой...

НУРУДДИН ФАРА* — ПИСАТЕЛЬ-ИЗГНАННИК И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОМАЛИ

Анна Мильто**

Среди конфликтов и противоречий современного Сомали кризис идентичности общества в целом является основополагающим. Сомали — этнически однородное государство: свыше 90 % жителей страны принадлежит к этносу сомали. Еще выше процент мусульманского населения — 99,8 %. Однако главная особенность сомалийского этноса — его клановость и трайбализм: не много найдется народов, настолько дифференцированных на племена и кланы. Идентифицируя себя с разными социальными категориями (группами принадлежности), которые стремятся к дифференциации от других, относительно близких групп, сомалийцы закрывают глаза на принадлежность к единому этносу. Обращает на себя внимание невозможность для представителей основных социальных групп найти ответ на вопрос: «Кто мы такие?» — и вытекающие отсюда ответы о целях, смыслах, ценностях отдельной личности и выборе ею пути.

Проблема аутентичности и идентичности привлекала внимание писателя Нуруддина Фары на протяжении многих лет. В его произведениях, как в зеркале, отражена история Сомали: политическая, экономическая, социальная история, история культуры, история повседневности, история общественно-политической мысли.

Особый интерес для Н. Фары представляли клановые связи. Он сосредоточил внимание на традиционной, хотя и переживающей кризис, клановой организации общества в Сомали. Интерпретация истории клановых противоречий и конфликтов неизменно связана с проблемой поиска идентичности на коллективном и личностном уровне. В период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делигитимацией институтов, угасанием крупных

* Нуруддин Фара (р. 1945) — первый сомалийский писатель-романист, преподаватель, в детстве посещал британскую колониальную школу и кораническую школу при мечети, высшее образование получил в Индии и Великобритании. В 1974 г. уехал за границу, а в 1976 г., узнав, что на родине его признали изменником, решил не возвращаться. С тех пор до 1996 г. не был в Сомали. Жил в Нигерии, Судане, Гамбии, Уганде, Эфиопии, Индии, Германии, Италии. В настоящее время живет в ЮАР и США. Автор 11 романов, очерков, рассказов, переводов; обладатель множества литературных премий и наград. Женат, имеет троих детей. Сам писатель называет себя на английский манер: Фара. В Сомали его фамилия произносилась бы иначе: Фарах.

** Анна Валентиновна Мильто (р. 1982) — кандидат исторических наук, специалист по социально-политической и этнокультурной истории Сомали и сомалийской диаспоры. Автор нескольких публикаций, посвященных жизни и творчеству знаменитого сомалийского писателя Н. Фары. В сферу научных интересов входит также история развития ислама на современном этапе на постсоветском пространстве и в странах Африки.

общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов.

Как многие сомалийцы, Н. Фара испытывал кризис идентичности, аналогичный тому, что переживала его страна. Писатель рано начал задавать себе вопрос: как себя идентифицировать? Кто он? Кто является для него своим и чужим? Пытаясь определить границы своей аутентичности, Н. Фара одним из первых открыто поставил вопрос о том, что значит быть сомалийцем. Вопрос вскрыл «ящик Пандоры» с политическими, этническими и моральными затруднениями. Означает ли это: говорить или читать по-сомалийски, быть рожденным в Сомали, быть патриотом во время войны?

Как нонконформист и гражданин мира, Н. Фара был далек от того, чтобы строить отношения с людьми на основе этносоциальных и конфессиональных связей. В гораздо большей мере его интересовали профессия и творчество, талант, который не поддается формализации и не имеет границ. В реальности население Сомали подразделялось на группы. В основу деления легли языковые, расовые, этнические различия.

Актуализация данной проблемы обусловлена падением диктаторского режима генерала Мохаммеда Сиада Барре в 1991 г., в результате чего страна оказалась поделена на десятки независимых друг от друга территорий во главе с лидерами вооруженных группировок, опирающимися на свой клан. Старинная сомалийская поговорка во многом отразила взаимоотношения жителей страны: «Я и Сомали — против всего мира; я и мой клан — против Сомали; я и моя семья — против клана; я и мой брат — против нашей семьи; я — против своего брата».

Нарастание кризисных явлений способствовало формированию специфического способа самоидентификации личности в сомалийском обществе, присущего пограничной ситуации, через экзистенциальное слияние с группой, что соответствует такому уровню развития общества, когда личность еще не в состоянии выделиться из группы. В процессе девальвации прежних связей и ценностей люди искали поддержку в чем-то неизменном и стабильном, а именно — в связях с людьми одного клана. Осознание клановой принадлежности обострилось, когда возникла угроза существованию клана (политическая, социокультурная, военная). В данном случае можно говорить о вторичной этнической идентичности, которая явилась результатом поиска индивидом потерянной и необходимой ему «социальной энергии».

Следует отметить, что конструирование идентичности, развернувшееся на территории Сомали, представляет собой неизбежный способ политического поведения. Этому способствовала вся сомалийская история. На территории Сомали национальные государственные образования отсутствовали до колонизации. Сомалийские племена находились в состоянии раздробленности и часто конфликтовали между собой. Нередко та или иная часть Сомали попадала под власть более сильного соседа. Сомалийцы объединялись только перед лицом серьезной опасности.

Сомалийцы разделены на пять племен, называемых клановыми семьями, или союзами, — дир (Dir), хавийе (Hawiye), исаак (Ishaaq), дарод (Darood) и раханвейн (Rahanwiin). Последний считается низкородным, поскольку ведет свою родословную от земледельческих общин, а первые четыре происходят от «благородных» ко-

чевников. Племя состоит из отдельных генеалогически менее обширных групп — подплемен.

Нередко исследователи для обозначения организаций, составляющих сомалийские племена, используют понятие «клан»¹. Клан дробится на подкланы (соответствующие действительному роду) и далее — вплоть до отдельных семей.

Показательно, что в зависимости от конкретной ситуации сомалиец может ответить по-разному на вопрос о том, к какой родственной группе он принадлежит. В одном случае он скажет, что принадлежит к родственной группе Омара Иссе; во втором, что он — дулбаханте; в третьем — что принадлежит к племени дарод. И все эти ответы будут правильными и не станут противоречить общей генеалогической схеме. Однако степень соотношения с той или иной родственной общностью будет различна и окажется зависимой от конкретной ситуации, чаще всего от того, среди какой общности находится опрашиваемый сомалиец. Для обозначения точной клановой принадлежности конкретного сомалийца обычно необходимо сочетание.

Целые кварталы крупных городов заселены представителями одного племени или клана. Такое сознание племенной общности является основной причиной межплеменных противоречий и столкновений. Многие из старых племенных распрей в той или иной форме сохраняются до настоящего времени. Однако сейчас большая часть сомалийцев имеет для защиты своего поголовья верблюдов пистолеты, винтовки и автоматы, что, естественно, повышает ставки междоусобицы до катастрофических уровней. Особенно когда события принимают общенациональный масштаб.

За годы правления Мохаммеда Сиада Барре (1969-1991 гг.) противоречия между этническими группами еще более обострились. Бывший президент умело проводил политику «разделяй и властвуй», стравливая племена друг с другом. Власть оказалась сосредоточена в руках малочисленного клана марехан (менее 1 % сомалийцев). Расправы над гражданским населением, бунтовавшим против беспорядочного положения, были жестоки.

Проблема идентичности усиливалась длительным отсутствием в Сомали письменности на родном языке. Сомали — земля, населенная людьми, говорящими на нескольких языках. Официальные языки: сомали (сомалийский) и арабский. В колониальный период широкое распространение получили английский и итальянский языки.

Подобно многим сомалийцам, Н. Фара рос в среде, где не было единого языка общения. Окружающие говорили на сомалийском, амхарском (официальный язык в Эфиопии), английском, итальянском, арабском языках. Для Н. Фары с детства все они были «родными». Ребенком, он овладел ими в совершенстве.

¹ Следует заметить, что общепринятого определения понятия «клан» не существует. В данной статье в соответствии с тенденциями в западноевропейской литературе последних лет (в русле универсализации и уточнения терминологии) под кланом понимается унитарная кровнородственная корпоративная группа, члены которой возводят свое происхождение к общему предку, но не могут проследить свои родственные связи генеалогически. Она может состоять, а может и не состоять из линиджей, может быть, а может и не быть экзогамной.

Поскольку письменность на основе латинской графики в Сомали ввели только в октябре 1972 г., обучаться приходилось на разных языках. Учебники были на арабском, амхарском и английском языках. Н. Фара вспоминал: «Мы использовали те же английские учебники, что и в британских колониях в Восточной Африке... Мы не только чувствовали себя чужими, читая иностранные тексты, мир, представленный в них, не предлагал ничего знакомого сомалийскому ребенку, такому, каким был я сам. Мир, с которым я познакомился в школе, был разнообразным и совсем чужим, тогда я решил: чтобы жить в мире, частью которого я являюсь, я должен сделать его своим, приспособить его для себя... создать собственный космос...»¹

Подобного рода мироощущение присуще многим африканцам. Они ощущали себя людьми без истории, вне истории, вне культуры, вне социально-культурного пространства, вне времени — людьми невидимыми и немymi, неспособными стать узнаваемыми и услышанными.

Поликультурное образование (знание языков) позволяло определить роль и место родной культуры в системе мировых цивилизаций, понять, что родная культура представляет собой небольшую составную часть взаимозависимого мира. По словам Н. Фары, он осознал пользу образования и изучения иностранных языков в возрасте десяти лет и так писал об этом: «Я не только мог читать Коран, как профессиональный чтец, но также Ф. Достоевского и В. Гюго на арабском языке и «Историю западной философии» Б. Рассела — на английском. Не то чтобы я много понимал из того, что читал. Но кое-что было очевидным: я получил доступ к необъятному, многообразному миру... Чтение книг помогло расширить кругозор, прикоснуться к границам Вселенной. Я был взволнован тем, что читал, я был растроган, я сильно изменился. В те далекие дни часто цитировали пророка Мухаммада: “Чтобы приобрести знания, надо отправиться странствовать далеко-далеко, в Китай, если требуется”. Я не знал, где находится Китай. Я дорожил образованием как самой большой ценностью, и был готов отправиться за ним даже дальше»².

В коранической школе, где учился Н. Фара, преподавание велось на арабском языке, в миссионерской — на английском, в колледже в Могадишо — на итальянском языке. В Индии, где писатель изучал литературу, философию и социологию, языком общения был английский.

Поскольку писать на сомалийском возможности не было, перед Н. Фарой, как и перед большинством африканцев, встал вопрос — на каком языке писать. Язык бывших колонизаторов открывал доступ к широкой международной аудитории. Н. Фара сделал выбор в пользу английского языка, хотя многие критиковали его за это. По его собственному признанию, сделанному не то в шутку, не то всерьез, такое решение было вызвано практической необходимостью: он смог найти пишущую машинку только с английской клавиатурой.

По существу, выбор Н. Фары стал данью времени. Он чувствовал себя частью большого мира, когда писал на английском. Писатель, пишущий на английском,

¹Farah N. Why I Write // Emerging Perspectives on Nuruddin Farah / Ed. by D. Wright. Asmara. 2003. P. 2.

²Farah N. Celebrating Differences: the 1998 Neustadt Lecture // World Literature Today. 1998. Vol. 72, No. 4. P. 709.

в значительной мере ориентирован на международную аудиторию, более востребован в силу распространенности этого языка в мире.

По мнению Н. Фары, не важно, на каком языке писатель общается с аудиторией. По сути, все авторы пишут одну историю на разных языках. Каждая новая история есть не что иное, как новая редакция старой истории в обновленном пересказе. В каждой истории можно найти что-то новое, а все вместе они складываются в целостную картину мира. Н. Фара вносит свою лепту в создание универсальной истории, делая ее актуальной и злободневной. От интерпретации устных историй он переходит к интерпретации истории своей страны и континента, кропотливо фиксируя события и факты.

В устах Н. Фары английский язык превратился в инструмент, с помощью которого он раскрыл подробности сомалийской истории, передал уникальные особенности африканских нравов и обычаев, сохранил и поднял на высоту общечеловеческих ценностей культуру своего народа. Английский язык стал для Фары не только средством взаимопонимания и диалога культур, но и методом познания через знаковую систему уникальных особенностей социокультурного поля.

Природу идентичности Н. Фара исследовал в романе «Карты». Писатель вел повествование то от первого лица, то от второго, то от третьего, чтобы усилить атмосферу неопределенности в ходе поисков идентичности главным героем Аскарком.

В первой главе автор обозначил проблему: Аскар «является вопросом для самого себя, вопросом для всех, кого встречает, для тех, кто знает его, кто как-то связан с ним. Временами он сомневается, существует ли за пределами собственных мыслей...»¹. Историю жизни главного героя Н. Фара прописал в контексте отношений между этносами.

В книге, напоминающей притчу, Аскар — сын сомалийских патриотов-мучеников, которые отдали жизни за свободу родины — Огадена. Отец умер до его рождения, мать — при родах. Таким образом, он — плод сомалийского стремления к национализму и независимости. Он — символ спасения страны от колониализма. Однако национальные стремления ребенка возрастают в стане врага. Маленького Аскара нашла рядом с мертвой матерью и подобрала Мисра (она другой крови в материнском и этническом смысле). Посредством их отношений в романе раскрыта проблема идентичности: индивидуальной, коллективной, этнической, государственной.

Огаден пересекали волны мигрантов, что привело к смешению культур, которое лучше всего в романе воплощено в образе Мисры. Идентичность Мисры непроста: она — дочь амхарского дворянина и служанки-оромо², жила в сомалийской семье в Эфиопии, вынуждена была говорить на амхарском языке, имела эфиопских любовников. Хотя сомалийцами она воспринималась как эфиопка, у нее больше общего с захваченной землей, чем с захватчиками. Она ощущала себя зависимой, пленницей, как на территории Сомали, так и в Эфиопии, женщиной-рабыней, в социальном и сексуальном планах.

¹ Farah N. Maps. L., 1986. P. 3.

² Оромо — народ в Эфиопии и на севере Кении.

До семи лет Аскар жил с Мисрой в Огадене, после чего уехал в Могадишо к дяде с тетей, чтобы учиться. Он потерялся и пытался найти себя. Взрослея, Аскар чувствовал необходимость жить независимо от Мисры и выражал желание каждого мужчины — «убить в себе мать, чтобы жить дальше». К этому стремлению добавилось желание, унаследованное от родной матери, защитить свою страну от народа приемной матери.

Аскар отделился от Мисры, чтобы бороться за Сомали. На картах он чертил линии передвижения сомалийских войск и дистанцию, разделяющую его и Мисру. Его самостоятельность росла на фоне политической независимости Сомали.

В поисках ответов на мучившие его вопросы Аскар вернулся в Огаден. Он влился в ряды Западносомалийского фронта освобождения (ЗСФО), нацеленного на присоединение Огадена к Сомали, уверовал в себя: когда годы спустя он встретил Мисру, дистанция между ними выросла. Фраза: «Чтобы жить, я должен убить тебя» — приобрела новый смысл, когда появилось подозрение, что Мисра — предательница, заманившая в ловушку сомалийских солдат.

Ирония в том, что Мисра гораздо больше, чем Аскар, подходит для олицетворения образа Огадена, хотя именно ее обвинили в предательстве. Ее жестоко ругали сомалийские патриархи, она была изнасилована предполагаемыми спасителями (ЗСФО), а в финале романа — убита. Тело Мисры было расчленено на пять частей, подобно территории, на которой проживают сомалийские племена. Члены ЗСФО не нуждались в доказательстве ее вины. Она, по их мнению, — больная часть сомалийского наследия, раковая опухоль, которую необходимо удалить (таково их извращенное прочтение проведения над ней мастектомии).

Мисра, как и Аскар, — сирота, лишенная корней, а ее родная культура оромо ограничена устным народным творчеством. Она соприкасалась со всеми культурами, заполнившими Огаден, население которого живет в поисках идентичности. В романе всего несколько героев — сомалийцы, остальные — представители оромо, квотто, боран, арабов, амхара. Мисра — лучшее олицетворение земли, на которой вперемешку живут разные народы, как в Огадене.

Н. Фара настаивал, что необходимо перекроить колониальные карты Африки в соответствии с экономическими, психологическими и социальными нуждами, не принимая во внимание бессмысленные границы. Не случайно его герой — Аскар — испытывает ностальгию по периоду Второй мировой войны, когда сомалийские территории, исключая Джибути, находились под властью единой колониальной администрации. Однако составленная Аскаром политико-лингвистическая карта Великого Сомали — такой же вымысел (в смысле культурной географии), каким были колониальные карты в политической географии.

Карты Великого Сомали отвергали социально-политическое деление подобно тому, как карты времен колониального господства отрицали этнические и культурные барьеры. Реальное возражение в картах нового образца вызывало то, что в рамках одного государства объединялись люди, которые по разным параметрам существенно различались (даже лингвистически). Например, сомалийцы в Кении и Танзании, говорящие на суахили и на примитивном сомалийском. Население Огадена, говорящее на амхарском языке, полностью игнорировалось. Жители, ассими-

лированные сомалийцами, подобно Мисре, воспитавшей сомалийского ребенка, исключались из состава Великого Сомали. Таким образом, сомалийская карта представила неточную, неадекватную модель реальности.

Подобная ситуация актуальна не только для Сомали. Майкл Ондатже — канадец, родившийся на Шри-Ланке, автор романа «Английский пациент», человек вне идентичности — говорил о пребывании в годы Второй мировой войны в Африке: «Мне сделалось ненавистно самое понятие нации. Постоянное осознание, ощущение своей и чужой национальной принадлежности разрушает человека. ...К тому времени, как началась война, я провел в пустыне уже десять лет, и мне не представляло никакого труда проскальзывать через границы, не принадлежать никому, никакой нации. ...Я верю в такую картографию, выполненную самой природой, а не в гроздь имен на карте, словно названия универмагов, данные в честь их богатых владельцев — женщин и мужчин. У нас общая история, общие книги... Нами не владеют, и мы не моногамны в наших вкусах и опыте. Все, что я хотел, — это пройти по такой земле, где нет карт»¹.

В романе «Карты» проблема этничности поставлена во главу угла. Карта региона — инструмент постколониального этноцентризма. Н. Фара представил нам карту современного мира и предложил совершить путешествие по «территории боли», или по тому, что мы называем Африкой.

В Сомали каждый человек соотносил себя с каким-нибудь кланом, подчеркивал клановую идентичность: маджертен, раханвейн, марехан — консолидации в их среде не было. Ее отсутствие привело к разобщенности — к тому, что лидеры вооруженных группировок были возведены в ранг полномочных и практически законных представителей сомалийского народа. Вирус конфронтации глубоко проник в сомалийское общество, и сомалийцы оказались в состоянии доверять лишь кланам.

Н. Фара пришел к выводу, что в Сомали человек является не личностью, а членом клана. Сомалийцем он становится за пределами родины. Герой романа «Связи» Джиблех (подобно писателю) ощущал себя свободным от бремени традиционных связей. Когда он эмигрировал, кланы не обладали политической властью. Личные отношения между людьми, дружба значили больше, чем кровные узы. Однако долгое отсутствие сделало очевидным то, что правила игры изменились.

Родственные связи — кровь, а не способности — стали пропуском наверх. В обществе ценилось не соучастие, а причастность к определенному генеалогическому дереву. Знакомые объясняли ему, что у них нет больше друзей, они полагаются только на клановую принадлежность. Главный герой не принимал подобных инноваций. В романе он высказывает те же мысли, что и Н. Фара в своих интервью: нельзя проявлять особое отношение к людям только по причине кровного родства, в ущерб их заслугам.

Джиблех пытался не вмешиваться в клановые конфликты, хотя не мог оставаться в стороне, узнав, что у его друга детства Биле похитили племянницу. Биле относился к клану, который контролировал юг Могадишо. Джиблех был родом из клана, под

¹ Ondaatje M. The English Patient. L., 1993. P. 138–139, 261.

контролем которого находился север столицы. Именно его члены похитили девочку. Джиблех, рискуя жизнью, пытался найти ребенка. Он понимал, что в Сомали никому верить нельзя и прошел через все круги ада.

Тема Преисподней постоянно всплывает в романе. Джиблех написал диссертацию об «Аде» Данте и получил степень доктора философии. Однако в условиях Сомали успех, степени и титулы ничего не значили: жизнь в Сомали можно было сравнить только с Адом.

Н. Фара пытался выявить причины непрекращающихся кровопролитных конфликтов в Сомали. Их истоки он связывал с началом колониального господства, когда по инициативе европейских держав Африка была волонтаристски разделена и этносы, племена и кланы оказались по разные стороны государственных границ, что способствовало утрате чувства этнической общности и возникновению противоречий самого различного уровня. Именно они породили множество этнорегиональных и конфессиональных проблем, обострили проблему идентичности.

По мнению Н. Фары, не в традициях сомалийцев страдать за клан, многие современные комментаторы приписывают клану слишком большую роль в жизни сомалийцев. «Клан объединяет сотни, тысячи, миллионы людей, которые не знают друг друга. Их могут связывать общие интересы или какие-то другие причины. Но каждый из них индивидуален. Клан не может быть определяющим фактором в их жизни, иначе создается ложная идентичность, которая работает недолго и только в определенных условиях. Человек не может представлять свой клан, он — индивидуальность. Клан может организовать людей ненадолго, подобно тому, как гроза, застигающая людей на улице, собирает их под одной крышей. Они становятся друзьями на какое-то время, но как только гроза прекратится, каждый пойдет своей дорогой»¹.

Однако новые отношения (рыночные, капиталистические) наложились на традиционные, общинно-племенные отношения; монотеистические религии (ислам, христианство), новые ценности и нормы грубо вломились в сбалансированное мифологическое миропонимание, систему ценностей, нормы поведения и социальные ориентации, вызвав серьезный культурный и психологический шок. В то же время новые отношения и формы духовности не сломали существующие традиционные отношения и принципы миропонимания, хотя и породили ряд серьезных противоречий.

Н. Фара акцентировал внимание на процессе архаизации массового сознания, ставшего следствием социально-психологического кризиса, сопровождающегося усилением настроений неудовлетворенности в среде широких кругов населения. Люди стали искать выход из кризиса, обращаясь к традициям прошлого. В условиях крушения государственной системы они, защищаясь, противопоставляли этому крушению свои этнические, а нередко и родо-племенные ценности. На авансцену

¹Alden P., Tremaine L. How Can We Talk of Democracy? An Interview with Nuruddin Farah // *Emerging Perspectives on Nuruddin Farah* / Ed. by D. Wright. Asmara, 2003. P. 28–29.

выступили отдельные элементы этнической культуры: фольклор, обряды, обычаи, язык, религиозные установки.

В условиях кризиса на первый план вышли особые психологические механизмы — защитные, компенсаторные. В соответствии с ними все, что находится за пределами этнической культуры, воспринимается враждебно: пространство — как хаос, люди — как нелюди, чужаки, враги. Картина мира воспринимается только в черном и белом цвете. Все доброе, светлое, героическое (во всех сферах — от экономики до культуры) есть принадлежность своих, этнически идентичных (оно обретает сакральность); все злое, жестокое, темное, трусливое относится к этнически чуждым, инородцам (оно обретает черты варварства, дикости).

В кризисной ситуации сам способ познания окружающей действительности становится мифологическим. В таких условиях человек живет в двух мирах — в мире обыденных забот и дел и одновременно — в мире прорыва в бескрайние глубины бытия. Добро и зло размыты, границы их расплывчаты: реальное представляется ирреальным, ирреальное обретает черты реального. Все это фиксирует память. В том числе память тех, кто покинул страну и живет на чужбине.

Индивидуальные эмоции как обертоны сопровождают основной для сомалийцев тон социальной оценки: так беженцы ощущают себя частью общности и свое «я» стремятся реализовать через «мы». Категория «мы» — весьма существенный элемент любой политической мифологии, восполняющий утраченное архаическое единство общности и индивида, необходимое для защиты от внешнего врага.

Кризис идентичности сомалийцев привел к парадоксальной ситуации: факты и события не могут быть оценены адекватно, жизненные устои и ценности изменились, люди оказались в одиночестве, один на один с враждебным и непредсказуемым миром, лишённые привычных связей.

Еще сложнее положение сомалийских эмигрантов. Многие из них ощутили себя амфибиями, жителями двух миров. Они разрываются между домом и изгнанием, между разными мировоззрениями, между мечтами и реальностью. Некоторые (преимущественно художники) сравнивали себя с форелью, живущей как в пресной, так и в морской воде. Одни, словно остановившись на полпути к идентичности, жили «на грани» — на грани континентов, государств, культур, цивилизаций. По происхождению африканцы, они благодаря воспитанию и образованию стали европейцами, американцами и открыто заявили об этом. Другие, прежде всего те, кто достиг успеха, идентифицировали себя в рамках профессии, преодолев комплекс неполноценности («невидимости», «незаметности»), связанный с постоянной необходимостью доказывать окружающим свою профессиональную и творческую состоятельность только потому, что они африканцы. Во время бесед с Н. Фарой практически все они раскрывали перед ним душу, что было невозможно, если бы их опрашивал англичанин, итальянец или швед.

Беженцы или нет, сомалийцы стали чужими для самих себя, неспособными примирить себя со своим новым «я». Каждый идентифицировал себя с каким-нибудь кланом. В беседах с Н. Фарой они повторяли снова и снова: «Мы знали, кем мы были,

а в Европе мы — в первую очередь — беженцы, во вторую — черные африканцы, в третью — сомалийцы»¹.

По мнению Н. Фары, в эпоху неокOLONиализма человека преследует неопределенность: он рождается в неопределенности, живет в неопределенности, умирает в неопределенности. Он попал в ловушку и не может выбраться из нее, пока не обретет себя. Он живет взаимности у будущего, поскольку его настоящее неопределенно.

Н. Фаре, пережившему многое из того, о чем говорили его собеседники (и соотечественники одновременно), удалось превратить их свидетельства в свидетельства истории, а их самих — в свидетелей истории, заставив осмыслить и озвучить наболевшее и сделать из него «продукт социального взаимодействия» говорящего (дающего интервью), слушателя (интервьюера, автора книги) и того, о чем (или о ком) говорят (в данном случае — Сомали).

Осознание сомалийцами своей этнической идентичности необходимо для разрешения конфликтов, царящих в стране, для нормализации политической, экономической, идеологической обстановки. Поиск национальной идентичности неразрывно связан с осмыслением феномена памяти. Память — важнейший источник идентичности. В ней заложены представления о победах после поражений, величии после унижений. Именно эти глубинные исторические аспекты сакрального начинают работать на формирование идентичности. История становится основой идентичности, в которой важнейшее значение приобретают модели будущего. Идет борьба за наиболее вдохновляющую версию прошлого. И это является одним из ответов на кризис идентичности.

Одна из важнейших сторон идентификации — установление многозначных связей между собой и другими. Организация подобных связей обеспечивает интеграцию индивида с миром, чувство неразрывной связи с ним, что является необходимым условием не только творческого взаимодействия с действительностью, но и поддержания физического здоровья. Когда субъект ощущает себя органической частью группы, а через нее — и всего мира, это смягчает его противоречия с миром, способствует нахождению субъектом новых нетривиальных путей для разрешения конфликтов. Само человеческое существование, условия выживания, достижения благополучия связаны с пребыванием в согласии с природой человека. Отсюда вытекает закономерный вопрос о преодолении отдельности человека в современном мире.

Ислам является одним из факторов, сплачивающих сомалийцев. Он дает надежду на мир, единство и восстановление нормальной жизни. Он объясняет природу страданий и помогает их облегчить. Для некоторых сомалийцев осознание себя в исламе стало важнее принадлежности к сомалийской нации — главной составляющей идентичности.

Н. Фара давно решил, что для него не существует никаких границ. Их нет в его мыслях и в его жизни. Для урегулирования конфликта, по мнению писателя, не-

¹Farah N. Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora. L. & N.-Y., 2000. P. 5, 190.

обходимо создать в Сомали политическую систему, учитывающую интересы всех этнических групп, чтобы все стороны осознали важность национального примирения и диалога.

Представления Н. Фары об идентичности типичны для сомалийца, постоянно проживающего за пределами Сомали. Повсюду (в Сомали и вне Сомали) он ощущал себя изгнанником. Сомалиец, изучавший Библию и Коран, свободно говорящий на английском, арабском, итальянском и сомали, писатель, интересующийся историей, университетский профессор, зарабатывающий на жизнь журналистикой, диссидент, он позиционирует себя как гражданин мира, что тоже в определенном смысле является проявлением кризиса идентичности.

СОМАЛИЛЕНД: ЛЕЧЕНИЕ «ЧИСТЫМ ИСЛАМОМ»*

Мария Тиуликайнен**

Перевод с английского Анны Сырейщиковой***

Гражданская война в Сомали разрушила государственную инфраструктуру, включая систему медицинских услуг. В действительности, еще и до войны система общественного здравоохранения не отвечала всем необходимым требованиям и большей частью была сосредоточена в городах, а в основном — в Могадишо. В то время во всем Сомали было всего 347 врачей и 1409 сиделок, прошедших соответствующую подготовку. С началом войны около трети квалифицированного медицинского персонала, большую часть которого составляли практикующие врачи и медики-теоретики, покинуло страну.

МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ В СОМАЛИЛЕНДЕ

Во время правления Мохаммеда Сиада Барре (1969–1991) Северное Сомали было слабо развитой страной. Государство Сомалиленд в одностороннем порядке объявило о своей независимости в 1991 г. Несмотря на отсутствие международного признания, Сомалиленд постепенно смог восстановить систему управления и основные, жизненно важные политические институты. Этот регион и до настоящего времени остается относительно спокойным и безопасным в отличие от других частей Сомали, которые были разорены постоянной нестабильностью и боевыми действиями. Оценочная численность населения Сомалиленда колеблется в пределах от чуть менее 2 млн до 3,5 млн человек.

В Сомали смертность при родах и детская смертность самые высокие в мире. В связи с недостаточным питанием и отсутствием чистой воды широко распространены такие заболевания, как туберкулез, малярия, диарея, холера и полиомиелит.

* Данная статья основана на этнографическом полевом материале, который был собран автором в течение пяти месяцев в период с 2005 по 2011 г. в Сомалиленде, в основном в его столице — Харгейсе. Этот материал был частью научно-исследовательского проекта, профинансированного Академией Финляндии, и включает в себя наблюдения и интервью с несколькими местными знахарями и их пациентами из диаспоры.

** Мария Тиуликайнен (р. 1962) — профессор Университета Хельсинки. В 2003 г. защитила диссертацию на тему «Повседневный ислам: жизнь сомалийских женщин в Финляндии».

*** Анна Андреевна Сырейщикова (р. 1981) — историк-востоковед, переводчик; выпускница ИВКА РГГУ (г. Москва).

В соответствии с официальной статистикой в системе общественного здравоохранения в Сомалиленде в 2009 г. работали 86 докторов, 369 квалифицированных сестер, 89 акушерок, 24 сотрудника лаборатории и 4 рентгенолога. Население обслуживали 24 больницы на 1749 мест, 85 центров здоровья матери и ребенка, 170 медпунктов (Somaliland in Figures 2010. P. 63). Существующая служба психиатрической помощи не аналогична службам, которые доступны в странах Запада. Единственная функциональная психиатрическая больница в Сомали находится в Бербере. Кроме этого, в центральных больницах Харгейсы и Бурао есть психиатрические отделения. Но ни одного квалифицированного психиатра в Сомалиленде нет.

До войны государство поддерживало основные медицинские службы за счет иностранной финансовой помощи. Коллапс централизованного управления привел к приватизации сектора услуг, децентрализации и, как результат, к отсутствию государственного контроля и регулирования. Правительство Сомалиленда ассигнует на здравоохранение менее 3 % годового бюджета, и службы здравоохранения в подавляющем объеме зависят от международных организаций (ВОЗ, ЮНЕСКО, исламские благотворительные организации), денежных переводов, присылаемых сомалийской диаспорой, и поддержки, оказываемой местными бизнесменами. Государственное медицинское обслуживание не полностью бесплатно: часть стоимости вносит пациент. Например, в январе 2011 г. визит к доктору в больнице «Харгейса Групп» стоил 5000 сомалилендских шиллингов (около \$1).

Система общественного здравоохранения плохо организована практически на всех уровнях, а больницы и пункты медицинского обслуживания в основном сосредоточены в городах. Планирование обслуживания, так же как и его регулирование, затруднено из-за приватизации сектора и дробления сферы услуг, а также в связи с отсутствием достоверных данных и их анализа. Квалификация медицинского персонала оставляет желать лучшего. Любой человек, не имеющий специального образования, может открыть аптеку или учреждение здравоохранения. Качество медикаментов непредсказуемо, и такие лекарства, как антибиотики или психотропные препараты, находятся в свободной продаже.

Кроме недостаточно развитого общественного здравоохранения существует значительное количество частных больниц, клиник и аптек, открытых с начала 1990-х гг. Например, родильный дом Эдны Аден в Харгейсе создан и поддерживается за счет совместного финансирования из-за рубежа. Родильный дом Эдны Аден считается лучшим на территории Африканского Рога и функционирует так же, как *клиника при медицинском учебном учреждении, ведущая прием*. Больница Манхал, которая считается лучшей в Харгейсе и вообще в Сомалиленде, когда речь идет о лечении глазных болезней, первоначально субсидировалась правительством Кувейта. Врачи-несомалийцы, т.е. йеменцы, египтяне и пакистанцы, время от времени приезжают сюда на 2–4 недели для работы в какой-то конкретной области. В больнице Манхал визит к общему терапевту стоит чуть больше, чем в государственной: 15 000–20 000 сомалилендских шиллингов (примерно \$2,7–3,6). Операция там же может стоить \$200–250.

Частные больницы и клиники привлекают квалифицированный персонал лучшим оборудованием и большими зарплатами (в сравнении с государственными больницами): так, например, врач в больнице «Харгейса Групп» получает в месяц около \$70, в то время как в частном секторе минимальная зарплата врача составляет \$500.

Низкая оплата труда уменьшает степень отдачи и снижает мотивацию персонала, препятствует повышению качества обслуживания в государственных больницах и центрах здоровья. Например, медицинская сестра из больницы «Харгейса Групп» рассказала, что до прихода утром на основную работу, она занята несколько часов в частной клинике. В больнице ее зарплата равна \$40, в то время, как в частной клинике — \$150.

Таким образом, одной из немаловажных проблем государственных медицинских учреждений, таких как больница «Харгейса Групп», является спорадическое отсутствие на месте старшего персонала, который, вместо того чтобы находиться в стационаре, предпочитает в это время работать на себя. Например, двое сотрудников, ответственных за отделения для душевнобольных, ведут и два частных центра психосоциальной помощи, где они лечат стационарных больных, некоторые из них были в прошлом пациентами государственной больницы. Персонал, который по утрам занят в больнице, работает в частной клинике после обеда или вечером. Скорая медицинская помощь в Харгейсе оказывается только в больнице «Харгейса Групп».

В частном секторе предлагают свои услуги не только профессиональные медики, а и нетрадиционные целители. Одним из наиболее популярных религиозных целителей является шейх Ибрагим.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Мать приносит своего больного ребенка в клинику шейха, когда подходит ее очередь, входит в помещение, где шейх ведет осмотр. Садится на стул, шейх сидит около письменного стола на противоположной стороне комнаты. Шейх спрашивает:

— Кто болен?

— Этот мальчик.

— Как его зовут? Сколько ему лет?

— Шесть месяцев.

— Что с ним? Какая у него болезнь?

Мать показывает прыщи на его руке.

— Он берет грудь?

— Да, но он не пьет ничего другого и чего-то боится.

— Много ли он двигается во время сна? Он часто плачет?

— Да.

— Когда ты укладываешь ребенка вечером в колыбель, замечала ли ты, что у него есть трудности в дыхании и отбрасывает ли он одеяло?

— Да.

— Ему жарко и он сильно потеет?

— Да.

— Это твой первый ребенок?

Шейх говорит, что ребенок красивый, счастливый и улыбающийся.

— Ты носила его ко врачу или в аптеку, когда он начал покрываться прыщами?

— Нет, не носила.

Шейх говорит, что болезнь ребенка вызвала сглазом. Для лечения он назначает *'ашар* — воду, которую он заговорил, читая Коран, и добавил в нее определенные растительные ингредиенты.

— Ребенок должен принимать лекарство 20 дней, и это вылечит его кожу изнутри, — объясняет шейх.

Эта беседа состоялась в августе 2005 г. в клинике шейха Ибрагима. Клиника — одно большое помещение, разделенное перегородкой на зал ожидания и смотровой кабинет. В глубине помещения есть еще одна комната, закрытая для доступа, где шейх вместе со своим помощником ежедневно готовят смеси из секретных медицинских концентратов. Также в клинике есть стол администратора, который раздает номера в очереди и присматривает за кассетой с кораническими рецитациями, которая воспроизводится весь день. На стенах зала ожидания висят картинки с анатомическими изображениями внутренних органов. Зал ожидания обычно полон пациентов. Многие из них — женщины, страдающие гинекологическими заболеваниями.

В шкафу в кабинете шейха кроме арабоязычной религиозной литературы имеются книги по медицине на английском языке. Шейх не очень хорошо владеет английским, однако он говорит, что многое об анатомии узнал по иллюстрациям, а также из Интернета и от медиков. У шейха есть печать с его именем и книга, куда он заносит информацию о лекарстве и назначаемой пациенту дозе. Летом следующего года у шейха уже был лэптоп и он начал вести электронную регистрацию пациентов.

На первый взгляд клиника шейха не отличается от многих других современных клиник, но по мере наблюдения становится очевидна разница — она заключается в диагнозах и лекарствах, которые он предписывает. Самые частые диагнозы шейха Джабира — это джинны, сглаз или порча, а лекарство — смесь *'ашара* и трав, которую он сам приготовил. Кроме *'ашара* он также может порекомендовать и предписать другое лечение.

Здравоохранение в Сомалиленде — хороший пример так называемого медицинского плюрализма, который в данном случае подразумевает существование самопомощи и народной медицины наравне с применением традиционных медицинских методов. Значительная роль народных целителей и параллельное использование различных методов лечения характерны для многих африканских стран.

В Сомалиленде большое число народных и религиозных шейхов предоставляют медицинские услуги. Целительство, которое в Сомали всегда играло важную роль в общей системе здравоохранения, можно очень приблизительно разделить на лечение, которое затрагивает духовные или иные причины болезни, и лечение, которое направлено на естественные болезни или прагматические (материальные) проблемы. Среди местных целителей встречаются, например, медиумы, шейхи,

которые лечат с помощью Корана, травники, остеопаты и специалисты баночной терапии. В решении проблем, связанных с психическим здоровьем, в первую очередь используются чтение Корана, ритуалы изгнания духов, лечение травами — это в зависимости от состояния больного и предпочтений семьи. Кроме того, появилась новая категория религиозных целителей, которые дистанцируются от бытующих традиционных суфийских практик и пропагандируют лечение методами «чистого ислама». Все эти изменения в методах связаны с социальными и экономическими условиями в стране послевоенного периода и в более широком плане — с религиозно-политическими процессами, идущими на Африканском Роге.

Слово «нетрадиционный» не очень подходит для описания сомалийских лекарей сегодня. Нетрадиционные лечебные практики не застыли во времени, они меняются и развиваются в том же направлении, в каком в целом меняется и эволюционирует культура. Шэйн Грин, изучающий шаманов Перу, предлагает термин «intermediality» в описании того, как нетрадиционные лечебные практики смешиваются с современными биомедицинскими методами (Green 1998, 641). Сомалийские лекари частично заимствуют современные медицинские методики и техники, но в то же самое время религиозная и культурная составляющие остаются базовые.

Новое явление, как результат войны, — это религиозные целительские клиники, которые получили известность как *уладж*. Термин «уладж» имеет арабское происхождение и означает «лечение». Во время последнего моего полевого сезона в январе 2011 г. я поняла, что в течение четырех лет произошло явное увеличение числа *уладж*. Многие *уладж* похожи на больницы, они имеют своих стационарных больных на ежемесячной платной основе, однако пациенты не имеют права самовольно прекратить лечение и покинуть больницу. Естественно, некоторые считали, что они находятся в тюрьме. Лечение в таких больницах в основном заключается в слушании Корана, использовании трав, иногда применяются медикаменты.

Кроме клинических условий содержания больных, методов общения, которые напоминают контакт между врачом и пациентом, сомалийские лекари переняли новые методы диагностики и применяют специальное медицинское оборудование. Я наблюдала, как некоторые лекари берут анализы крови и мочи или меряют кровяное давление. Более того, ими используется распространенный электронный прибор — нейромышечный стимулятор, который применяется и в западной психотерапии, но в клинике лекаря он служит для того, чтобы определить, одержим ли человек джинном, или даже для его изгнания. Как мне объяснили, джинны боятся электричества, и, таким образом, электрический шок очень эффективен. Один из лекарей показал, как он опустошал медикаментозные капсулы от препарата и наполнял их травяной смесью, которую сам изготовил. По его словам, это удобно, так как позволяет правильно отмерить дозу. Согласно моему выводу, это действие также делало его образ более соответствующим образу медика и повышало авторитет у пациентов. Мне также говорили, что некоторые шейхи могут поместить пациента под капельницу из *'ашара*. Один из целителей, шейх Хасан, который раньше был остеопатом, теперь делает сложные хирургические операции с применением анестезии. Мобильные телефоны в стране весьма распространены, и с их помощью пациенты из диаспоры могут легко позвонить лекарям; дух джинна также можно изгнать, прочитав Коран по мо-

бильному телефону. Врачи могут также направить своих пациентов в клиническую лабораторию или на рентген. В добавок, как и в случае с шейхом Ибрагимом, использование ноутбука и Интернета становится неотъемлемой составляющей ведения дела, по крайней мере — для молодого поколения врачей.

Плата у целителей в клиниках колеблется в зависимости от лечения. Например, в клинике шейха Ибрагима первый прием стоит 10 000 сомалилендских шиллингов (около \$1,8), а второй прием стоит в два раза меньше. Цена *'ашара* у него может варьировать, и, по словам шейха, самый дорогой *'ашар* стоит \$10 (доза на 5 дней), а самый дешевый — примерно \$3,6. Он также продает такое импортное лекарство как «мед для бороды», которое является самым дорогим из его снадобий и стоит \$20, а также «смесь для счастья» — для повышения сексуальной потенции, и «морарен» — смесь трав, которую женщины могут использовать, например, после беременности.

Шейх Хасан — врач, который делает хирургические операции: удаляет пули или в случае сложного перелома имплантирует в человеческое тело кости животных, — берет за операцию от 100 до \$200, в зависимости от сложности операции и материальных возможностей больного. В действительности, все врачи, так же как и общие терапевты, упоминали, что, если пациент беден и не может платить, они могут лечить его и бесплатно. Некоторые целители подчеркивали, что пациент может заплатить столько, сколько позволяют ему его возможности. Для тех же целителей, которые работают *со вселившимися духами* и избавляют от них, напротив, является решающим, чтобы пациент внес оплату до лечения. Как они говорят, плата — это ключ к процессу излечения, т.к. это «открывает дорогу» духам. Ритуал изгнания духов может стоить от \$100 до нескольких сотен, даже \$1500 в зависимости от его продолжительности и сложности приготовлений.

СОВМЕЩЕННОЕ ЛЕЧЕНИЕ: БИОМЕДИЦИНСКИЕ И СОМАЛИЙСКИЕ МЕТОДЫ

Большая часть докторов, с которыми я беседовала в Сомалиленде, скорее негативно относятся к народному и религиозному лечению. Тем не менее некоторые доктора говорили, что они могут допустить и понять нетрадиционные методы, в особенности такой способ, как, например, чтение Корана, если пациент и/или его семья считает это необходимым для излечения. Мне также перечисляли имена некоторых известных целителей, с которыми они сотрудничали. Кроме того, некоторые целители упоминали, что в случае, если они не могли лечить пациента или понимали, что болезнь, с которой пациент обратился к ним, требует медицинского лечения, они направляли его к профессиональному врачу.

Во время последнего моего визита был замечен активный подъем института *иладж*. Несколько новых пунктов были открыты в Харгейсе, где в основном проходили лечение пациенты, страдающие от джиннов, сглаза или *сихир* (колдовства), а также психо-эмоциональных расстройств или наркотической зависимости. Они обычно остаются в *иладж*, или, как они их называют, центрах психосоциальной по-

мощи, в течение нескольких месяцев. Лечение стоит около \$100–150 в месяц. Одним из таких пунктов руководит доктор, работающий в психиатрическом отделении больницы «Харгейса Групп».

Этот *уладж* был основан в 2007 году и состоит из трех отдельных домов, которые способны принять 120 стационарных больных. Кроме этого, 20 пациентов *уладж* доктор ведет амбулаторно. Все пациенты — мужчины, так как персоналу сложно проводить лечение женщин: согласно исламу весь младший обслуживающий персонал должен также состоять только из женщин, и при этом они должны быть достаточно сильными физически. Шизофрения, психозы, маниакально-депрессивный синдром, зависимость от *ката* и посттравматический стресс являются наиболее распространенными диагнозами. По мнению доктора, безработица является самой большой бедой в Сомалиленде и является причиной многих психических проблем.

Ежемесячная плата за лечение включает также расходы на одежду, уборку помещений, охранников, препараты и лабораторные исследования. Доктор жаловался на то, что ситуация в психиатрическом отделении в больнице «Харгейса Групп» проблематична: пациенты платили одновременно только \$10 — за первый прием, когда только попадали в больницу. Общее число больных мужского пола было 70 человек, женского — 30. Однако пациентам не было предоставлено ни питания, ни должного медикаментозного лечения; санация и уборка также были плохими.

В *уладж* сочетают медицинские и религиозные методы лечения. Врач говорит, что он сам верит только в терапевтическую составляющую, но семьи могут захотеть также религиозного/ нетрадиционного лечения, которое, например, состоит из чтения над ними Корана и лечения травами.

Еще одним *уладж* руководит психологический координатор, который также работает в больнице «Харгейса Групп». Этот *уладж* состоит из трех зданий, одно из них отведено для женщин. Общее число пациентов на момент моего посещения — 136 человек. Одно из зданий, которое я посетила, показывал, как он представился, квалифицированный медбрат. Он был убежден, что сочетание терапевтических и религиозных методов лечения очень эффективно: если терапия не имеет хорошего эффекта, они ведут пациента к шейху, который работает в том же *уладж*. По его словам, *уладж* на постоянной основе сотрудничает с больницей для душевнобольных, а государство организует для персонала курсы и семинары.

Некоторые другие клиники-*уладж* не всегда выражают оптимизм относительно этих центров психосоциальной помощи. Вот, что, например, рассказал в Харгейсе один уважаемый шейх:

«Я основал первый *уладж*, где у меня были стационарные больные, в 2006 году. После этого другие тоже стали так делать. Есть два типа мест, где лечатся люди. Первый — *уладж*, где лечение проводится религиозными методами, и второй — это психиатрическая больница или центр психосоциальной помощи. Эти последние — что-то вроде некоммерческой организации, они только держат людей. Но мы (в *уладж*) лечим людей».

В январе 2011 года я подняла вопрос о народной медицине с министром здравоохранения и министром по религиозным делам. В Министерстве здравоохра-

нения основная точка зрения сводилась к тому, что необходимо посещать различные *шадж* и проверять, какого рода лечение там оказывается. В особенности они осуждали использование *'ашара* (настойки // вливания) и травяных препаратов, которые не проходили необходимой проверки. Кроме того, было высказано мнение, что качество поступающих импортных препаратов необходимо контролировать лучшим образом. Однако министр здравоохранения подчеркнул, что сомалийские знахари обычно имеют хороший контакт с общиной, и, таким образом, с ними стоит сотрудничать. Когда я задала им более конкретный вопрос: как они относятся к хирургической оперативной практике шейха Хасана, они высказали мнение, что он делает полезное дело, даже если операции на мозге и нельзя считать приемлемыми.

Министр по религиозным вопросам сказал, что он считает нужным способствовать правильному процессу исламского лечения, и необходимо создать директивы по тому, как именно медицина и ислам могут взаимодействовать. Кроме этого, он видит необходимость в разработке справочной системы между терапевтами и целителями, и наоборот. Более того, он также назвал имена нескольких шейхов в качестве примера квалифицированных целителей. Но он заметил, что ритуалы изгнания духов или суфийские лечебные практики — это неправильные способы лечения, от которых следует отказаться.

* * *

В Сомали, в нашем случае — в первую очередь в Сомалиленде, расширение любого сотрудничества сталкивается с обычными проблемами, которые одинаковы для любой развивающейся страны: отсутствие обученного персонала и источников финансирования, плохое управление, коррупция. Далее, распад Сомали и системы государственного управления привел к дроблению, приватизации и сокращению объемов государственного вмешательства в социальную сферу. Исключительная бедность и нереализованные базовые потребности первой необходимости привели к процветанию частного сектора здравоохранения, где целители или лекари заполнили пробел в муниципальном медицинском обслуживании. Профессия целителя — это способ получения дохода. Иногда лекарь становится последней надеждой исцеления для больного человека, или к лекарю обращаются из-за того, что пациент не может себе позволить визит к врачу-медику, хотя собранные мною данные показывают, что услуги, которые предоставляют сейчас сомалийские целители, подчас даже дороже, чем услуги врача-медика. Пациенты обращаются за помощью к целителям чаще всего потому, что они доверяют им: лекари дают значимое для них культурное и религиозное объяснение болезней.

Развитие сектора здравоохранения в Сомали является локальным процессом в рамках культурного, социального и религиозного развития. Местные лекари заимствуют новые методы и оборудование и развивают свои методики лечения под влиянием общей модернизации и глобализации. Международные доноры и другие деятели, участвующие в процессе развития медицинского обеспечения в Сомали,

вероятно, выиграли бы от возможности увидеть полную картину различных внутренних связей секторов в здравоохранении.

В настоящий момент правительство Сомалиленда не имеет реальных возможностей для управления сектором медицинских услуг и для контроля квалификации обученного медицинского персонала и тем более огромного количества народных целителей, и их деятельности не уделяется должного внимания. Правительство страны, по-видимому, в какой-то степени готово положительно оценить работу, проделанную некоторыми сомалийскими целителями, в особенности религиозными шейхами. В Конституции Сомалиленда (2001, статья 5) говорится, что официальной религией Сомалиленда является ислам. Вопрос в том — какую разновидность ислама или какое лечение по исламу следует считать правильным в данный период. Это политический вопрос, который связан с более широкой социально-политической перспективой в Сомалиленде и вообще на Африканском Роге.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЧЁТКИ»

Оформите подписку в редакции журнала.

Стоимость подписки в редакции (включая стоимость доставки):

за один номер –150 р.

годовая подписка – 600 р.

Оплатив квитанцию (находится на обороте), необходимо выслать ее в редакцию удобным для Вас способом вместе с заполненным купоном. Оплаченная квитанция является документом о подписке.

**Подписной купон журнала «Чётки»
на № 1 2007 г., № 1 2008 г., №№ 1-4 2009 г., №№ 1-4 2010 г., №№ 1-4 2011 г.**

Фамилия _____

Имя _____

Отчество _____

Желаю подписаться на получение:

В количестве _____ экз.

1 (2007 г.)	1 (2008 г.)	1 (2009 г.)	2 (2009 г.)	3 (2009 г.)	4 (2009 г.)
1 (2010 г.)	2 (2010 г.)	3 (2010 г.)	4 (2010 г.)	1-2 (2011 г.)	3 (2011 г.)
4 (2011 г.)					

Номера(ов) журнала (Выбранные зачеркнуть)

Мой адрес:

Индекс: _____

Страна: _____

Город: _____

Область: _____

Улица: _____

Дом: _____ корп. _____ кв. _____

(Заполните печатными буквами)

Получатель: _____ Форма № пд-4
ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629
В филиале «Гостинный Двор» КБ «Рублевский».
г. Москва, БИК 044552218
Расчетный счет № 40702810700000003047
Кор. счет № 30101 810400000000218

Фамилия И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Оплата подписки на журнал «Чётки»		

ИЗВЕЩЕНИЕ

Получатель: _____
ООО «Издательский дом Марджани» ИНН7736557629
В филиале «Гостинный Двор» КБ «Рублевский».
г. Москва, БИК 044552218
Расчетный счет № 40702810700000003047
Кор. счет № 30101 810400000000218

Фамилия И.О., адрес плательщика

Вид платежа	Дата	Сумма
Оплата подписки на журнал «Чётки»		

ISSN 20702205113

9 772070 220008

Фонд Марджани